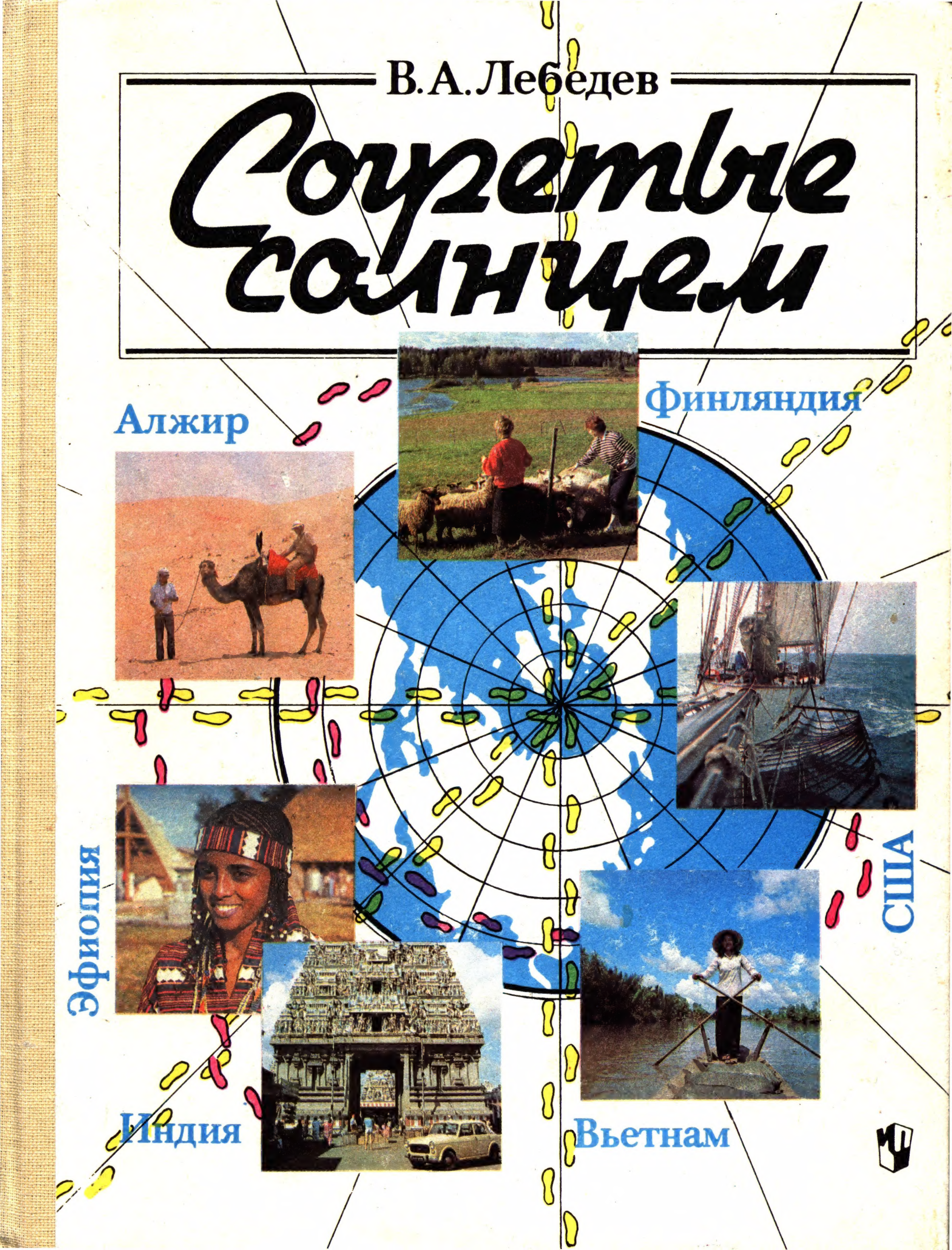
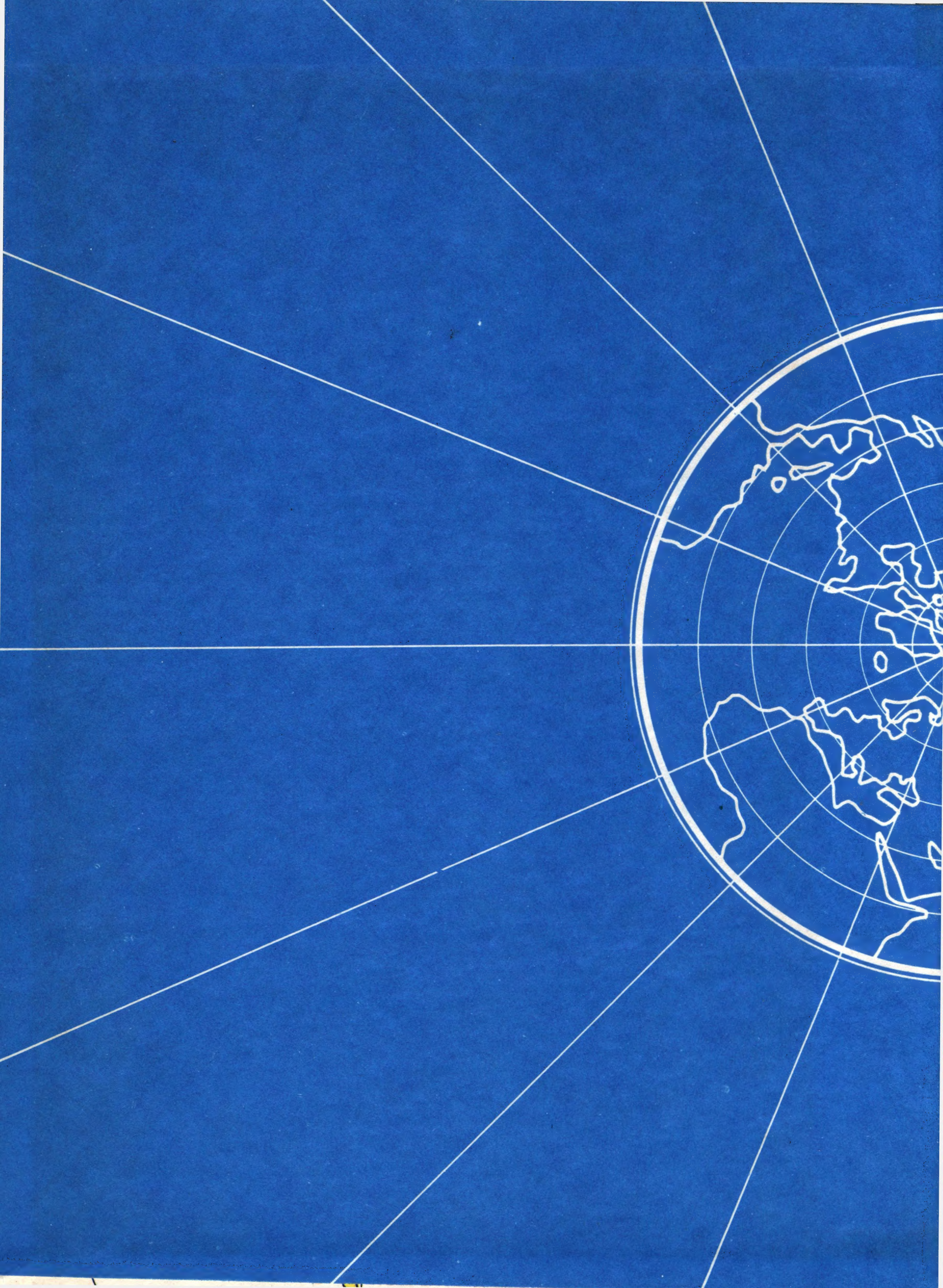
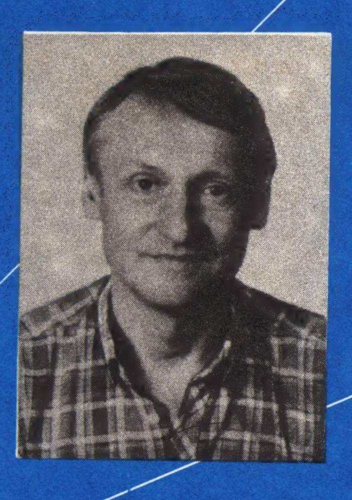

В. А. Лебедев
Согретые солнцем
Алжир
Финляндия
Эфиопия
США
Индия
Вьетнам

Владимир Александрович Лебедев,
зам. главного редактора журнала «Вокруг света», член Союза журналистов

В юные годы пароходный гудок был для меня самой сладкой музыкой и вид белых пароходов на реке Шексне заставлял замирать сердце от предвкушения того неизведанного, что ждет впереди этих капитанов в белых фуражках с золотыми крабами, мужественно ведущих свои суда навстречу штормам.

Латинское выражение «Via est vita» означает «Дорога — это жизнь». Мои дороги провели меня сквозь джунгли Вьетнама, заставляли испытывать жажду в эфиопской саванне, подниматься на севере Африки в горы Кабилии, плыть на веслах по бурным рекам Финляндии и идти под парусами через Атлантику.

Я рассказываю в этой книге о тех дальних уголках Земли, где побывал сам, и надеюсь, мой читатель, что путешествие по этим странам будет для тебя занимательным. Ты узнаешь о необычных растениях и животных, будешь вести поучительные беседы с людьми самых разных профессий о жизни и труде, об обычаях и праздниках и, конечно, о сохранении природы, что волнует все народы Земли. Так предстанут перед твоим взором люди, природа, вся жизнь этих дальних и ближних стран.

В. А. Лебедев

Встреча с солнцем

Книга для учащихся

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1993

ББК 26.89
Л33

Рецензенты: кандидат географических наук, доцент *А. П. Кузнецов* (МГПУ); кандидат педагогических наук *В. В. Николина* (НГПИ)

В книге использованы слайды *В. Гинсбурга, А. Гращенкова, С. Губарева, С. Ильина, А. Лазаревского, Д. Мартынова, А. Миловского, В. Михайлова, В. Орлова, А. Сербина, Е. Успенского*

Лебедев В. А.
Л33 Согретые солнцем: Кн. для учащихся.— М.: Просвещение, 1993 — 190 с.: ил.— ISBN 5-09-004162-8.

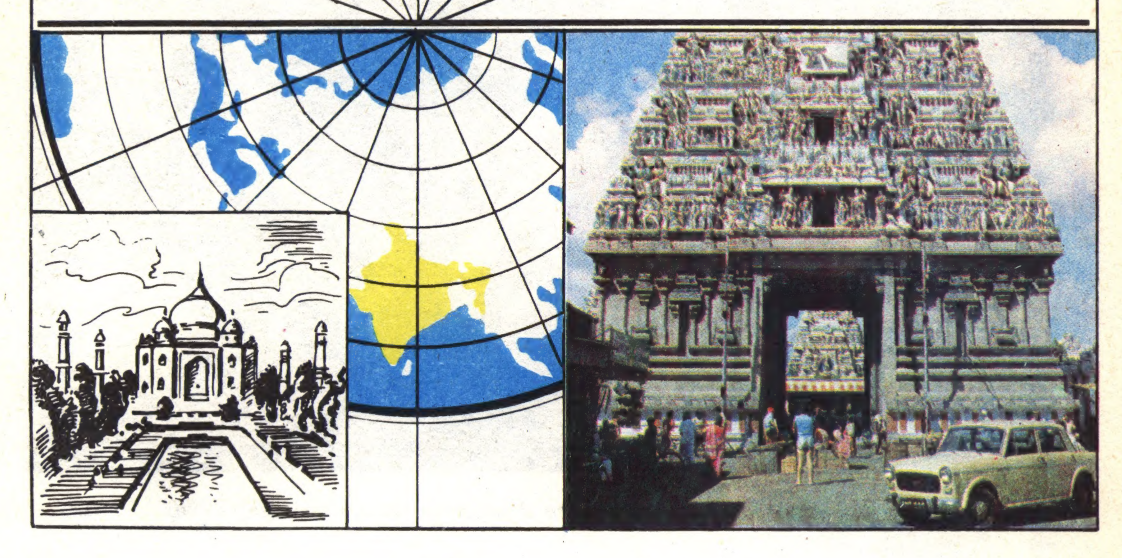
В книге собраны очерки о путешествиях по странам Азии, Африки, Америки, Европы, основанные на личных впечатлениях автора о жизни, труде, обычаях, ремеслах, быте народов, населяющих их. Рассказывается об истории и географии этих стран, причем особое внимание уделяется вопросам охраны природы и сохранению природных богатств.

Л $\frac{4306020000-166}{103\ (03)-93}$ 67—93 **ББК 26.89**

ISBN 5-09-004162-8

© Лебедев В. А., 1993

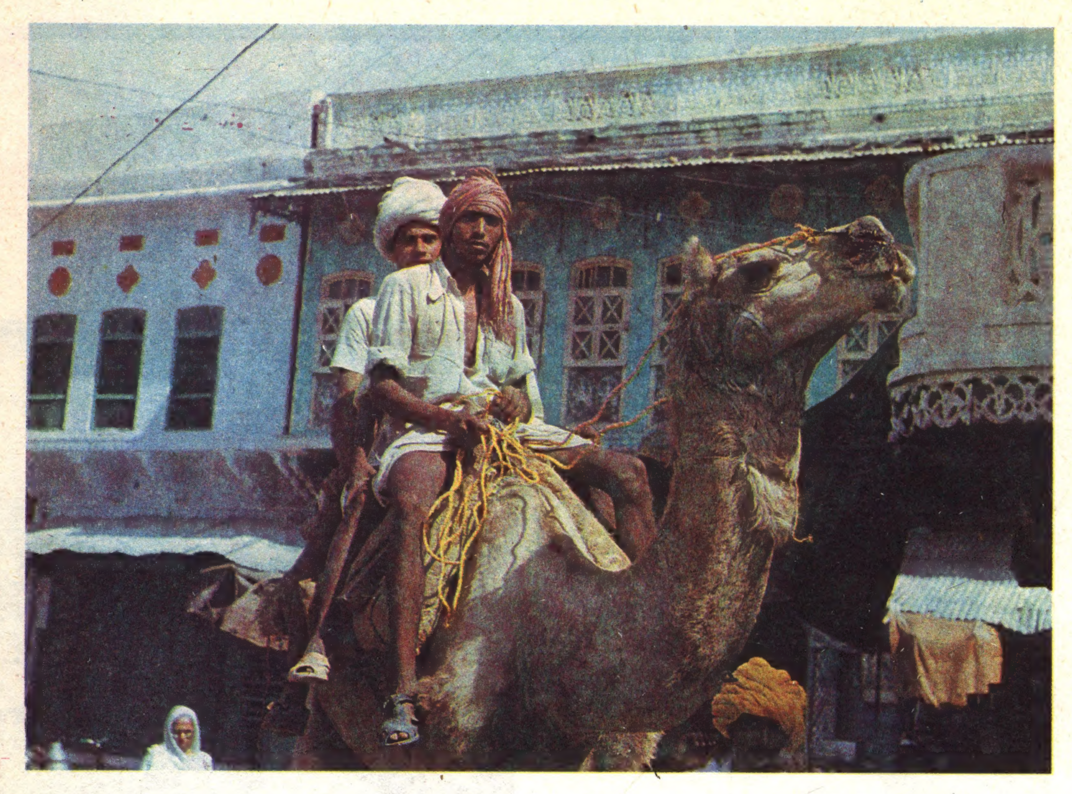
Индия
Ураган идет на берег

Рикши и метро

Еще до того как автобус вытолкнуло в водоворот движения на одной из центральных улиц Калькутты, мы уже были оглушены невероятной какофонией звуков, повисших во влажном и — несмотря на утренний час — горячем воздухе. Нашему водителю Хадиду, в чалме, с густой бородой и обязательным для правоверного сикха металлическим браслетом на запястье, удалось ловко пристроиться за разукрашенным рекламой двухэтажным красным автобусом, облепленным свисавшими со всех сторон пассажирами. Не успели мы оглядеться в сверкающем и гремящем потоке из пестрых автобусов с обязательной надписью «Общественный перевозчик», желтоверхих такси, стремительных моторикш и неповоротливых воловьих повозок, как вдруг все мельтешение разнокалиберного транспорта притормозилось. Посередине проспекта величаво стояла корова с выпирающими ребрами.

— Куда это спозаранку направилась священная скотина? — качает головой Хадид и, потеряв терпение, круто выворачивает машину из-за улыбающегося лица индийской актрисы, украшающего заднее стекло автобуса. А навстречу летит буквально нам в лоб «амбассадор» — машина индийской марки, из-под

Кого только не встретишь в водовороте движения на улицах индийских городов

козырька которой сердито смотрит такое же усатое лицо в чалме, как у нашего Хадида. Неотвратимость столкновения усугубляется необычным, по нашим понятиям, левосторонним движением. Автобус делает удивительный зигзаг чуть ли не поперек проспекта, и только невозмутимость Хадида и мастерство регулировщика под черным зонтом, прикрепленным к поясу, исключает столкновение.

Машина устремилась вниз по улице под разноголосый рев клаксонов и свистки рикш. Трусят босые рикши в клубах бензина и пыли вдоль тротуара, устало передвигая натруженные голые ноги. Ездоки в высоких колясках, защищенные от солнца откидным верхом, беседуют, читают или просто равнодушно смотрят поверх взмокших спин рикш, судорожно вцепившихся в оглобли коляски. Вечером, вымотанные за день непосильным трудом, безучастные к окружающему, рикши сидят на тротуаре, заплеванном красными пятнами бетеля, который здесь жуют все.

Видим, как подъезжает седоголовый рикша в рваной рубашке. Пассажир пожалел его, еле передвигавшего сухие, как тростник, ноги, и, поставив в коляску саквояж, шел рядом с ним. Получив плату, старик направляется на перекресток, где торговец паном готовит на своем лотке среди разноцветных

баночек очередные порции. Сполоснув листок бетеля водой, он привычно размазывает по свежей зелени известь, посыпая все какой-то темной смесью[1]. Затем тонкие пальцы двумя-тремя движениями быстро сворачивают листок в аккуратный пакетик. Старик отдает только что заработанные пайсы и берет несколько пакетиков. Присев у своей ободранной коляски, рикша отправляет в рот порцию пана и, откинув голову, начинает медленно жевать, устало закрыв глаза, изредка сплевывая прямо перед собой на асфальт красную слюну.

...В Калькутте не менее 20 тысяч рикш, ряды которых пополняются безземельными крестьянами. Не имея ни работы, ни специальности, они соглашаются перевозить на себе тяжелые грузы и, несмотря на иссушающую изнурительность такого труда, борются за право быть рикшами: каждый день ведь нужна горстка риса, два-три банана да пакетик бетеля, без которого нельзя резво таскать коляску.

— Все-таки хоть и тяжела эта работа, а кормит,— поясняет сопровождающий нас Сунит Бос.— Но ведь на рикшах далеко не уедешь — видите, какое столпотворение на улицах. Чтобы разрешить проблему транспорта, мы строим метро. Впрочем, можете убедиться сами...

Сунит легонько трогает шофера за плечо и просит притормозить на углу двух оживленных улиц, где строится небывалое для Индии сооружение — метро. Я иду вдоль невысокого заборчика вокруг городка строителей, снующих по стройплощадке в бамбуковых лесах среди палаток, потерявших под солнцем и дождями свой первоначальный цвет.

— Да, стройка идет вовсю, хотя затягивается. Вы видели танк-памятник на окраине Калькутты? — неожиданно поворачивается ко мне Сунит.— Нам мешает спокойно жить и работать тревожная обстановка на границе, внутренние конфликты.

Пока мы разговариваем, вереницы людей в набедренных повязках чередой двигаются с носилками и плетеными корзинами с землей по стройплощадке. А наверху два молодых парня сноровисто кладут стену: раствор — кирпич — раствор — ряд кирпичей. Блестят потные лица, мерно нагибаются спины, и кирпичная стена растет.

— Вы только себе представьте: духота, асфальт плавится, а вы попадаете в прохладу метрополитена. Вместо тряски в жарком автобусе неслышно летящие голубые поезда... Построим метро, обязательно построим, скоро будут сданы первые станции; тем более что у нас такие отличные коллеги, как ваши инженеры. На строительстве хотим занять как можно больше людей. Будем учить крестьян, перевоспитывать безработных на этой огромной стройке.

Сунит, вспоминая московские холода, почувствовал еще более сильную жажду и двинулся в сторону базарчика. По пути он не умолкал ни на минуту. Сунит окончил МГУ и преподает русский язык в университете Тагора. Его голова переполнена разнообразными сведениями о русско-индийских связях, о традициях нашей дружбы.

---

[1] Чаще всего лист бетеля посыпают мелко нарезанными семенами арековой пальмы, заключенными в небольшие плоды, похожие на гусиные яйца, высоко висящие под резными листьями. Добавляют также дубильный экстракт, гвоздику, табак и даже сердцевину одного из видов акаций, обладающую пряным привкусом. Слюна приобретает красную окраску в результате реакции извести с соком зеленого листа бетеля. Индийцы утверждают, что пан оказывает тонизирующее и даже наркотическое действие на организм, укрепляя одновременно десны.

— К сожалению, не все знают о достойнейшем человеке своего времени, музыканте и лингвисте Герасиме Лебедеве, попавшем в Калькутту в прошлом веке. Его научными трудами пользуются до сих пор в Калькуттском институте индийских языков, а в историю нашего искусства он занесен как основатель драматического театра. А «Виктория-мемориал» вы уже посетили? При входе в этот музей искусств все любуются огромным полотном «Въезд принца Уэльского в Джайпур». Работа художника Верещагина. Он несколько раз бывал в Индии. Особенно сильное впечатление на индийцев производит его картина, где изображена расправа англичан с восставшими сипаями.

Сунит останавливается возле торговца напитками. Тот меланхолично вращает рукоятку огромной машины, похожей на мясорубку, где железные шестеренки медленно забирают толстые обрубки сахарного тростника, выдавливают из него в стакан мутноватую жидкость. Сунит с сомнением смотрит на куски тающего льда на грязной тряпице, и в этот момент на нас налетает орава мальчишек.

Они протягивают руки и просительно тянут: «Бакшиш, сэр, бакшиш»; предлагают себя в услужение: «Поднесу, сэр». Индийцы рассказывали, что попрошайки проходят своеобразную школу обучения, чтобы в совершенстве овладеть искусством перевоплощения. Из-за жалкой пайсы несчастные ребятишки плясали, кривлялись, катались по земле, показывая, что им больно. Но как только Сунит выбрал одного провожатого — пацана с лукавой смышленой физиономией, остальных как ветром сдуло.

Бос с жалостью кивает на мальчишку:

— Для туристов стая маленьких попрошаек вроде бы забавная экзотика, а для нас еще одна проблема. Видели, как живут эти семьи? Клетушки из обрезков фанеры, жести, из пальмовых листьев; здесь же готовят еду на очагах, здесь же копошатся в нечистотах вместе с собаками дети. Родителям этих детей невыгодно отдавать их в школу, они посылают их на тротуар за милостыней.

Борьба с нищетой — задача номер один. Правительство отпускает десятки миллионов рупий для улучшения условий жизни жителей трущоб, создаются новые государственные центры здоровья, более доступные больницы...

Наш провожатый в это время предлагал нам выбирать манго, апельсины, уложенные в аккуратные кучки, большие папайи. Остановились у груды кокосов. Торговец моментально срубил тяжелым кривым секачом верхушки зеленых орехов и протянул каждому чаши с мутноватым кокосовым молоком. Жажду как рукой сняло.

В этот момент около нас присел пожилой мужчина в чалме. В руках он держал плоскую плетеную корзинку.

— Там кобра,— показывая на корзинку, равнодушно произнес мальчишка.

К ногам мужчины жался маленький взъерошенный зверек — мангуста. Значит, будет бой мангусты с коброй. Отдав две рупии, мы стали следить за манипуляциями дрессировщика. Сдвинув круглую крышку корзинки, он заунывно задудел в тростниковую дудочку. Но кобра, как известно, глуха, на музыку она не обратила внимания. Тогда хозяин аттракциона слегка двинул ногой по корзинке. Нервная змея взвилась оттуда, как жгут, и, раздув капюшон, тут же приобрела сходство с серым грибом.

Показывая агрессивность подопечной, заклинатель подтолкнул ее коленом. Кобра, то ли по старости, то ли от усталости, вяло ткнулась своей неядовитой

пастью (дрессировщики по нескольку раз вырывают змеям отросшие ядовитые зубы) в руку хозяина и вновь улеглась на дно корзинки. Представление окончилось. Хозяин жалел свою кобру и приберегал схватку с мангустой, вероятно, для другого случая. Может быть, для более богатых зрителей.

— Все, отдохнули, отправляемся на другой берег Хугли,— решительно заявил Сунит.— В район текстильщиков.

Втиснувшись в поток рикш и буйволиных повозок, мы медленно движемся по ажурному мосту, зависшему более чем на полкилометра над Хугли. Над водой торчат изъеденные солью борта разномастных судов, приткнувшихся к речным причалам. Они ждут отлива, чтобы спуститься вниз с тюками джутовой ткани, мешков, брезента.

— Многие из этих грузов пойдут в Россию. Джут — ценный материал. Вы знаете, в библиотеках мне на глаза не раз попадались газеты военных лет. Оказывается, по труднейшей дороге в тысячи километров из Индии в вашу страну беспрерывно шли военные грузы, сырье и калькуттский джут,— говорит Сунит.— Из нашего джута шили даже палатки для Сталинграда.

Мы едем по узеньким улочкам старого фабричного района, по обеим сторонам которого вытянулись одноэтажные бараки, где размещаются семьи рабочих. Здесь живут в основном потомственные текстильщики. Множество пришлых рабочих, приезжающих из деревень, нередко ютятся в соседних трущобах на окраинах города. Ездить им приходится далековато. Это тоже проблема. Но ведь вовлечение большого числа населения в сферу труда помогает ликвидировать безработицу.

А мне видятся калькуттские улицы победного мая 1945 года. Таких манифестаций город не знал. Все дома были красны от полотнищ и флагов. Рикши в многокилометровых колоннах демонстрантов ехали с красными флажками. Плотными рядами шагали текстильщики с джутовых фабрик — те, кто помогал своим трудом выстоять Сталинграду.

Возвращение рыбаков

В предутренней дымке, обещающей духотой и непрозрачностью полуденную жару, как стоп-кадры, неозвученные, без движения, появляются куски пейзажей. Густые казуариновые рощи, держащие своими корнями пески; окаймленные низким кустарником клочковатые поля, с которых уже убрали рис, но еще видны просо и арахис, да квадраты сахарного тростника выше роста человека. Чинно идут, видимо, на ближайший базар люди: впереди — мужчины, а чуть поодаль — женщины, придерживая на бедре детишек, несут груз на голове. У источника худенькая девочка-подросток взметнула над головой жгут белья: она привстала на носки, откинулась назад, летит тонкий поток волос, сверкает белизной полотно и одним красным мазком сари, облегающее ее фигурку.

Мы ехали по югу штата Тамилнад — Коромандельской береговой равнине — из Мадраса в Махабалипурам, городок, известный на весь мир каменными храмами, пещерами и наскальными рельефами.

Под голыми — словно воткнутыми в землю перьями — пальмами около хижин трудятся на обожженной солнцем земле мужчины — корчуют пни, а женщины собирают щепу, хворост в корзины и относят к домам. Несмотря на

Деревушка, попавшаяся нам на пути, была почти пустой

тяжести, женщины двигаются быстро, легко, и рабочие сари — несколько метров недорогой ткани — смотрятся на них королевским нарядом.

Эта странная на вид пальма с хохолком листьев на макушке заслужила похвальное слово. Пальма эта — пальмира — незаменима в хозяйстве и жизни здешних крестьян. Срезанными нижними листьями кроют крыши глиняных хижин, из них же сооружают заборчики. Но самое лакомое у пальмиры — сок. Взрослые любят пальмовое вино из перебродившего сока или покрепче — арак, а дети — разноцветные леденцы. Еще можно встретить вдоль дорог, под навесом у чайных, писцов и составителей гороскопов, выводящих для неграмотных крестьян письмена перьями из черенков пальмовых листьев. А древние писцы использовали специально обрезанные листья пальмиры для писем, выдавливая знаки костяными палочками; затем грамоту сворачивали, ставили печать и отправляли адресату. Известно, часть этих писем — даже со стихами и прозой — сохранились!

На одной из остановок автобуса мы не удержались и вслед за ребятишками, нагруженными охапками хвороста, отправились в видневшуюся на берегу моря деревушку.

Побережье было расчерчено на большие клетки, над которыми повисли

журавлиные шеи колодцев. Из клеток поднимались большие и маленькие верхушки белых пирамидок, сверкающие на солнце. Здесь выпаривают соль. Достают соляной раствор из колодца бадьей из воловьей кожи. Вначале заливают морскую воду в клетки, дают ей выпариться и дня через четыре скребками снимают слой соли. Получают с клетки около сорока килограммов. Черные фигурки в набедренных повязках вытаскивают бадью за бадьей, соленая вода льется на потрескавшиеся ноги. Если работать тут с детства, привыкаешь, но как ни задубела кожа на ногах, соль все равно разъедает ее, причиняя постоянную боль...

На полях у деревни круторогие буйволы неторопливо тянули за собой соху, а около сараюшки буйвол делал круг. На току молотили рис. Из деревни навстречу нам направилась телега на двух больших колесах, которую тащила пара буйволов. Когда повозка, по-тамильски «кала-ванди» — «телега с буйволами», приблизилась, в глаза бросились раскрашенные рога животных. А через несколько шагов попались горбатые дымчатые зебу с гирляндами увядших цветов. Острые кончики их разукрашенных рогов были спрятаны в наконечники, увенчанные блестящими шариками. Значит, крестьяне отмечали «пунгал» — праздник в честь уборки риса.

Во время пунгала деревня нарядна и оживлена. В первый день праздника в каждом доме идут шумные хлопоты — готовятся угощения. На следующий день героем становится главный работник — буйвол. Каждая семья выводит своего любимца еще с утра во двор. Там его чистят щетками, раскрашивают цветными узорами рога и, повесив гирлянды цветов, подносят большое блюдо риса: «Отведай, дорогой наш кормилец, плоды нового урожая».

Третий день пунгала — день благодарения родителей. Прихорашиваются молодые супруги, женщины надевают праздничные сари с серебряными и золотыми нитями, наряжают в лучшее детишек и отправляются всей семьей завтракать к родителям. Затем отца и мать приглашают дети в свои дома. Праздничные дни пролетают весело и быстро...

Деревенская улочка встретила нас пустотой. Даже поджарые собаки не выбежали навстречу. За деревней на белом полотнище песка сидели и стояли женщины, старики, дети и всматривались в яркий блеск бескрайнего моря.

...Мужчины вышли на берег еще в блеклом свете начинающегося дня, когда бесцветное небо сливалось с неярким, без морщинок, морем. По-утреннему молчаливые рыбаки переворачивали горбатые лодки, похожие на дельфинов, и тащили их за острые носы по холодному песку к воде, чертя за собой глубокие полосы. Отогнав лодки на глубину, они размеренно выкидывали сеть, оставляя на плаву бамбуковые стволы, чтобы сеть не ушла глубоко. Описав полукруг, гребцы, мерно ударяя длинными веслами, пригоняли лодки назад. Концы сети привязывали к кольям, вбитым в песок, чтобы удобнее было вытягивать добычу.

Началось томительное ожидание на берегу. Рыбаки дремали, прислонившись к просмоленным бортам лодок, штопали старые сети, молча сидели на корточках. Но каждый прикидывал про себя, каков будет улов и много ли можно будет продать перекупщикам.

Наконец один из стариков с торчащей в разные стороны седой бороденкой взмахивает рукой. Рыбаки, прокопченные на солнце, голоногие, в рваных, отбеленных морской водой рубахах, враз ухватились за коричневые жгуты веревок из копры.

Лодки поворачивают к берегу — рыбная ловля окончена

В этот момент мы подошли. Сухонький старичок, дотянувшись до руки здоровенного Вани Климова, моего спутника, похлопал его и, восхищенно оглядывая необъятную фигуру Вани, пробормотал: «Элефант», то есть слон. Мы приняли это как приглашение к работе и, раздевшись, вошли в воду.

Толстые веревки тянули рывками, откидываясь назад. Те, кто постарше, остались у веревок на берегу, так сильно упираясь пятками в плотный песок, что обозначилась белая дорожка. Молодые рыбаки старались зайти подальше в море, чтобы всем ухватить концы сети. Боясь помешать им, я отплыл было поглубже, но тут же заметил, как с берега машут рукой — зовут назад: в здешних местах близко подходят к берегу акулы. Их вылавливают — у гурманов особенно ценится печень, богатая витаминами, и плавники, из которых приготовляют деликатесный суп.

А сеть все ближе подтаскивали к берегу; рыбаки наклонялись до самого песка, скручиваясь, как пружина, и вдруг делали внезапный рывок. Слышалось кряканье, уханье, блестели темные спины тамильцев, только Иван тащил сосредоточенно и молча. Сеть нехотя показывается из воды. Голые ребятишки и чайки выхватывают мелкую рыбешку, застрявшую в ячейках. Наконец вздутый пузырь сети медленно выполз на песок, осел и раскрыл свое трепещущее серебром чрево. Все сгрудились вокруг, жадно рассматривая добычу. Обратно в море полетело несколько пестроокрашенных морских змей — убивать их запрещено.

Вдруг толпа словно взорвалась. Молодой высокий тамил, горячо жестикулируя, что-то быстро заговорил, показывая на старшего, в повязке на голове.

Тянут сети рыбаки...

Оказывается, тот успел отдать несколько крупных рыб перекупщикам, уже собравшимся везти улов на городской базар. Перекупщики, видать, были не из крупных — их корзины со льдом укреплены были на велосипедах. Денег у них, судя по всему, осталось только на мелкую сардину, да и ту они норовили получить за бесценок. Горькая гримаса исказила лицо высокого тамила — надежды на заработок рухнули. Тамил побрел по белому горячему песку к своей лодке...

В Махабалипураме мы оказались уже к вечеру. Я вышел на берег залива и зашел во дворик прибрежного храма, вымощенный плитками. Двор огораживали десятки каменных бычков. Несколько веков назад здесь бурлила жизнь большого порта, заходили огромные корабли с резными украшениями, сновали лодки. Сейчас уступчатые башни храма молчаливо принимают на себя удары волн. В вечернее небо вонзаются круглые маковки храма, да на берегу стоят женщины. Может быть, они ждут возвращения тех косых парусов, темнеющих крыльями на фоне огромного диска заходящего солнца. Так много веков назад другие женщины ждали свои лодки, своих мужей. Сколько ушло рыбаков в океан под легкими парусами, сколько не вернулось. Но их всегда терпеливо и с надеждой ждут на берегу.

Исчезнувшая деревня

Рыбацкие деревеньки разбросаны по всему побережью, лежащему белой полосой чистейшего песка вдоль Бенгальского залива. Индийское правитель-

«Семейный портрет» после удачной рыбалки

ство, конечно, развивает товарное рыболовство в океане, всячески поддерживает перспективные исследования промысловых запасов рыб Центрального исследовательского института морского рыболовства, привлекая к этому и зарубежных ученых. Но часть своих даров щедрый океан отдает простым труженикам моря. Только такая добыча подчас дорого обходится им и их семьям. Хорошо знают это жители рыбацкой деревушки, чудом приютившейся на окраине Мадраса.

Душным вечером горожане ловят порывы слабого бриза на одной из длиннейших в мире набережных — многокилометровой Марина Драйв, вдоль которой за кустами жасмина и бальзамина, прикрытые козырьками солнцезащитных решеток, обвитых пышно цветущей бугенвиллеей, спрятались надменные особняки.

Здесь нельзя не остановиться у скульптурной группы «Апофеоз труда». В свете прожектора видны полуобнаженные фигуры людей: напряжены тела, стальными рычагами застыли руки, вросли в землю ноги. Рабочие, рыбаки в едином порыве, последним усилием сваливают неимоверную тяжесть — огромную глыбу в сторону моря. Памятник символизирует стремление индийского народа к новой жизни.

Около него и вечером, и утром ребятишки предлагают выбрать любую из разложенных на песке раковин: больших и крошечных, однотонных коричневых и пестрых, круглых и игольчатых, словно хранящих шум и прохладу набегающих волн.

Там, за полосой пляжа, виднеются похожие на груды мусора хижины. Молчаливые, с темными окнами по вечерам, когда спят натрудившиеся за день

При въезде в Махабалипурам — «отдых» под камнем

хозяева; поутру, часа в четыре, они приветливо манят глаз побеленными очажками с дымящейся похлебкой в маленьких двориках, где мелькают женщины и дети, а мужчины уже отправляются на катамаранах и лодках, на веслах и под парусами в море. Как и в других рыбацких деревнях, их ждут на берегу...

Так ждали рыбаков и 19 ноября 1964 года, когда на Мадрас хлынул холодный ливень и резкие порывы ветра гнули к земле людей и деревья.

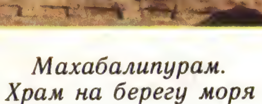
«...Там, где между набережной и кромкой воды была широкая полоса песка, теперь кипела и клокотала река. По океану один за другим катили огромные валы. Казалось, океан рвется в город. Я вспомнила, что на берегу стояла деревушка рыбаков. Около тридцати легких хижин, крытых пальмовыми листьями. Теперь там бушевали волны. Несколько десятков намокших и иззябших людей толпились у набережной. Жалкая груда домашнего скарба лежала на тротуаре. А в шипящих водоворотах крутились пальмовые листья, доски, алюминиевая кастрюля, тряпье и жалобно мяукающий котенок. Это было все, что осталось от деревушки. Седой сгорбленный старик на ревматических тонких ногах, вперив неподвижный взгляд в темноту, безостановочно повторял:

— Все взял океан. И дома, и сети, и катамараны...

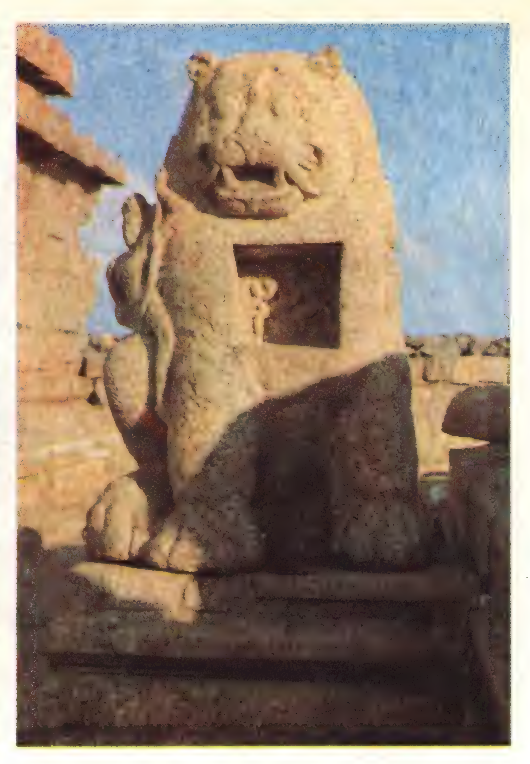
Призыв Мадрасского радио — «Укрывайтесь в домах до наступления темноты» — явно к ним не относился. Домов больше не было. Их снес ураган».

Это свидетельство очевидца событий, лауреата премии имени Джавахарлала Неру Л. В. Шапошниковой, которую потрясла картина обрушившегося на Мадрас урагана.

Махабалипурам.
Храм на берегу моря

Каменный лев сторожит
вход в один из храмов

В городском метеоцентре, где — конечно же! — знают об ураганах все, нас, соблюдая субординацию, переслали от секретаря к референту, а затем уже представили директору Бхаскара Рао. Посоветовав обратиться еще в главное представительство метеослужбы в Дели (более тесно связанное с Москвой по обмену сводками погоды, опытом и сотрудниками), доктор Рао показал нам на карте Индии пять районов, откуда непрерывно поступают данные о температуре и влажности воздуха, давлении и облачности, силе и направлении ветра.

— Для раннего предсказания урагана нам очень помогают две станции на Портлендских островах. Но сейчас еще рано волноваться о погоде: муссоны отступили, период еще предциклонный, на небе — ни облачка, так что отдыхайте,— вежливо улыбнулся на прощанье доктор Рао.

Но мы все же направились в отдел погоды и там, у карты восточного побережья Бенгальского залива, исчерченной стрелками и разноцветными пунктирами, встретили поджарого, с короткой спортивной стрижкой седеющих волос веселого человека — метеоролога Кидамби Верарагхавана, много поездившего и повидавшего. Пообещав нам выложить всю подноготную циклонов, он стал так быстро объяснять и показывать, что опытный переводчик моментально запарился, стараясь поспеть за его рассказом.

— В тропиках служба предсказания погоды должна внимательнее следить за перепадами давления, особенно в циклонный период. Для людей кажутся внезапными и налетевший ветер, и потоки воды с неба, а метеорологам уже известно примерно, когда возникнет циклон и где. Рождаются циклоны в Андаманском море, постепенно набирая силу, движутся над океаном к побережью и, разворачиваясь вдоль него, могут вторгнуться в глубь континента в западном направлении, сокрушая все на своем пути...

Кидамби ловким движением вешает на стену новую карту, где приклеена серия снимков развивающегося циклона.

— Видите, на фото зафиксированы разные периоды циклона — все точно, снято со спутника. Кстати, станция слежения за спутниками находится недалеко от Мадраса, в местечке Кавамур.

Первый спутник — самый известный —«Ариабата» много лет снабжал ученых информацией. Регулярно принимались и обрабатывались данные с «Бхаскара» — второго спутника. Но только новый спутник «Рохини» впервые был запущен с помощью четырехступенчатой индийской ракеты с отечественного космодрома. Первые же спутники были выведены на орбиту вашими ракетоносителями с нашей территории.

Теперь Индия сама запускает спутники с острова Шрихарикота, расположенного в Бенгальском заливе недалеко от Мадраса. Там, где местные жители еще недавно промышляли себе на жизнь охотой и рыболовством, сейчас над пальмами и эвкалиптами высятся ажурные вышки радио- и телеметрических антенн и видно далеко с моря чуткое ухо радара...

— Со спутника снят один и тот же ураган?

— Да, его назвали «Чирала», так как, набрав скорость 160 километров в час, циклон, пройдя выше Мадраса, проследовал в глубь материка через город Чирал. Вначале на берег обрушился ветер с ливнем, а затем, как водяная гора, рухнула на землю приливная волна шириной восемь миль и высотой пятнадцать футов. Особенность Бенгальского залива — небольшой уклон у побережья, и волна обрушилась на дома и деревья, все перевернула и снесла. Вот взгляните повнимательнее на снимки,— указывает карандашом Кидамби на карту.

Вглядываясь в тугие белые завитки циклона на черном фоне, даже огражденные кабинетными стенами, мы чувствуем упругую силу нарастающего ветра, достигающего скорости 250 километров в час, и страшнейшие тропические ливни в центре циклона. Попавшее в поле урагана индийское судно ничего не могло передать — все антенны были сорваны ветром. Они наладили связь только тогда, когда вышли уже к Шри-Ланке...

Мы досматриваем снимки затухающего грозного «Чирала» и выходим в пекло мадрасских улиц.

— В отличие от «самой жаркой» погоды, сейчас «просто жарко» — других определений у мадрасцев не существует,— смеется Кидамби Верарагхаван.

Через центр мы спускаемся на прохладную ленту Марина Драйв и оказываемся сразу же в кольце ребятишек, некоторые из них — дети рыбаков — предлагают нам раковины.

Кидамби говорит им что-то ласковое и укоризненное, а нам по-прежнему весело:

— Известная на весь мир проблема Азии — высокая рождаемость, быстрый прирост населения, усложняются вопросы безработицы и нищеты.

— А вы придерживаетесь принципа «нас двое и нам двоих»?

— О, вы в курсе,— смеется Кидамби.— Нет, у меня трое — две дочери и сын, но это уже тяжело: и кормить, и учить дорого. В общем, ТВ и кино не обманывают, показывая большую семью несчастной: все хотят есть, родители ссорятся и т. д. Все правильно...

— Но уменьшение рождаемости все еще гораздо меньше предполагаемого. В чем дело, по-вашему?

— Знаете, часть кинопродукции под знаком перевернутого красного треугольника — символ программы планирования семьи — просто не находит своего зрителя, так же как и газеты, брошюры на английском языке. Бедные слои населения неграмотны, не имеют доступа к фильмам, а образованные люди, горожане все правильно воспринимают — за их счет и идет снижение рождаемости, как у меня,— показывает с улыбкой на себя Кидамби.— Но плакаты, изображающие хорошенькую девочку, указывающую пальчиком на свою преуспевающую семью: «Папа, мама, брат и я — вот счастливая семья», не очень эффективны, особенно в сельской местности. Более того, неграмотные крестьяне — особенно женщины — истолковали плакат по-своему: «Чем-то, видать, прогневили богов! Такие богатые, а детей нет!» Очень крепки еще традиции многодетных семей, кроме того, дети в сельской местности большое подспорье во всех работах, залог благосостояния, жизнеспособности и процветания семьи.

Государственная программа планирования семьи в Индии рассчитана на долгое время. С каждым годом дети получают все больше возможностей для обучения в правительственных школах, для развития своих способностей.

— Мудрые люди считали, что дети должны быть счастливее нас,— тепло прощается с нами Кидамби,— будем верить в это...

Спустившийся с гор

У Гупты прыгают чертики в узких глазах, лицо у него лукавое, круглое, и сам он крепкий, с неслышной поступью жителя гор. С этим молодым непальцем я встретился в семье своих знакомых. Ему было любопытно узнать о нашей стране, с которой он знаком лишь понаслышке.

Гупта молча качал головой — соглашался вроде, а недоверчивое выражение лица говорило, что он никак не может понять многие простые истины нашей жизни.

Когда Гупта вспоминает о своей деревне Куанча у подножия Гималаев, смешливые искорки в глазах гаснут и лицо становится печальным. На его родину из Дели надо ехать не один день поездом, потом автобусом, а там уже рукой подать — всего-то два дня пешком знакомыми тропами.

...Его дом из дикого камня, крытый рисовой соломой, стоит недалеко от реки Сетианчал. С порога видны снежные вершины Гималаев, спрятанные по утрам в пухлые облака.

Проснувшись, Гупта первым делом торопится к реке. Вода в Сетианчале быстрая, холодная — бежит с гор. Он набирает полный кувшин прозрачной (не то что из мутного Ганга) воды для чая. В медный чайник кладет заварку из одиннадцати трав, собранных его бабкой в лесу и предгорных лугах. Чай сладкий, согревает грудь, можно теперь отправляться на ловлю рыбы. Не

успеешь забросить сеть, как она тяжелеет, и вот уже на берегу бьется серебристая живая груда.

День Гупты долог. Еще до рыбной ловли он открывает ворота и выгоняет овец со двора на пастбище. У многочисленной семьи Бахадуров хоть несколько овец есть. Не у всех в деревне собственный скот, а у них еще свой огород, где растут картошка и овощи, зреют бананы, манго, папайя. Но сегодня Гупта помогает братьям и сестрам чистить канавки для подвода воды к рисовому участку. Мокрый, перемазавшийся в глине, он с разбегу бросается в чистые воды реки. Вода холодная, окунулся и сразу назад, а в голове проносятся грустные мысли, что кончается его привольная жизнь в деревне. Гупту решили послать в школу...

К вечеру, когда солнце склоняется к горизонту и спадает дневной жар, Гупта с друзьями мчится наперегонки за деревню. Там, в поле, врытые в землю, возвышаются четыре бамбуковых ствола, связанных попарно крест-накрест. На этом перекрестье между стволами укреплена перекладина, укутанная в солому, с которой свисают веревки качелей. Гупта с разгону прыгает босыми ногами на доску, цепко впивается в веревки, что есть сил приседает, набирая скорость. И вот уже гигантским маятником он летит над землей вровень с вершинами гор, а внизу восхищенно смотрят девочки и мелькают крыши домов.

...В день отъезда в школу над долиной перекинулся высокий, сияющий всеми цветами свод радуги. Гупта побежал за деревню постоять под ним: мать говорит, что это приносит человеку счастье.

Гупте все казалось, что его счастье еще впереди. Однако стать ученым человеком, окончить школу ему не удалось. Семье не прокормиться деревенским огородом. Требуются постоянно на покупки деньги, значит, нужно идти в город на заработки. Да еще за время учебы Гупту сосватали...

Эту девочку по имени Динаути он и раньше встречал на деревенских улицах по утрам, когда выгонял скот, или в поле, где молотили снопы.

Свата выбрали из дальних родственников, уважаемого в деревне человека.

— Он умел много и хорошо говорить, знал свое дело,— сказал мне Гупта.

Сват свел для разговора родителей двух сторон. Тогда еще был жив отец Гупты. Во время первого разговора следовало выяснить все возможности такого брака, обсудить достоинства и недостатки будущей пары. Невеста была из большой семьи. Это не значит, что в семье просто много народу.

— Это когда все родственники — бабушки, отцы, сестры, связанные друг с другом родством по мужской линии,— живут под одной крышей,— рассказывает Гупта.— Домом руководит глава рода, старейший. Он распоряжается деньгами — все заработки родственников складывает вместе, оплачивает расходы. В такой семье всегда няньки найдутся малышам, они опекают старых и больных; словом, трудности и беды преодолевают сообща. Лениться в семье не удается никому: она быстро выявляет лентяев и наказывает их. Тут можно не беспокоиться; всем в деревне было известно, что моя Динаути старательная и трудолюбивая.

Родители долго обсуждали качества жениха и невесты: умеет ли Гупта стричь овец и возделывать землю, хорошо ли Динаути печет хлеб и красиво ли вышивает. Но, главное, подходят ли они друг для друга, а это должен определить по звездам астролог в ближайшем городке. Наконец, выяснив возможность такого брака, назначили день свадьбы...

Так Гупта Бахадур женился, чтобы кормить семью, бросил школу и уехал на заработки в Дели. Ему повезло — устроился поваром в состоятельной семье. Вот уже год он не видел свою молодую жену с маленьким сыном и часто достает из сундучка карточку, где сняты все вместе в родной деревне. Вечерами он смотрит подолгу на глянцевый картон и мечтает о том дне, когда накопит побольше денег и вернется обратно в деревню Куанча у подножия Гималаев...

Храмовая процессия

Сахарная голова храма Капалисвара манила уже издали, когда автобус, свернув от Бенгальского залива направо с Марина Драйв, въехал в старейший район Мадраса. В узких улочках Майлапура следы отшумевших столетий ощущались и на стертых плитах тротуаров, и на резьбе по камню, прятавшейся за листвой деревьев в маленьких двориках, и на украшениях потемневших от времени домов. Сквозь верхушки пальм в ярко-синем небе снова выглянул белоснежной трапецией гопурам, словно вырезанный из слоновой кости.

...Мы медленно продвигаемся под навесом из пальмовых листьев, ведущих ко входу в храм, сквозь строй торговцев. Предлагаются амулеты от разных напастей и злых сил, разноцветные женские браслеты для рук и ног, серьги для носа, фигурки слонов, вырезанные из розового дерева, и — из кости и бронзы — кобры. А вот они собственной персоной: перед нами легким частоколом из плетеных корзин дрессировщиков выросли кобры, предостерегающе раздувая свои капюшоны.

Стараясь не прислушиваться к их тонкому свисту, боком протискиваемся вперед, а в голове невольно проносятся мысли о смертоносности яда этой опасной змеи — от укуса ее ежегодно гибнут в стране сотни людей. Против укуса королевской кобры сыворотка бессильна (очень большая доза яда), а черношеяя кобра может даже выплюнуть яд на несколько метров.

Внезапно на нашем пути возник невысокий седой человек. Мы даже отшатнулись — его смуглый торс обвивала пестрая лента, а над плечом раскачивалась чуткая головка змеи, быстро выбрасывающая раздвоенный язычок. Мужчина нагнулся и взял на руки девочку. Когда гладкие и холодные кольца змеи скользнули к голому тельцу ребенка, очевидно, дочке дрессировщика, стало как-то не по себе...

Толпа заволновалась, мальчишки загалдели и кинулись правее ворот гопурама, откуда из улочки показалась под грохот барабанов и завыванье труб яркая процессия.

Прежде всего, конечно, в глаза бросалась серая ушастая громада слона. Опасливо передвигаясь в толпе, он ловко подхватывал хоботом любые подачки — ни разу не уронил — будь то мелкая монетка пайса или кусок сахара. Монеты он препровождал на верхний этаж погонщику, а лакомства отправлял себе в рот.

Индийцы рассказывали, что лучше всех понимают слонов и управляют ими маленькие люди из горного племени курумба. Издавна в этом племени передается по наследству искусство дрессировки умных животных, незаменимых помощников в любом тяжелом труде. Стоит посмотреть, как ловко слон обдирает хоботом листья с веток, наступив на них ногой; как мастерски перетаскивает неимоверно тяжелые стволы деревьев; как бережно относится к человеку,

аккуратно отставляя в сторону попавшихся на дороге детишек.

Но важно выступавший слон во главе процессии совсем был непохож на рабочего собрата. Его голова и хобот были раскрашены в разные цвета, бивни позолочены, а на лбу сиял медный знак. Выше бархатной попоны и свисавших по бокам разноцветных полосок ткани, ближе к голове, разместился погонщик. Он услужливо подносил к хоботу ветки из большой зеленой охапки, привязанной к шее слона. Разукрашенное животное снисходительно принимало все почести и заботы, как и полагается настоящему храмовому слону.

Шумный, пестрый клубок процессии подкатывается все ближе, и мы, согласно традиции, оставляем свои сандалеты у мальчишек — хранителей обуви и отступаем в ворота гопурама, стараясь уйти с дороги толпы...

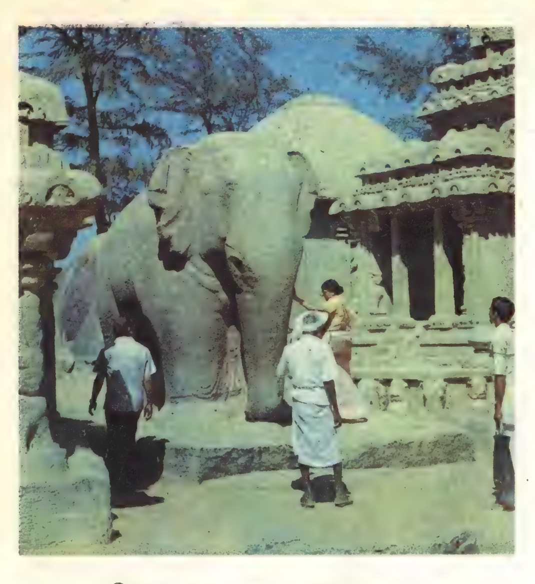

С этой торговой улочки Мадраса гопурам храма кажется сахарной головой

Храмовая архитектура и скульптура Индии, создававшаяся столетиями, уходит корнями в повседневную жизнь и быт людей, связана с древними верованиями, фольклором, а подчас, как гопурам, имела чисто прикладное значение в крестьянской жизни. Гопурам когда-то был частью крепостной стены, ограждавшей селение от набегов. Через такую башню с воротами отходили внутрь крепости жители, спасаясь от врага, неся на себе весь свой нехитрый скарб, загоняя овец и коров. Возможно, поэтому само слово «гопурам» переводится как «коровья крепость». Вот такая-то обязательная деталь крепостного сооружения неожиданно привлекается в арсенал храмовой архитектуры. Со временем гопурамы становятся заметной и содержательной частью южноиндийских храмов, являя собой выдающиеся произведения искусства и отличаясь от строгой архитектуры мусульманских строений богатой отделкой.

Возвышающаяся над нами многоступенчатая пирамида со срезанной вершиной издали казалась окутанной кружевной тканью: по уступчатым ее стенам сплошным орнаментом шли одна за другой сцены из древних эпосов: «Рамаяны» и «Махабхараты». Скульптуры героев и богов перемежались изображениями почитаемых животных, представляя подлинную летопись жизни народа. Вызванные к жизни резцом художника, все эти фигуры шествовали, танцевали в вечном хороводе вокруг гопурама.

Неожиданно для нас — никто не предупредил, что процессия направляется

Скульптурные изображения слона — весьма уважаемого животного в Индии

Возле такой фигуры всегда много желающих сфотографироваться

в храм,— слон, окруженный толпой, сворачивает в ворота гопурама. Едва успеваю прижаться к стене, как рядом опускается серая колонна слоновьей ноги. Подняв голову, я встречаюсь с усталым взглядом животного, равнодушно скользящим по головам беснующихся людей. Проплывает, пахнувший жаром, цементный бок слона; следом в ворота гопурама в грохоте звуков, летящих от каменного свода, вваливается толпа верующих.

Идут в одних набедренных повязках, мотая косматыми головами, садху — вечные пилигримы, тела которых раскрашены самыми невероятными узорами, вобравшими в себя все цвета радуги. Выполняя данные богам обеты, они не стригут, не моют и не расчесывают волосы. С достоинством выступают во всем оранжевом, перебирая четки, санияси — ученые мужи, посвятившие свою жизнь богам и изучению священных книг, которые не могут представить, чтобы без их участия мог пройти хоть один молебен — пуджа. А за ними валом валит люд попроще: мужчины в застиранных дхоти и женщины в простеньких сари, украшенные гирляндами желтых, пряно пахнущих цветов.

Мы видели в окрестностях индийских городов, как растут эти цветы — их желтые и голубые венчики, похожие издали на кувшинки, плавали целыми островами на поверхности водоемов.

Верующие несут корзинки, блюда с фруктами, украшенные мишурой,— дары богам. А в храме все спешат к божествам-покровителям, чтобы расположить их к себе посильными жертвоприношениями. К ногам богов складывают бананы и сласти, в руки вкладывают цветы. В буквальном смысле богов здесь умасливают кокосовым молоком и топленым маслом из плошек так обильно, что ноги скользят по плитам. Плоды кокосовой пальмы, которая кормит и одевает

индийцев, приносят в храм особенно часто. Щедрость приношений каждого определяется его достатком: некоторые дарят драгоценные камни. В отношении верующих с небожителями ясно проступают элементы земного реализма: размер подношения определяет и важность просьбы.

Такая деловитость в отношении с богами особенно заметна у людей труда. Там, у деревень, как грибы вырастают игрушечные храмики, где может подчас разместиться лишь один божок — глиняный, зато пестро разукрашенный. За это крестьяне ждут от своих благодетелей на небе хорошей погоды, богатого урожая и покровительства во всех личных делах.

Не случайно и обожествление многих животных. Вот просто одетые паломники ставят мисочки с фруктами у подогнутой ноги каменного бычка Нанди, лукаво взирающего на все эти церемонии. Причины поклонения с давних времен животным, в частности быку Нанди, понятны в таком сельскохозяйственном крае, как Индия. Какие только работы не выполняют на быке: вспахивают поле, перевозят урожай, молотят зерно, добывают воду. Даже его помет, лепешки которого сушатся на многих оградах и в самом Мадрасе, используется как ценнейшее топливо для очага.

Пожалуй, отсюда же идет уважение ко всему живому в верованиях джайнов. В их храме мы видели женщин, закрывающих рот темным платком, чтобы, не дай Бог, не проглотить случайно москита. Самые правоверные джайны во время ходьбы, говорят, метут перед собой метелочкой, убирая с пути все живое, чтобы не причинить никому вреда.

Но, может быть, некоторые любят бычка Нанди за то, что на нем, как гласит предание, ездил верхом Шива? Ведь старейший храм Капалисвара, под сводами которого приносятся сейчас дары богам, посвящен Шиве. Даже на этом каменном бычке три параллельные белые линии — отличительный знак шиваитов (кстати, они были и на лбу слона). А вот фигурка самого Шивы, жирно блестящая в неверном мельканье пламени светильников от пролитого на нее масла.

В Мадрасском музее искусств имеется богатейшее собрание бронзовых скульптур, найденных на раскопках в разных уголках страны. Есть там также изображение Шивы, взметнувшего в легком танце четыре руки — признак необычайной мощи. Одной рукой он бьет в барабанчик, утверждая новое, другой поднимает огонь, сжигая все злое, а нога его придавила извивающегося демона — уродца Равана — символ невежества и коварства. Многорукий Шива, схваченный огненным кольцом, создает из хаоса Землю. Чтобы оживить Землю, Шива помог спуститься с неба прекрасной и доброй богине Ганге, сжалившейся над людьми, принесшей им воду и хлеб. Ганга стекала вниз по длинным кудрям Шивы, чем вызвала гнев его ревнивой супруги.

Уже какой век здесь в храме застыл в нескончаемом танце Шива, взметнувший руки, словно грозя ими брахманам, бормочущим свои гимны. Он попирает невежество, а брахманы тщательно хранят в тайне от всех тонкости и премудрости обрядов, утративших всякий смысл, держат в повиновении людей молитвами, пугая их непонятными священными текстами.

Незадолго перед пуджами съезжаются брахманы к храму Капалисвара на велорикшах. Величаво выходят из колясок, небрежно бросая монеты кланяющимся рикшам, и, надменно держа голову с тремя параллельными линиями на лбу, идут в ворота гопурама, никого не замечая, особенно — калек

Трудно удержаться от подношения красавцу-быку Нанди, весьма почитаемому в Индии

и нищих. Они — высшая каста, и эти суетящиеся несчастные людишки, ждущие у храма милостей от своих божеств, недостойны их внимания.

Если в давние времена, кроме брахманов — служителей культа, выделялись касты воинов и правителей — кшатрии, торговцев — вайшии, крестьян и ремесленников — шудры, то теперь, когда касты еще разделились на кастовые группы, их насчитывается около трех тысяч, так или иначе влезающих в «четыре ящика» кастовой системы. Все стоящие вне четырех каст относились к неприкасаемым.

Как ни стирает время перегородки, и сейчас истый брахман смотрит мимо неприкасаемого, ибо даже вид его оскорбителен для высокой персоны дваждырожденного. Брахманы требуют к себе особого уважения. Именно брахманам доверено быть представителями богов на Земле. Именно дваждырожденные общаются с богами, снисходительно принимая подношения от бедного люда и почтительно — ценные дары от себе подобных. Это им предоставлено высокое право разбивать кокосы у танцующего Шивы и обильно поливать его маслом, отбирая последние пайсы из скудного заработка бедняков. Потому консервативно настроенные брахманы особенно цепко держатся за свои привилегии, стараясь сохранить старые бесчеловечные традиции, хотя касты в Индии отменены конституцией.

Кастовые законы требуют, к примеру, чтобы молодой человек женился на девушке своей касты.

Брат моего знакомого, механика-водителя из Дели, давно любил девушку другой касты. Когда они тайно поженились, молодоженам срочно пришлось скрыться от гнева родственников невесты. Молодой муж даже прятался в другом городе, боясь мести. Но, опасаясь за жизнь родителей, брата, он отказался продолжать борьбу за свое счастье. Молодая семья распалась.

Тяжела еще жизнь неприкасаемых — хариджанов, как назвал их Ганди, «детей бога», которых в стране несколько десятков миллионов. Я разговаривал с одним из них, Доби Джограмом, деревенским хариджаном, который нанимается в городе убирать дома. Из соседних деревень ходили на заработки гончары, земледельцы, плотники, а их деревня испокон веков поставляла подметальщиков и золотарей. Этим зарабатывали себе на пропитание дед и отец

Доби, этим же трудом занимается он сам. Но Доби уже не желает мириться со своей судьбой.

— До сих пор правительство борется с неравноправным положением низших каст и неприкасаемых в обществе,— горячо говорит Доби, устало сложив руки на коленях.— Хотя сегодня хариджаны уже занимаются политической деятельностью, имеют важные административные посты, борются за свои права, но каждый год специальный департамент насчитывает тысячи случаев жестокого обращения с неприкасаемыми.

Доби твердо верит, что его сынишку Балджида ожидает другая, более светлая доля.

Отжившие традиции, за которые цепляется индуистская общинная реакция, позволяют имущим сохранять свое положение в обществе. Поэтому так истово служат брахманы молебны в храме Шивы, поучают неграмотного рикшу или крестьянина, стараясь остаться в их глазах связующим звеном с богами. А те несут им свое последнее достояние: каждый ожидает удачи, надеется, что именно к нему божество повернет свое милостивое лицо — они еще простодушно верят, что счастье приносят боги...

Старый мост на Голконду

Среди рыжей долины — в зеленых заплатах рисовых полей, с виднеющимися вдалеке купами деревьев — из жаркого марева выплывает обожженная солнцем вершина. Опоясанная не раз многокилометровой высокой стеной и рвами, она издали и сейчас смотрится неприступной — это крепость, имя которой прозвучало в веках. Голконда — столица древнего государства и синоним несметных сокровищ, золота и алмазов[1] — означает в переводе всего-навсего «пастуший холм».

Только подойдя к Триумфальным воротам, замечаешь, как обветшала крепость: часть зубцов стены и башен осыпалась, завалив рвы. Дорога здесь делает крутой поворот, чтобы слон не смог разбежаться и высадить массивные деревянные ворота, топорщащиеся наружу железными шипами. Пробираясь улочками Нижнего Форта, видишь, как все тут было рассчитано на длительную осаду: от богатых арсеналов, где еще и теперь ржавеют ядра и длинные пищали, до небольших участков риса. В конце XVII века в крепостных стенах было осаждено целое войско — десятки тысяч солдат — армией Великого Могола Аурангзеба. Крепость была так хорошо защищена, а стойкость воинов так велика, что девять месяцев умирали сипаи Великого Могола от голода и болезней под стенами Голконды.

Главные ворота крепости открыло, как это часто случалось в истории, предательство одного из подкупленных военачальников. А последний защитник крепости — простой солдат по имени Абдул Рзак Ляри, укрывшись на вершине холма, не сдался врагу, даже получив смертельное ранение. «Хочу жить

---

[1] Национальная корпорация Индии по разработке полезных ископаемых сообщает в своих отчетах, что именно в алмазных россыпях в бассейне реки Кришна было найдено несметное множество драгоценных камней. До XVIII века алмазы добывались только в Индии, и из старой Голконды пошли путешествовать по белу свету такие известные всем бриллианты, как «Великий Могол», «Кох-и-Нур», «Орлов», «Регент», история которых полна невероятных приключений.

и умереть свободным»,— были его последние слова. Так гласит предание...

Поднимаясь к вершине по бесконечной череде каменных ступеней, площадок, через ворота в крепостных стенах, проходишь мимо осанистых домов, солдатских казарм, храмов, складов. Хотя все делалось основательно, даже из гранитных глыб, но со временем пришло в полнейшее запустение. Ни души, лишь в дальних закоулках под стропилами, как груши, висят летучие лисицы. Бесконечная лестница выводит к Балу Хисару — Верхнему Форту, где наподобие крымского Ласточкина гнезда прилепилось на скале ажурное строение дворца.

Здесь правители принимали послов и вызывали на скорый суд своих подданных, а с крыши дворца любовались выступлениями артистов, вкушая редкие яства и смакуя вина.

Глядя на мертвый выжженный солнцем город, трудно поверить, что тут когда-то кипела жизнь. О владыках Голконды напоминают теперь лишь купола мавзолеев внизу за крепостными стенами: пышные сооружения из арок, карнизов, галерей, приподнятые на высоких основаниях-платформах.

...Но вот человек в чалме с верхней площадки над крышей дворца сделал знак рукой, и от Нижних ворот, за несколько сотен метров, до нас донеслись хлопки. Так часовые предупреждали об опасности.

Сразу что-то переменилось вокруг, грозными вдруг стали молчаливые пушки на зубчатых стенах, словно мы перенеслись в прежние времена. Зазвучала перекличка стражи в крепостных башнях, из соседнего дворца-гарема послышались переборы струн и пение. Во дворцах забили фонтаны и зацвели сады. Зашумели толпы торговцев и ремесленников на базарах. Даже яснее стали видны сверху очертания ирригационной системы, поднимавшей в водоемы и колодцы крепости воду из соседнего озера. Именно в этих сложных сооружениях, в гармонии пропорций и строгой красоте зданий и самой крепости оставили свой след безвестные мастера и тем сохранили о себе память. А шумная слава и богатства властителей Голконды канули в Лету...

За шпилями мавзолеев забытых правителей в жаркой полуденной дымке проступают силуэты мечетей и домов просторного города, раскинувшегося по берегам реки Муси. Жители не забывают, пожалуй, лишь мавзолей одного из Кутб-шахов Голконды и даже устраивают в его честь празднества. Это основатель Хайдарабада Мухаммед Кули Кутб-шах. После себя он оставил не только прекрасный город, утопающий в садах, но и стихи.

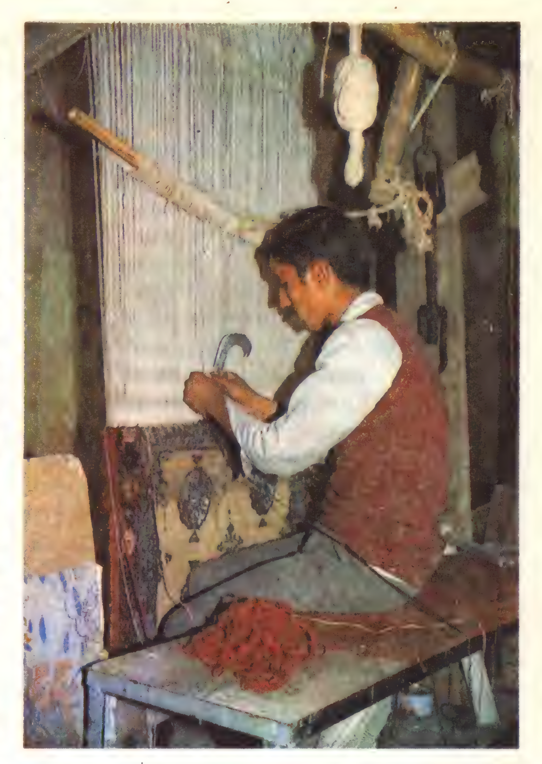
О них мы узнали в хайдарабадском музее Салар Джанга, князя-наваба, собравшего обширную коллекцию картин, оружия, изделий знаменитых мастеров, в том числе уникальную библиотеку рукописей, среди которых находятся редчайшие произведения поэтов и писателей древности. Стихи Мухаммеда, написанные на телугу — языке своей матери, а не на персидском, как было принято в те времена, понятны и сейчас, особенно когда они живописуют природу родного края или рисуют картины из жизни города. Но не меньший интерес для изучения традиций, обычаев, прошлого индийцев представляют изделия искусных ремесленников: ковры, резьба по кости и дереву, инкрустация, богатейшая коллекция бидри.

Аудеш Гур, сопровождавшая нас в поездках по городу, решила показать нам кварталы ремесленников.

Как свиток старинной рукописи, разворачиваются перед нами улицы старого города, где за толстыми, высокими стенами с остатками башен, в манговых садах

скрываются хавели — целые поместья бывших владетелей княжества Хайдарабад, а рядом — домишки бедноты.

— Княжеством правил низам-уль-мульк, что означает «устроитель государства». Возникло оно на развалинах Голконды, а прекратило свое существование в 1947 году, войдя в состав республики как штат Андхра-Прадеш,— объясняет Аудеш Гур.— Вы представляете, если один Салар Джанг, главный министр низама, смог собрать в свой дворец, занимающий целый квартал, ценнейшую коллекцию со всех частей света, то какими несметными сокровищами владели низамы, дочиста обиравшие крестьян и ремесленников Андхры. Жестокие и коварные, они не раз предавали интересы своего народа, помогая англичанам завоевывать Южную Индию.

Ткач в лавке-мастерской

Последний низам был так богат, что размеры его состояния не могли оценить европейские финансисты даже за огромную мзду. Несмотря на сопротивление, правительство лишило низама его власти, и, обидевшись, он засел в своем дворце, охраняя награбленное добро и «существуя» на пенсию всего в несколько миллионов рупий. Еще сравнительно недавно можно было видеть на улицах Хайдарабада большую машину, где в поношенном сюртуке и шлепанцах восседал низам, о скупости которого по городу ходили анекдоты. Впрочем, давайте лучше любоваться изделиями знаменитых хайдарабадских ремесленников, за чей счет обогащался низам...

Торговые ряды на улицах Старого города кажутся бесконечными: в лавках нижних этажей, где на коврах и белых простынях ожидают покупателей купцы, идет бойкая торговля, а наверху и за домами — мастерские ткачей, портных, гончаров, ювелиров. С рассвета до темноты звякают молоточки о крошечные наковальни, тихо жужжат гончарные круги, стрекочут машинки, стучат ткацкие станки. Длинен и труден рабочий день ремесленника. Зато на прилавках можно найти все: от восточных — с загнутыми носками — туфель и огромного раскрашенного сундука до свадебного наряда...

В витрине матово отсвечивает храм, идеально выточенный до самой незаметной скульптурки на гопураме, до последнего завитка на колонне. А за ним, в глубине комнаты, согнулись перед крошечными верстачками молчаливые люди: режут кость десятками резцов, ножей, пилочек, шлифуют и полируют узоры всевозможными способами.

Рядом в лавке грудами лежат браслеты, в которых дробятся лучи солнца.

Здесь могут изготовить любой браслет: худые руки мастера мнут глину над раскаленными угольями и ловко лепят глиняные полоски к стеклянным ободкам; затем их украшают бусинками разных цветов, выводя на глине затейливые узоры.

Хотя и знамениты ажурные изделия из бело-молочного хайдарабадского серебра, из которого здесь же на глазах могут сделать оправу для жемчужины любой формы и цвета, но привлекают взгляд в торговых рядах своей пестротой прежде всего ткани. У торговца, важно сидящего на подушках под раскрашенным изображением богини Лакшми, приносящей удачу, можно купить любую ткань: от муслина и ярчайшего бархата до бенаресской шелковой парчи, переливающейся серебром и золотом, и тончайшей кашмирской шали, которую невозмутимый приказчик пропускает с ловкостью фокусника через кольцо.

Многие изделия индийских ремесленников — подлинные произведения искусства. В самом богатом магазине, где некоторые вещи не имеют цены — просто не продаются, я видел на стене небольшой ковер ручной работы. Рисунок на ковре — типичный растительный орнамент, а в центре — большая ваза с огромным букетом. Узкогорлая ваза с цветами парит в воздухе, хочется сказать, будто живая. Словно ее только что вставили в ковер. Вытканная выпукло, она смотрится объемно, и каждый цветок — астры, пионы, хризантемы — сияет крупными драгоценными камнями: дымчатыми топазами, сиреневыми аметистами, зелеными изумрудами, бордовыми гранатами, россыпью разноцветных агатов, а в центре букета — солнечный топаз, светящийся необычно глубоким светом...

Пока мы идем к реке Муси, делящей Хайдарабад на Старый и Новый город, Аудеш Гур рассказывает, как приучают к нелегкому труду, развивая художественный вкус, способности, мальчиков в школах художественных ремесел.

— Государство обеспечивает учащихся стипендией, предоставляет все необходимые материалы для ремесла. Дольше всего в школах обучаются ювелиры, поменьше — резчики по дереву. Школа не только дает навыки той или иной профессии, но и имеет свой магазин, где торгуют поделками учеников. Многие ребята хотят попасть в школу. Да вы можете сами на них посмотреть в мастерской «Мумтаз Бидри», куда мы направляемся...

В канцелярии мастерской знакомимся с инженером Сайедом Джалилем, который отводит меня в закопченную сараюшку, где начинается рождение известных по всему свету изделий бидри, чье название, вероятно, пошло от города Бидара — родины этого промысла.

В крошечной литейной рабочий подкладывает угли в небольшой очажок, где в углублении стоит тигель с плавящимся металлом. Посреди комнатушки худой парнишка, ученик, готовит две половинки формы из красной глины, посыпая их белым порошком изнутри. От порошка иссиня-черные волосы парнишки кажутся припудренными.

Он насыпает в формы землю, трамбует ее босыми ногами и складывает половинки. Мастер подхватывает с углей тигель и льет тонкой струйкой красный металл в отверстие между формами. Пока отливка стынет, я расспрашиваю мастера.

— Как давно в Индии существует этот промысел?

— О! Несколько веков уже. Когда-то его завезли к нам странники из Аравии.

Искусными руками мастера сделаны эти великолепные, будто живые, куклы. Он же — и кукловод, выступающий с ними на представлениях

Но у них узор высекался на меди или стали. В Бидаре тоже свои особенности изготовления бидри.

— А вы что за металл заливаете в форму?

— Обычно сплав цинка с медью...

По одному ему ведомым признакам парнишка видит, когда остывает отливка. Он отрывает половинку формы и вытряхивает заготовку на землю.

В другой длинной комнате мастер у станка берет заготовку и, выбирая лежащие у ног напильники, скребки, рашпили, начинает ее чистить и полировать. Литейщик опытен, заготовка чистая, и труда тут надо немного. Одна за другой отполированные заготовки передаются в угол, где парень в майке раздувает горн у кучи угля. Он берет невзрачные, бесцветные заготовки, нагревает их и мажет какой-то коричневой жидкостью, после чего поверхность металла затуманивается и быстро темнеет.

Теперь за дело берется художник. Тонким стальным шилом он прочерчивает на боках отливки почти невидимый рисунок и вручает ее опытнейшим мастерам.

Наступает важнейший этап, решается судьба изделия: будет ли оно произведением искусства или поделкой.

Мастер тихонько постукивает молоточком по легонькой стамесочке, тонко

Идет стирка. Под жарким индийским солнцем яркие сари моментально высыхают на горячих камнях

прорезая рисунок, и загоняет в нанесенные художником линии серебряную проволоку. Она лежит у его ног блестящим клубком, и ученик выпрямляет ее, рубя на куски.

Под драночным потолком комнаты вяло перебирает лопастями вентилятор, не в силах разогнать духоту полудня. Полураздетые парни, показывая красные от бетеля зубы, выводят заунывный мотив.

Лишь мастер, отрешенный от окружающей суеты, твердо прижимает металл к колену, точно нанося крошечные бороздки: сотни похожих черточек, одну за другой, на одинаковом расстоянии. Только бы не дрогнула рука, не изменило бы чувство рисунка.

Удар следует за ударом, тысячи ударов, и в прорезях остается серебряный след проволоки, обозначая рисунок.

Только сейчас я различаю в заготовках части изделия: изогнутые носик и ручка, сам сосуд. На станке все эти детали подгоняются друг к другу, припаиваются. Изделие прогревается целиком, чтобы серебряная проволока стала с ним единым целым. Мастер бережно проводит по нему тряпкой, смоченной той же бурой жидкостью, и перед глазами, будто птица-феникс, возникает тонкогорлый кувшин с носиком-клювом и ручкой-хвостом. Нежные серебряные цветы распустились по вороненым бокам сосуда.

Определения состава жидкости, от которой темнеет металл, я нигде не нашел. Называют ее «особым химическим раствором», «смесью селитры и земли», причем земля вроде бы добывается в бидарском форте.

Инженер Сайед Джалиль сжалился надо мной и сказал, что чернят металл сульфатом аммония, но тоже не совсем внятно говорил о какой-то смеси. Словом, секрет. Так, может быть, лучше, если эта тайна и не будет здесь раскрыта. Пусть она накладывает отпечаток загадочности на изделия бидри...

Вторая дверь из мастерской выводила прямо на высокий берег Муси. Под сверкающим солнцем женщины в ярких сари расстилали белые простыни на горячих камнях. Муси струилась безобидным ручейком в зеленых берегах, словно и не несется она бешеным потоком в период муссонов, затопляя на пути тысячи домов и унося с собой многие человеческие жизни.

Об этом хранит память лишь самый древний мост через Муси — Пурана пул (Старый мост), ведущий вот уже три с лишним века к Голконде. Слышит он все три века, как раздается легкий, звонкий стук молоточков мастеров над рекой. Доносятся они до обветшавшей хавели низама Кинг-котхи — Дворца короля, что напротив мастерских, на другом берегу Муси. Только низам не слышит этого веселого перестука — его уже нет, а наследники все прячут остатки награбленного, лишенные новыми законами всех привилегий и сокровищ.

Корни баньяна

Еле живые от жары, мы входим через Хаурагейт — главный вход Ботанического сада — как во врата рая. Шелестящее, тенистое, прохладное море зелени поглощает нас, спасая от влажной духоты калькуттских улиц. Блаженствуя, мы тихо бредем по авеню Гамильтона (внутренние дороги названы именами ученых, работавших в саду) под кронами камфарных деревьев, подставляя разгоряченные лица ветерку с реки Хугли, вдоль которой тянутся сто с лишним гектаров сада.

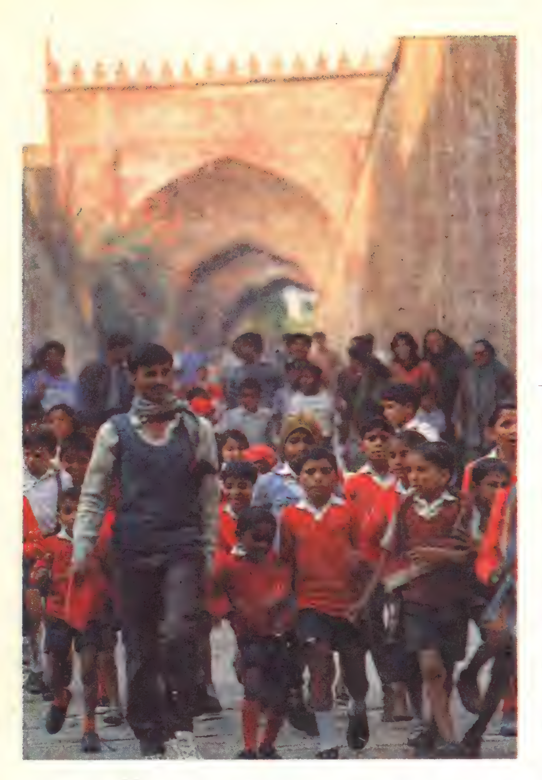
Сворачиваем на Кид-авеню, названную так в честь садовода Роберта Кида. Именно он основал в 1787 году этот зеленый рай, правда, на фунты вездесущей Ост-Индской компании, намеревавшейся получить приличные доходы от разведения ценных пород деревьев. В 1857 году сад назвали Королевским, а имя Индийский (правда, иногда говорят Калькуттский) этому старейшему Ботаническому саду, одному из самых больших в мире, было присвоено республикой в 1950 году.

...Около Кид-авеню в аквамариновой чаше озера (одного из 26 озер сада) плавали огромные листья-блюдца, зеленые до синевы, на которых тихо сияли бело-розовые бутоны лилии Виктории Регии — кувшинки с реки Амазонки. На противоположном берегу озера с водными тропическими растениями голубеют бамбуковые заросли, а над ними высится зеленая стена толстых стволов — это уже другой вид, применяемый на строительстве.

Не менее, чем разнообразие бамбука, нас поразило, казалось бы, привычное теперь для всего тропического мира растение — банан. И не сами ложные стволы этой высоченной травы, вырастающей до десяти метров (они образованы черенками длинных, широких листьев), а великое разнообразие сортов банана, идущих в пищу людям, на корм скоту, на изготовление волокна. Конечно же, в пищу бананы употребляются во всевозможном виде: свежие, сушеные, жареные и вареные, не говоря уже о консервах и напитках. После небольшой практики всегда можешь выбрать себе банан по вкусу: желтенький, ароматный, если любишь сладкое; или зеленый вяжущий — для утоления жажды; на десерт — тающий во рту; или королевский банан с красной мякотью. Глядя на деревья манго с раскидистой кроной, откуда свисают на шнурах-плодоножках множество блестящих «груш», понимаешь, что Индию не зря, видимо, считают родиной манго. Этот популярный плод поспевает в то время, когда другим фруктам еще не подошел срок. В разные периоды созревания из манго готовят массу кушаний и приправ: из совсем зеленых — соусы и маринады, недозревшие — идут на компоты и паштеты, обладающие, как говорят индийцы, лечебными свойствами, из зрелых манго приготовляют салаты и сладости, выпаривая их сок. Сотни тысяч тонн сочных плодов вывозят из Индии в другие страны...

Свернув на длиннейшую аллею, мы вдруг улавливаем сладкий знакомый аромат. Так оно и есть — благоухают сандаловые деревья. Изделия из древесины — светло-коричневые божества и животные — испускают еще долго приятный запах. Рядом также благородные породы деревьев — красное, розовое, черное.

Но, несмотря на соблазн рассмотреть и потрогать их красивые стволы, мы довольно быстро проходим дальше. Дело в том, что нам никак не удается найти

Индийские школьники очень любознательны и любят экскурсии со своими учителями

Водяные ворота, которые таинственно пропадают, как только мы оказываемся рядом.

Вот сейчас мы оставляем за собой рощицы незнакомых деревьев в шапках розовых бугенвиллей, разбросанных по стриженому ковру лужаек, и останавливаемся у зеленого шатра. Там под металлической сеткой, почти незаметной под ворохом вьющихся растений, собрано множество особенно редких орхидей со всего света (между прочим, сад делится на 25 территорий, где произрастают растения разных стран). А напротив под такой же сетчатой шапкой высится громадная пальма, у подножия которой словно брошена охапка цветов. На фиолетовых, желтых, красных кофточках, пестрых сари девочек и белых рубашках мальчиков пышные бумажные цветы со значками, обозначающими разные школьные группы, а в середине в светлом костюме худощавый индиец с усиками — их учитель.

— Кто из вас летал на самолете с юга на север, своими глазами убедился, видя под собой лоскутки полей и бурые выжженные равнины, что Индия — не страна джунглей. Большую часть ее представляет саванна, но много каменистых и песчаных пустынь. Давно у нас стали сокращаться площади, занятые лесами: их вырубали на топливо (до сих пор в ряде штатов деревья пережигают на уголь), на нужды строительства, освобождая место под посевы, дороги, промышленные объекты. Поэтому меньше становится животных, хуже климат да и урожайность не повышается, а пахотные земли, наоборот, уменьшаются из-за увеличивающейся эрозии почвы,— убежденно говорил детям учитель.

Позже, в Мадрасе, я вспоминал его слова в защиту родной природы, когда узнал, что как раз в штате Западная Бенгалия увеличилась земельная площадь — образовался новый остров в Бенгальском заливе. Оказывается, рождение острова началось еще несколько лет назад: река Ганг намывала в залив песок, выносимый со склонов Гималаев. В последние годы остров стал расти быстрее, так как в горах увеличились темпы вырубки лесов. Остров засняли с одного из индийских спутников и назвали Пурбаш.

Увидев, что мы прислушиваемся к его беседе со школьниками, учитель, подчеркивая заслуги индийских ученых, с гордостью рассказал о Лесном научно-исследовательском институте в городе Дехрадуне, где проводился

Международный конгресс лесоводов. Колледж при институте выпускает лесников и егерей. Там же находится известный Музей леса, где все — от обшитых деревом стен до мебели и паркета — изготовлено из редких пород деревьев. В музее можно попасть в единственную в своем роде библиотеку, где на полках вместо книг стоят... отполированные куски дерева. О каждом из них имеются все сведения: какое дерево, где росло и когда спилено.

Учитель с такой любовью описывал растительность Индии, что мне показалось, он не случайно, пожалуй, начал для своих внимательных слушателей экскурсию с кокосовой пальмы — кормилицы индийцев, плодонося-щей круглый год. Древесина пальмы идет на строительство и разные поделки, листьями кроют жилища и изготовляют из них шляпы, зонты, веера, но главное — сам кокосовый орех. Сверху с него топориком срубают волокнистую оболочку, из которой можно плести циновки; разбивают прочную скорлупу ореха, годную для посуды, под ней — слой белой мякоти, идущей в пищу в сыром виде и для отжима масла. В недозревшем орехе, в середине, плещется чуть мутноватая, кисло-сладкая жидкость — это и есть кокосовое молочко, так хорошо утоляющее жажду; само ядро зрелого ореха — твердое, тоже съедобно.

Кстати, школьники стояли под гигантскими листьями пальмы Сейшельских островов, славящейся самыми крупными кокосовыми орехами. Даже здесь, в Калькутте, ей требуются повышенная влажность и рассеянный свет, для чего ее и упрятали под сетку.

Сносившая терпеливо все это время нашу любознательность, наша спутница ботаник Ниведита Кадер вежливо напомнила, что заместитель директора здешнего Ботанического института ждет уже для беседы. Пришлось отложить на более позднее время поиски Водяных ворот, у которых растет одно из самых больших деревьев — баньян, или бенгальский фикус, занимающий «всего» два гектара.

Доктор Дебендра Биджой — седой, с утомленным лицом, близоруко щуря глаза, слегка смущался, стараясь усадить нас в небольшом кабинете, заставленном шкафчиками с книгами и папками гербариев.

— Я вам, конечно, не обещаю, что можно познакомиться во всеми двадцатью тысячами растений, собранными в нашем саду, тем более с нашим гербарием, который заполонил уже все помещения,— говорит он вместо обычных приветствий, убирая папки с засушенными растениями со стульев.

Мы слушаем доктора Биджоя и листаем проспекты института, ботанические альбомы. Становится понятна всемирная известность индийского сада с его научной библиотекой, обладающей, кроме авторитетных среди ученых, в том числе русских, изданий по флоре Индии во многих томах, древними манус-криптами.

Примечательно, что именно за последний век, когда так жестоко пострадали флора и фауна страны, были собраны несколько миллионов листов гербария редчайших растений. В этом неоценимая заслуга индийских ботаников. В институте небольшое количество сотрудников. Хотя они не в силах как следует описать свою обширную коллекцию растений, но ведут очень нужную работу по изучению полезных для народного хозяйства растений, акклиматиза-ции благородных пород деревьев, доставляемых сюда со всех концов земного шара.

Пока Дебендра Биджой ратует за сохранение исчезающих растений,

красноречиво описывает великолепные качества завезенного из Центральной Америки махагониевого дерева, не уступающего красному дереву, восхищается тиком, не живущим практически в тропиках, убедительно доказывает необходимость увеличения площадей под джутом — вносят кофе и на тарелочках орешки.

Этими орешками кешью, поджаренными с солью или сахаром, почти всегда угощают в индийских домах, без них не обойтись в кондитерском деле.

— Растут на деревьях, похожи на яблоки, и плодоножки такие же круглые, краснобокие (кстати, называются они яблоки-кажу), а на плодоножке — орех,— угощает нас кешью Биджой.— Их вывозят за границу на десятки миллионов рупий, а теперь кешью заинтересовалась большая промышленность. Из скорлупы орехов стали добывать масло-кажу, обладающее рядом ценных свойств и используемое в медицине и технике, так что спрос на них повышается.

В заключение хозяева рассказали о саде, лекарственных растениях, которые излечивают от лихорадки, высокого давления. Под разговор о болезнях и траволечении мы все же снова двинулись к Водяным воротам.

На баньяновой аллее нам прежде всего показали так называемое «безумное» дерево, на котором нет двух похожих по форме листьев, но зато дубовые, кленовые, липовые — пожалуйста. Наконец, наше упорство вознаграждается. Мы подходим к баньяну. Но где же то самое дерево, предмет зависти многих ботанических садов? Ствол-долгожитель (ему было за 200 лет) уже давно разрушен вредителями, и на его месте — зеленая лужайка. А вокруг нее шумит целая роща деревьев, число которых сильно перевалило за тысячу. Но все это множество стволов — плоть от плоти прародителя. На высоте примерно десяти метров от ветвей тянутся серые веревки воздушных корней, на которых можно при желании даже покачаться. Если их не обрезать, то, достигая земли, корни дают жизнь другим стволам. Чтобы роща не разрасталась вширь, ее окружили асфальтовым кольцом, не дающим укореняться новым стволам.

Об этой неистребимой живучести баньяна я еще раз подумал на другой день, когда мы бродили по великолепным залам «Виктории-мемориал». Стены их были увешаны парадными портретами королевы Виктории, в честь которой он и был построен (республика открыла двери музея для обозрения народа), и других принцев крови и герцогов.

Еще накануне один из сотрудников института заметил в разговоре, что в Калькутте имеется, кроме Ботанической службы (нечто вроде департамента), также Зоологическая служба.

Для изучения почти 100 тысяч видов животных, ареалов их обитания Зоологическая служба отправляет экспедиции в самые отдаленные районы страны, пополняя свою обширную национальную зоологическую коллекцию и выпуская один том за другим «Фауны Индии» — очень солидного издания.

Вспомнив наш интерес к охране животных в стране, Ниведита Кадер слегка повела рукой вдоль парадных портретов английских принцев крови и герцогов и грустно сказала:

— Если бы подобные джентльмены меньше гнались за охотничьими трофеями, тигриными шкурами и бивнями слонов в наших лесах, то у Зоологической службы было бы еще более обширное поле деятельности.

О справедливости горьких слов Кадер свидетельствуют публикации английских газет начала века:

«Сегодня лорд Дерем, лорд Чарлз Фитцморис, сэр Дерек Кеппел и сэр Генри Мак Мэхон записали на свой счет 7 тигров и медведя... Король убил своего 21-го тигра. Общий итог 10 дней — 39 тигров, 18 носорогов и 4 медведя»,— так спокойно, по-бухгалтерски вели счет убитым животным газеты в 1911 году, оповещая о приезде в Индию британского короля Георга V.

Уже в наши дни лондонская «Таймс» признавала: «Однако не только аристократы-охотники поставили индийских тигров на грань исчезновения. К почти полному вымиранию полосатых хищников привели ставшие модными после войны «индийские сафари» для богачей, спрос в Европе на тигровые шкуры и освоение ранее диких мест обитания зверей. В начале века в стране было еще более 30 тысяч тигров, а вот в 1960 году, когда герцог Эдинбургский охотился в Индии (с тех пор уже никто из королевской семьи не наслаждался «индийским сафари»), тигров оказалось в 10 раз меньше».

Общественность прежде всего сильно встревожило, что в разряд исчезающих животных попал бенгальский тигр — украшение индийского животного мира. Поэтому комплекс государственных мер по защите природы, проводимый в жизнь с 1973 года, получил известное теперь название «Проект Тигр».

Конечно, дело охраны лесов и животного мира началось в стране значительно раньше. Именно потому, что в Индии звери и птицы были под защитой человека с незапамятных времен, один из стихов Пурушасакты, гимна из Ригведы, призывает о ниспослании мира и счастья всем людям и животным, и ранняя ведическая поэзия тонко передает полное единство человека и природы. С XIX века существовали законы об охране лесов и диких животных и птиц, претерпевшие существенные дополнения, особенно в начале 50-х годов нынешнего столетия, и с 1972 года получившие юридическую силу общегосударственного закона. В Ботаническом институте нам рассказывали о мерах по сохранению исчезающих видов животных, принятых на сессии Индийского совета по проблемам животного мира в Калькутте. О том, что забота о природе стала действительно в центре внимания всей страны, говорит то, что одна из сессий проходила под председательством Джавахарлала Неру. Ему принадлежат следующие слова, хорошо известные всем защитникам природы: «...мы, как никто, высоко ценим жизнь и часто колеблемся, прежде чем уничтожить даже самое подлое или самое вредное животное».

Общенациональное значение «Проекта Тигр» поддерживало в свое время то, что специальный комитет по его претворению в жизнь возглавляла также Индира Ганди. Он осуществляется в специальных заповедных зонах, откуда, в целях безопасности, были выселены крестьяне из десятков деревень, а жителям соседних деревень выплачиваются компенсации в случае нападения тигров на домашний скот. Лесничие ведут учет тигров и охраняют их от браконьеров, так как раненые тигры могут стать людоедами.

— Если у зверя достаточно пищи, человек в его «меню» не входит,— говорит Коппикер, директор «Проекта Тигр».— Сам я хожу по заповедникам без оружия, потому что доверяю тигру. Это поистине джентльмен животного мира.

Кроме защиты тигров, в сферу действия проекта входит охрана других видов диких животных и птиц. Для их сохранения созданы заповедники и националь-ные парки.

В начале века, например, оставалось всего несколько десятков львов в заповеднике Гирский лес в штате Гуджарат. Этот «царь зверей», не привыкший

к жизни в глубине джунглей, менее хитрый, чем тигр, легко выслеживался и беспощадно истреблялся охотниками. Тогда правительством республики был создан еще один заповедник для львов на юге штата Уттар-Прадеш, где они прижились, начали размножаться и число их теперь составляет уже несколько сотен.

Хотя положение с охраной птиц и животных улучшается, но индийские ученые по-прежнему обеспокоены сокращением редких видов.

«Опасность, нависшая над многими животными и птицами, еще не миновала. Наглядное свидетельство тому — печальная судьба дикой собаки, некогда населявшей равнины Южной Индии, носорога, естественной средой обитания которого были ныне изрядно вырубленные леса штатов Ассам и Бенгалии, и дикого яка, обитавшего в безлюдных, заснеженных районах Ладакха,— говорит известный индийский биолог М. Кришинан,— не в лучшем положении находятся и некоторые виды птиц. Около пятидесяти лет назад розовоголовая утка огромными колониями селилась у подножия гор на севере и северо-востоке Индии. Сегодня представителей этого вида встретишь крайне редко...»

На проходившей в Дели конференции Международного союза защиты природы и природных ресурсов прозвучало серьезное предупреждение по поводу истребления дюгоней. Эти неповоротливые трехметровые животные из отряда сирен, достигающие около трех центнеров веса, пробавляются на мелководье водорослями и планктоном, не причиняя никому вреда. Но рыбакам кажется, что те мешают во время ловли рыбы, и они убивают их, тем более что мясо и жир дюгоней ценятся весьма высоко. Беспокойство ученых понятно: единственное место обитания дюгоней в индийских водах — Манарский залив, находящийся между Шри-Ланкой и Индией. Да и во всем мире этих животных осталось прискорбно мало. Как бы не постигла дюгоней трагическая судьба их ближайшей родственницы — стеллеровой коровы, навсегда исчезнувшей с лица Земли.

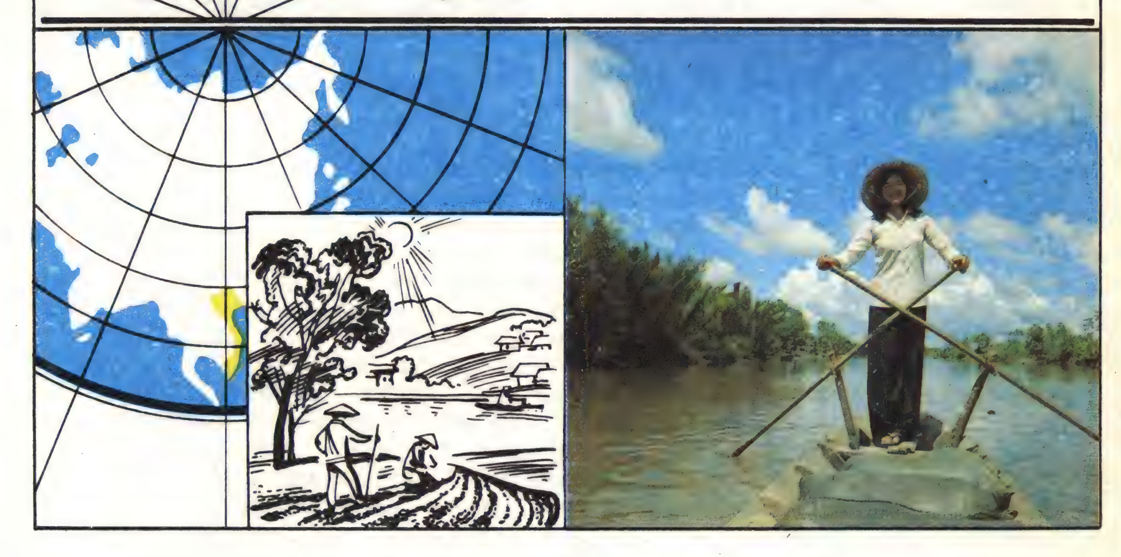
Индийскую общественность тревожит также резкое сокращение числа пресмыкающихся, что нарушает экологический баланс, позволяет размножаться грызунам, приносящим колоссальный вред сельскому хозяйству. Обсуждаются предложения о запрещении охоты на крокодилов, ящериц, черепах и змей. Из страны ежегодно вывозилось до трех миллионов змеиных шкурок, но теперь индийское правительство приняло постановление, ограничивающее их экспорт.

Пристальное внимание к миру животных и растений, серьезные меры правительства Индии по охране природы — залог новых успехов в деле ее защиты. Как символ этого мне видится священное дерево индусов — баньян, шагающий по земле в неудержимом стремлении жить.

В Индийском ботаническом саду я увидел большую купу деревьев, раскинувшихся посреди поляны высоким шатром. У подножия пальм — вечных кормилиц индийского народа — буйно рос тропический кустарник, сквозь шипы тянулись яркие цветы, а по стволам питонами ползли толстые лианы, словно стараясь пригнуть их к земле. Но наперекор всему сильные стройные пальмы ракетами рвались в голубую безоблачную высь, словно символ стремления Индии к новой жизни. Когда меня расспрашивают о многообразных явлениях этой удивительной страны, я вспоминаю сияющий зеленый шатер — «пальмовый дом».

Вьетнам

Легенда о Ле Лое

Датныок

«Датныок» в переводе с вьетнамского — «страна», что значит дословно «земля и вода».

Когда самолет снижается, подлетая к Ханою, то внизу видишь зеленый ковер земли, изрезанный дамбами и каналами. Словно минуту назад прошел сильный весенний ливень, так свежи светло-зеленые куски рисовых полей, по которым от ветерка гуляет легкая рябь. Под солнцем сверкают пруды и озера, а вдали катит мутные воды река Красная.

Был апрель. В мае и июне должны начаться ливни, наступит сезон дождей. Особенно это время опасно для Ханоя, который находится ниже уровня воды в реке Красной и ее притоках.

По-народному поверью, буйство тайфунов, разливы рек — дело рук Водяного царя, очищающего свой храм на берегу от мусора, накопившегося за год. Чтобы уберечь посевы и жилища от наводнения, люди стали строить плотины. Поэтому в Ханойской долине дамбы, плотины тянутся на сотни километров, достигая подчас в высоту двух десятков метров.

Когда начинают тянуться вверх изумрудные стебельки риса и стебли лотоса,

Ханой

Пригороды столицы Вьетнама

тогда появляется свободное время и крестьяне укрепляют оросительные сооружения: углубляют обводные каналы, наращивают дамбы. В эти солнечные дни на полях много людей. Они вытаскивают из прудов траву для корма свиней, рядом кувыркаются бронзовые ребятишки, ловящие рыбу, крабов, креветок. На дамбах кипит работа: снуют фигурки крестьян, перевозят на тачках, несут на себе с помощью коромысел земляные кирпичи. На полях женщины обрабатывают посевы табака, бататов: окучивают, пропалывают.

Вьетнамская земля, ее люди встречали щедрое лето.

Считается издавна, что север Вьетнама богат полезными ископаемыми. С помощью российских геологов подсчитаны запасы антрацита (уголь стал ведущей статьей экспорта республики), открыто месторождение газа.

Все это я услышал в Кимлиене, городке наших специалистов в пригороде Ханоя, где познакомился с Камболатом Магометовичем Мирзоевым, консультантом по геологическим съемкам, кандидатом наук. Мирзоев — человек много поездивший, разносторонних интересов, он часами может рассказывать о своих многочисленных экспедициях на Памир, Тянь-Шань. И беседа наша началась с пагоды Мот Кот.

Дело в том, что по пути в Кимлиен меня завезли посмотреть эту пагоду, похожую на цветок лотоса.

Само слово «мот кот» означает «один столб», это лишь часть длиннющего названия пагоды, «воздвигнутой повелением императора из дома Ли на одном столбе». Пагода стоит с 1049 года, а с единственным ее столбом за этот срок ничего не смогли поделать ни вода, ни древоеды. (Лишь в наше время столб защитили бетоном, но свою тысячу он «отслужил» верой-правдой.)

— Столб сделан из дерева кэй лим,— объяснили мне вьетнамцы.— Оно тяжелее воды и очень крепкое: топор его не берет.

С этой пагоды и железного дерева началась моя беседа с Мирзоевым.

— Сколько интересного для географа, геолога, археолога, палеонтолога во Вьетнаме,— по-восточному горячо рассуждает Мирзоев, слегка трогая свои пышные усы,— какое широкое поле работы. Мое увлечение — археология, любопытные находки сделал в Сирии. В долине реки Красной встретился с известным нашим археологом П. И. Борисковским, приехавшим читать лекции в Ханойском университете. Помог ему определить возраст геологических

отложений, где обнаружили древние стоянки человека. Есть очень любопытные открытия, находки.

Беседуя, Мирзоев подбрасывал на ладони тонкий срез какого-то дерева, похожий на диск. Заметив мой взгляд, он внезапно протянул его мне, и мою руку сразу потянуло вниз.

— Он что, железный?

— Вот именно, железное дерево. То же, что и в пагоде Мот Кот. Знаете, откуда он у меня этот срез?

...Вьетнамские геологи дали для консультации Мирзоеву снимки. Его заинтересовали особенности рельефа на снимках, просматривались инородные участки. И он поехал в этот предгорный район.

Тяжело в тропиках нашим специалистам, особенно геологам. Без воды, когда к вечеру вдруг она пропадает, неприятно даже в Кимлиене. Еще трудность — белье не высушить: стопроцентная влажность воздуха, хоть на вентиляторы вешай. Или от духоты, как в бане, покрывает испарина под душным марлевым пологом, натянутым от комаров. Вьетнамцы в это время не могут спать в домах, выбираются во дворы, на тротуары. А в джунглях... Водоемы, речки, болота при таком климате — рассадник заразы. Неделями не помоешься, на коже грязь разводами. Да еще опасайся, как бы не укусила какая тварь, ползающая или летающая. Безобидная гусеница проползет — ожог, ты энцефалита от клеща ждешь, а тут его разносит совсем маленький комарик.

Мирзоев старательно глядит под ноги, чтобы не зацепиться за корни или лианы, не оступиться в колдобину. Вверху света не видно: сплетение ветвей, лиан, листвы.

— Ноги не мочите,— советовали вьетнамские коллеги, поспешая следом,— здесь вода нехорошая, на коже появляются пятна, кто пьет — болеет.

Мирзоев переходил ручьи, топал по болоту и замечал, что частенько попадаются одинокие крупные деревья. Остановившись у одного, толстого, ветвистого, уходящего в небо пышной кроной метров на шестьдесят, поинтересовался, что за дерево.

— Кэй лим, железное дерево,— пояснил геолог.

Он сорвал горсть темно-зеленых, удлиненных листьев, протянул вьетнамцам:

— Сожгите, сделайте спектроскопический анализ. Молодые листья более избирательны, чем древесина, по ним легче определить состав элементов в почве.

Не случайно растут в этих местах кэй лим, а от воды выступают на коже темные пятна. Где-то может быть ртуть, месторождение киновари.

Дытныок — земля и вода, смешавшиеся, неотделимые — богатая страна, дождавшаяся своего часа...

На улице Смотрящих в небо

Мой вьетнамский приятель Ву Суан Хонг куда-то повел меня по Ханою. Он стремительно шагал по тротуару, невысокий, худенький. Как-то на одной переправе он ловко подхватил коромысло у женщины с тяжеленными плетенками. Увидев мое удивление, Хонг лукаво улыбнулся, прищурив миндалевидные глаза: «Я же деревенский, все умею». Он окончил Московский институт иностранных языков.

На широкой улице Хюэ (названной так в честь древней столицы) распахнуты

Лавка цветов

двери кафе, подняты жалюзи витрин, где разложены изделия из соломки, перламутра, рогов буйвола, серебра, слоновой кости, стоят картины, покрытые лаком, полученным из сока редкого дерева шон, резные фигурки из красного дерева.

Сворачиваем в тесные, извилистые улочки старых кварталов с небольшими, одно-двухэтажными домиками. Среди велосипедистов мелькает велорикша, везя в коляске старика. Улицы названы по профессиям проживавших тут ремесленников, торговцев: улица Кувшинов, Корзин, Шелка, Серебра, Шляп, Вееров,

Причесок, Парусов, Рыбы, Сахара, Риса... Здесь много мастерских, крохотных лавочек, небольших ресторанчиков. Они принадлежат государству и кооперативам.

На узких тротуарах толкотня покупателей, любопытных ребятишек. На деревянном щите, прислоненном к дверям комнатки, объявление: «Аптека восточных лекарств. Спасение от болезней печени, туберкулеза, ревматизма». К седенькому народному лекарю, сидящему на табурете, подходят жаждущие чудесного исцеления. Витрины, двери — все распахнуто, прилавки, столики выдвинуты на тротуары. На дверях, в окнах развешаны плетеные корзины, сумки, метелки, искусственные цветы. В маленьких кафешках продают фрукты, сладости, вареную кукурузу, заманчивые и неизвестные мне кушанья.

Звон и грохот несется из велосипедных мастерских (в столице десятки тысяч велосипедистов). Стучат ткацкие станки, стрекочут швейные машинки, продавцы и покупатели переговариваются через улицу, а из окон спокойно наблюдают за бурной жизнью старушки, жуя красный бетель.

У дверей одной из мастерских громоздятся ярко-красные чемоданы. Рядом делают барабаны, маленькие и большие. Через окно соседней мастерской видно, как изготовляют основу циновочных картинок «манче». В углу стоят сухие бамбуковые стволы. Ствол распиливают по ширине картины и мелко колют на узкие пластинки, соединяя в прямоугольники разной величины. Потом уже художники выводят на них ярко-зеленые пальмы, голубые озера, затейливые пагоды и чешуйчатых драконов.

Еще издали слышен шум базара. Под его крышей множество рядов. Какой только не предлагают товар. От полного ассортимента продукции народных ремесел до самых экзотических растений, фруктов, рыб и птиц, наваленных на прилавках и прямо на земле. Вот молодые ростки бамбука, лечебные клубни лотоса, небольшие речные креветки и крабы, светло-желтые короткие «королевские» бананы. В плетеной корзине груда темно-оранжевых, даже красноватых, продолговатых плодов, похожих на дыньки. И на самом деле они произрастают на дынном дереве, разновидности пальмы, которое еще называется папайя. Этот деликатесный плод разрезается вдоль, на дольки, едят его чайной ложечкой. Он обладает едва уловимым земляничным ароматом и прямо тает во рту.

На прилавке в бутылочках коричневый соус ныокмам с резким запахом. Он заменяет соль. Приготовляют соус в приморских рыболовецких кооперативах из некоторых видов рыбы. Заранее устанавливают огромные глиняные кувшины. Как только привозят улов, рыбу чистят и укладывают в кувшин: слой рыбы, слой соли, затем опять рыбы. Полные доверху кувшины закрывают глиняными крышками и оставляют на солнце. Месяца через два-три образующуюся жидкость с резким запахом варят в чугунных котлах, вмазанных в печь. Это поверхностная технологическая схема приготовления ныокмама, а сколько фирменных секретов таится в его рецепте!

Пожалуй, чего я не видел на ханойском базаре, так это змей. Зато под Хайфоном встретил змеелова в окружении зрителей. Сухонький живой старичок в солидном темном пиджаке держал на коленях продолговатую бамбуковую клетку, вроде птичьей, только с двойными стенками. Представившись как пенсионер, заслуживший право на любимое занятие, он вдохновенно повествовал о повадках больших, средних и малых змей, их благородстве и терпеливости,

Под солнечными лучами переливаются краски вьетнамского ковра

о способах ловли; вытаскивал для демонстрации очередную змею из клетки и рассказывал о ее вкусовых качествах.

— Хороши куриный бульон, черепаховый суп, но лучше супа, чем змеиный, нет,— уверенно говорил он, покачивая сухонькой головой, обращаясь к внимательным слушателям.

...Не успели мы миновать базар, как его шум сменился другим: на небольшой площадке играли в футбол. Крики болельщиков и юных босых футболистов сливались в единый радостный вопль. У вьетнамцев футбол — популярная игра,

тем более что она не требует больших затрат и хорошо соответствует лозунгу: «Быть здоровым, закаляться, чтобы строить новую жизнь».

На каждом углу мальчишки до темноты гоняют мяч. К тому же это приятная физпауза в перерывах между занятиями. Шли экзамены, и даже заполночь при уличном освещении ребята читали учебники, листали конспекты. Город жил привычной разноголосой жизнью.

Мы вышли на улицу Хамтьен. Именно сюда меня вел Ву Суан Хонг. Он не забыл наш разговор о двух войнах, вьетнамской народной и нашей Отечественной.

И вот мы на широкой современной улице, оглашаемой криками ребят в пионерских галстуках, стоим и смотрим в провал. Дом, стоявший на этом месте, мертв. Обнаженное тоскливое нутро да неровная кладка стен, срезанных взрывной волной. Над ними, на постаменте, женщина держит мертвого ребенка.

— Я проснулся, вокруг грохот, пламя, рушатся стены, душит едкий дым,— свидетельствует Ханг Ван Зунг, житель улицы Хамтьен, работавший до пенсии в локомотивном депо.— Темнота. Я запомнил: часовые стрелки показывали 22 часа 30 минут. Американцы умели выбирать время для внезапных бомбежек населения. Б-52 волнами шли на Ханой. Кажется, их задачей было уничтожение центра, а они сбросили груз южнее. Если бы попали точно — погибла бы красавица Хюэ, а так разбомбили улицу Смотрящих в небо. Здесь жили по традиции астрономы.

Так исчезла целая улица и многие прилегающие кварталы. Поэтому здесь все дома новые.

У подножия застывшей в отчаянии матери распускался большой красно-желтый цветок.

Дорога на юг

Мы выезжаем из Ханоя ясным утром, когда улицы забиты тысячами велосипедистов, спешащих на заводы и в институты. Трамвайным линиям и автобусам не под силу обслужить разросшееся население. Наша «Волга» идет рывками, словно норовистый мустанг, в потоке велосипедистов. Не спеша они ловко лавируют, иногда отталкиваясь от машины, словно эквилибристы. Искусство ханойского велосипедиста выше всяких похвал.

Наконец, последний рывок, и машина выбирается из города, огибая, как призрак прошлого, французский дот. Мы на дороге номер 1 — национальной гордости вьетнамцев, важнейшей артерии страны. Рядом с шоссе бежит железнодорожная линия.

Под колеса «Волги» убегает асфальтовая дорога.

— Она была вся в воронках,— поясняет Ву Суан Хонг.— Какие только бомбы не падали на наши головы: фугасные, «напалмовые», фосфорные, с телекамерами, управляемыми лазерным лучом. Особенно запомнились мне «шариковые» бомбы. У нас их прозвали «ананасы». Из контейнеров бомбы-«матери» вываливались сотни гранат, которые при взрыве разбрасывали вокруг тысячи металлических шариков. (А позднее — пластмассовых, чтобы хирурги не обнаружили их в теле.)

Хонг задирает штанину и показывает шрамы:

— Шарика три засело где-то в ноге...

Велосипедисты на улицах Ханоя

Мост Тханлонг

Рядом с нами пыхтит паровозик, тянет несколько вагончиков, набитых людьми и имуществом. Американцы хотели отрезать Север от Юга: разрушили дорогу номер 1.

— Видите, по главной дороге везут станки, товары, продукты. Все восстановлено. Сейчас въезжаем на наш самый большой мост Лонгбьен — «Крепость дракона»,— показывает Хонг на ажурное сооружение длиной около двух километров, уходящее на другой берег реки Красной.— А дальше — мост Тханлонг, названный именем древней столицы Вьетнама.

За стеклами машины, впритирку к нам, по пешеходной дорожке проплывают спокойные, дружелюбные лица рабочих. Строители укрепляют насыпь, прокладывают запасные пути.

«Волга» стоит у переправы, ждет своей очереди. Рядом — бригада девушек; белые блузки навыпуск, свободные брюки, остроконечные шляпы из пальмовой соломки. Удобная эта шляпа «нон»! Она прикрывает лицо от обжигающего солнца, в ливень вода скатывается по ее конусу, шляпа широкая, защищает даже плечи. Вот одна из девушек присела на корточки, разложила в шляпе бананы, ест, беспечно болтая с подружкой. После обеда можно зачерпнуть ею воды и напиться. Вьетнамские друзья подарили мне шляпу с широкой розовой лентой, которую девушки кокетливо надевают на подбородок, сделанную в провинции Хюэ. Она такая прозрачная, что, когда девушка закрывается ею от смущения, все равно виден румянец на ее лице.

Мой вьетнамский знакомый Вьет, окончивший Политехнический институт, воевавший, поработавший на фабрике, словом, человек с солидным жизненным опытом, очень уважительно и трогательно говорил мне о стойкости, верности, трудолюбии вьетнамских женщин. Прогуливаясь со мной, он показывал, как женщины, вытянувшись цепочками друг за другом, таскают землю на дамбу.

Женщины переносят груз, циновки, траву, уток или рыбу на специальной

Рис — главное богатство страны

Обмолот риса

упругой палке-коромысле с подвешенными плетеными круглыми чашами-корзинами. Называется это сооружение «куанг гань». Как бы ни была тяжела ноша, девушка идет, словно балерина, в своеобразном танцевальном ритме. Так, вероятно, удобнее таскать груз на большие расстояния, пружиня в такт коромыслу. С «куанг ганем» приходится идти десятки километров под палящим солнцем, от деревни к деревне, подчас босиком.

Когда подправляют дамбы, чистят водоемы, приходится копать землю в жиже выше колен. Поэтому штаны закатывают и надевают на ноги нечто вроде высоких, до бедер, полотняных чулок. Воду вычерпывают вдвоем плетеным ведром, к которому по бокам привязана веревка. Если работает один, то плетенка с длинной ручкой подвязывается на веревках к кольям, составленным «козлом».

Женщины с утра до вечера трудятся на поле. Поэтому для вьетнамцев дух, душа риса, главного продукта, девушка Тхан Люа — покровительница урожая. Вся жизнь земледельца связана с землей, не случайно в некоторых деревнях могилы предков делают в центре рисового поля. Мы ехали полевой дорогой, когда встретили похоронную процессию. Покойная была в преклонном возрасте, только смерть оторвала ее от крестьянской работы. Односельчане, родственники шли за гробом в белых траурных повязках на головах, белых накидках-капюшонах. Звучала музыка, барабаны. Впереди процессии несли в чашах рис, бананы, ананасы. Плоды земли, которые выращивала женщина всю жизнь.

На дороге нам встретились девушки в зеленой военной форме, в пробковых шлемах со звездой (кстати, эта благородная одежда, овеянная подвигами, удобна, прочна и в моде у вьетнамцев). Еще чаще девушки были в домотканой крестьянской одежде, окрашенной синей и коричневой растительными красками. Любая одежда красит их, девушки неизменно опрятны и изящны. Любую работу они делают ловко, экономно тратя силы, скупыми движениями, но красиво. Они

кротки и приветливы. Грация у вьетнамцев прирожденная, особенно видно это в танце; запомнилась танцевавшая на эстраде тоненькая большеглазая девушка в длинном национальном халате с разрезами — «ао зай», гладко причесанная, с алой лентой в руке.

Влюбленные ведут себя сдержанно, не обнаруживая своих чувств. Девушка, сидя на багажнике велосипеда, не держится за кавалера, искусно сохраняя равновесие. Когда двое идут по аллее, то их пальцы едва соприкасаются.

...После переправы, где девушки-строители, словно танцуя, тащили тяжелые коромысла, нас задержало лишь стадо буйволов, неслышно шествующих по дороге в облаке пыли. Темно-серые, дымчатые, розовые, они степенно шли, задумчиво поводя головами с серповидными рогами. Сзади, верхом на буйволе, ехал мальчишка, закинув назад босые пятки, он дергал правой рукой веревку, пропущенную через ноздри животного,— управлял. Буйволы не торопились. У них был степенный и независимый вид.

Хонг не выдержал, выпрыгнул из машины и очистил середину дороги. Поехали дальше. По стеклу ударила капля, другая. Хлынул дождь, потом ливень. Поток воды бил, как из брандспойта, в упор по ветровому стеклу. Мы двигались в сплошной молочной мгле. Вода клубилась по асфальту дороги. За десяток метров ничего нельзя было разглядеть. Стихло все внезапно, как и началось. Засверкали, как лакированные, листья пальм, бананов. После духоты легко дышалось, воздух стал промытым, чистым, прохладным.

Затерянный мир

Незаметно кончились светло-зеленые пятна рисовых участков, вдоль полевой дороги закудрявились кукуруза и батат. Машина выехала на широкое пространство долины. У горизонта, увеличиваясь и множась, появились странные холмы. Они возникли неожиданно на ровном как стол плато.

...Мы оказались в прекрасной и таинственной стране Кук Фуонг, первом государственном заповеднике Вьетнама. Дорога вьется у подножия холмов, густо заросших внизу кустарником, сменяемым стеной деревьев, увитых лианами. Мелькают рощицы бамбука от зеленых до нежно-голубых тонов. Такой голубой бамбук я впервые вижу во Вьетнаме. За веерами пальмовых листьев виднеется цементная глыба слона, лениво шевелящего ушами. Из вольеров выглядывают пятнистые олени, медведи самых различных пород, дикобразы.

Когда машина останавливается и шофер выключает мотор, охватывает спокойствие мирного летнего дня. Воздух напоен пряными ароматами тропических цветов. Теплый свет заливает курчавые холмы, тихую дорогу у их подножия; пронизывая плотную зелень листвы, дробятся солнечные лучи. Вокруг свист, щебет, курлыканье странных ярких птиц.

Нас приглашают в небольшой изящный павильон к накрытому чайному столику.

— Угощайтесь, чай выращен нашими сотрудниками,— радушно улыбается директор заповедника Чинь Дин Тхань, наливая в прозрачные чашечки душистый зеленый чай.

У клумбы, с излишней щедростью вышитой разноцветной нитью растений, замечаю покореженный сигарообразный снаряд.

— Что это?

— Запасной бензобак с американского самолета — оставили на память. Если бы не ребята из отряда противовоздушной обороны, заповеднику пришлось бы туго. Самолеты не раз выискивали тут свои цели. Неисчислимый вред причиняют войны природе. Ведь американцы и сюда могли кинуть «оранжевую» отраву. То, что они сделали в Южном Вьетнаме. Там «химической обработке» непрерывно подвергались все провинции. Было поражено около половины посевной и лесистой площади. Тропические леса, где росли сотни растений, остались без лиственного покрова, с мертвыми, высохшими деревьями. Во многих районах, проезжая десятки километров, нельзя было увидеть ни одного живого деревца, исчезли птицы, даже насекомых трудно было найти.

Директор заповедника замолкает. Перед моими глазами встают фотографии, увиденные в Ханое, вспоминается рассказанное вьетнамскими учеными. Легкая дымка задергивает солнечный день, тускнеет сочная зелень и яркость цветов...

Только в центре Чунгбо за весну и лето 1970 года самолеты С-130 и С-123 регулярно опрыскивали химикатами десятки километров. Жителей, выбегавших на спасение урожая, атаковывали фугасными и шариковыми бомбами. В результате 70 тысяч гектаров рисовых полей и фруктовых садов во многих провинциях были опустошены и 12 тысяч жителей отравлены. Дефолианты полностью отнимали у четырехъярусного леса лиственные слои двух верхних ярусов, сильно страдали кустарники нижних ярусов. Листья некоторых растений чернели на солнце, становились опасными для животных, у других быстро опадали, не изменяя цвета и формы, у третьих желтели, казались сожженными.

В районах, пораженных химикатами, исчезло большинство животных. Пчелы, рыбы, лягушки и змеи были уничтожены.

Хуже всего пришлось сельскому хозяйству. «Синий» дефолиант вызывал у растений потерю хлорофилла, а затем и поломку стволов. От «оранжевого» химиката рис в период образования побегов высыхал и полегал, а в период опыления саженец чах, нижняя часть ствола разбухала, пестик выпадал из оболочки. У маниока и батата сгибался, сох ствол, гнили клубни. Банановые деревья начинали расщепляться, становились ломкими, сами бананы чернели. Чахли хлебные деревья. У кокосовых пальм опадали орехи, даже зеленые, мякоть плода становилась дряблой, сок — горьким.

— Мы не представляем еще ясно, какие последствия вызовет химическая война,— говорит Тхань,— вся эта пышная растительность вокруг нас могла бы погибнуть. Уничтожение ее влияет на состав почвы, увеличивается ее кислотность, эрозия, уменьшается плодородие. Меняется даже климат. Наука до сих пор не может сказать, как глубоки и необратимы последствия «химических обработок»...

Директор заповедника Чинь Дин Тхань, оказывается, после окончания лесного института в Ханое учился и готовил кандидатскую диссертацию по семейству миртовых у доктора биологических наук Федора Семеновича Филипенко в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). Мы, два ленинградца, вспоминаем такой далекий отсюда, ставший родным Тханю красавец город, ученых из ВИРа и снова возвращаемся в Кук Фуонг.

— Не правда ли, необычно: долина и вдруг горы, а на камне — многоярусный лес?! Этот участок вьетнамские ученые выделили в провинции Ханамнинь. Решением нашего правительства под заповедник отведено 25 тысяч гектаров. Очень ценный участок, интереснейшая здесь флора и фауна для

биологов. Стоит назвать лишь несколько цифр: в заповеднике 2 тысячи видов растений, около 68 видов животных, 144 вида птиц, 36 видов пресмыкающихся, около 7 тысяч различных представителей насекомых. Маловато только сотрудников, а проблем масса. Прежде всего, конечно, охрана, а также исследования животного и растительного мира на территории заповедника. Изучение редких пород деревьев, пересадка их на другие участки. Получение смешанной породы животных. Да и сама загадка столь пышной растительности на голом известняке очень интересна. Одна из вероятных причин — микроклимат: большая влажность, среднегодовая температура 20—22°С. Благоприятный климат для растений и животных. Но лучше посмотрите все сами, вас проведет биолог Ле Дык Зан.

По узкой тропинке мы спускаемся на лесную дорогу. Джунгли совсем подступают к обочинам. Земля заросла травой, упруго пружинит под ногами. Знаешь, что приезжали сюда русские, кубинские, чешские ученые, но кажется, что идешь ты одним из первых по этой девственной земле, неудержимо рвущейся к солнцу зеленым пламенем трав и ветвей, щедро наделенной самыми яркими красками. Солнце пригрело после дождя сонм бабочек на дороге. Темно-коричневые с желтыми крапинками и бордово-бархатистые, с удивительно контрастными, гармоничными верхними и нижними крылышками, ярко окрашенные, они усыпали все впереди, как листья в осенний листопад.

Вдруг я заметил, как на склоне мелькнуло что-то коричневое. Скользя между деревьями со спускающимися лианами и колючками кустов, двигался старик в свободной куртке из домотканой материи. Он бесшумно ступал в мягкой самодельной обуви, что-то разглядывая под ногами. Скуластое лицо украшала реденькая бороденка. Внутри у меня замерло, и, словно мальчишка, встретивший наяву Дерсу Узала, я зачарованно поворачивал за ним голову, пока сухая, легкая фигура не мелькнула в последний раз.

Старик был весь в своем деле, настолько ушедший в свое неведомое нам следопытство, что неловко было бы прерывать его путь для разговора.

— Что у него за спиной? Лук? — спросил я у Ле Дык Зана.

— Арбалет и колчан со стрелами. Пожалуй, одни старики теперь умеют с ним обращаться. Это большое искусство. Только опытный охотник может оттянуть тетиву из жилистой лианы, зацепить за наводящую планку и положить стрелу. Защелкивается спуск, и ты готов ко встрече с любым зверем. Арбалет — серьезное оружие. Его использовали во время войны. Рассказывают, что один местный охотник сбил самолет, попав в глаз летчику,— улыбается Зан,— во всяком случае, стрела из арбалета пробивает череп слону.

— Старик живет в заповеднике?

— Да, здесь есть давнишнее поселение.

— Чье? Кинь, таи?

— Мыонги[1], они недалеко живут, мы мимо пойдем. Старик, наверное, направлялся к дому. Правильно, что он не расстается со своим испытанным арбалетом. В этих джунглях небезопасно.

Зан, показывая на дорогу, рассказывает, как встречал здесь бегающих диких кур, а его товарищи поймали двадцатикилограммового питона, переваривавше-

---

[1] *Кинь* — основная народность Вьетнама, составляющая свыше 80% всего населения; *таи* — вторая по численности народность, а *мыонги* — третья. Всего в стране 60 национальностей.

го на солнышке заглоченную добычу. Наш соотечественник сильно удивился, столкнувшись нос к носу с парой волков. А одно время, не обращая внимания на автомобили, у дороги лакомился плодами медведь. Подчас звери выходят за пределы заповедника. Тигры убивают коров, волки нападают на телят. Нагуляются, наедятся досыта и дня через два-три возвращаются обратно в джунгли.

— Крестьянам в дни сбора урожая нелегко приходится,— Зан машет в сторону домов, выглядывающих из-за пальм, к которым мы приближаемся.— Надо трудиться и одновременно отгонять животных, которые с жадностью набрасываются на все съестное: кукурузу, бананы, фасоль, орехи.

Мы входим в селение мыонгов, расположенное по обе стороны дороги. Посевы обнесены оградой из бамбуковых стволов. Дома стоят на украшенных резьбой деревянных сваях, чтобы не затопило в период дождей. Крыши островерхие, крытые рисовой соломой или пальмовой дранкой.

Здороваемся с одним из трехсот обитателей деревни, Дин Кон Тханом, работающим в лесном контроле. Заглядываем в чисто прибранный дом, устланный циновками. У крыльца замерла худенькая девочка, которая неотрывно смотрит на нас, пока мы не уходим.

...Когда входишь в лес, то попадаешь из солнечного дня во влажный зеленый полумрак. Поднимаемся по довольно крутому склону. Начинаются скалы. Если внизу трехъярусный лес не пропускает лучей, то по мере подъема становится светлее, и вот уже солнечные пятна заиграли на влажной зелени листьев. Плиты из известняка прочно держат ногу. Прямо из них вздымаются высоченные деревья. Я вижу под ногами крупный черный шарик, поднимаю — жук. Когда нагибался, разглядел, как корни кустарника, раздвигая камень, уходят вниз, ползут в щели. И снова подумал о загадке джунглей на скалах. Встретившись потом в Ханое с геологом Петром Ивановичем Дворецким, я рассказал ему о заповеднике Кук Фуонг.

— Пожалуй, здесь можно найти объяснение,— сказал он.— Заповедник находится в провинции Ханамнинь, на границе провинции Хаобинь, то есть в районе Ханойского прогиба. Основанием Ханойской впадины служат известняки, так как возникла она на грани стыка двух больших разновозрастных платформ. Одна платформа пошла в результате стыка вниз, другая — вверх. Так образовались крутые горы. Их резкие формы, схожие с копнами сена, и поразили вас. Известняки подвергались вторичному изменению: выветриванию, окислению, воздействию почвенных вод. Особенно это заметно в зоне интенсивного водообмена в тропическом климате. Продукты выветривания превращаются в почву, благоприятную для развития растений. Поэтому на «голых» скалах буйно произрастает пышная растительность. И конечно, сыграл свою роль микроклимат этих мест, о котором говорил директор заповедника.

...Тропа, попетляв по лесу, привела нас к голым скалам, где Зан гостеприимным жестом хозяина пригласил к довольно широкому отверстию: «Входите!» Мы оказались в просторной пещере.

— Вьетнамские археологи (они и сейчас работают в заповеднике, занимаются раскопками древних стоянок человека) обнаружили эту пещеру в 70-е годы. Посмотрите на три углубления внизу. Это захоронения. По костям установили, что человек жил здесь примерно 10 тысяч лет назад. У него была большая голова, развитые челюсти, сильно выдвинутые вперед, сильные руки, намного длиннее коротких ног...

Зан берет с уступа смоляной факел, и трепетный свет освещает следующую пещеру. Их здесь три. Высота самой дальней — 22 метра.

Я замечаю на полу правильный круг, вероятно, здесь стоял сосуд для воды. Рядом округлый камень с натеками сталактитов — «каменный цветок». У стены пещеры ведет наверх узкий лаз. Поднимаюсь метра на два. Ход в запасное помещение, идеальное укрытие.

В углу свешиваются причудливо изогнутые каменные полотнища. Зан выбивает рукой на этом естественном инструменте боевую призывную мелодию. Факел уплывает вперед, сдвигается чернильная глухая темнота, в которой под тысячелетними сводами отдаются рокочущие звуки.

Выныриваем из пещеры в теплый день. На срезе древнего ракушечника замерли в истоме яркие бабочки. Я поднимаю большую круглую раковину. Она лежала на ступенях, выбитых волнами моря, которое когда-то шумело у этих скал. А под ногами зеленый разлив джунглей, наполненных гомоном птиц.

Возвращенный меч

Лучше раз увидеть... Кто может спорить с народной мудростью! Правда, лучше не только все увидеть своими глазами, но еще иногда и попробовать на вкус. Не зная, чем отметить мой день рождения, меня угостили изысканным блюдом. Пока я с удовольствием обгладывал ножки вроде бы какой-то птички, появился сопровождающий Ву Суан Хонг, действительно свежий и ослепительный, как роза под весенним дождем (что и значило в переводе его имя), с ярчайшим букетом гладиолусов и гвоздик.

— Вкусно?

— Пальчики проглотишь,— ответил я, жуя нежное, слегка сладковатое мясо.

— Ножка, самая лакомая часть лягушки,— с видом гурмана поддакнул Хонг,— эту откормили, пожалуй, до килограмма.

Наступившую немую сцену разрушил журналист Тыа Лыонг, улыбаясь, он водрузил мне на голову соломенную вьетнамскую шляпу. Обмениваясь шутками, вышли мы из гостиницы «Хаобинь», что значит «Мир», на оживленные улицы, прошли мимо открытого столичного ГУМа и оказались на берегу озера Возвращенного меча, любимого места прогулок ханойцев. Хонг обернулся к нам.

— Вы знаете, почему так называется озеро? Нет. Тогда послушайте легенду. Эти события произошли в те времена, когда феодалы китайской династии Мин вторглись с севера в наши земли. Вьетнамский народ поднялся против захватчиков. Крестьянское восстание возглавил Ле Лой. Захватчики были лучше вооружены, войско Ле Лоя терпело поражения.

Когда крестьянская армия отошла в горы и встала на отдых, в один из вечеров в лагерь пробрался бедно одетый вьетнамец. Его отвели к шатру, где, одолеваемые мрачными думами, сидели вокруг Ле Лоя военачальники.

— Ле Лой! Я простой рыбак и каждый день ловил на своем озере рыбу. Но вчера сеть зацепила что-то тяжелое, и я еле подтянул ее к лодке.

Тогда на поверхность всплыла громадная черепаха, держа в зубах меч. Вот он, этот меч! Сокрушай, Ле Лой, врагов нашей земли,— рыбак выхватил из лохмотьев молнией сверкнувший меч и с поклоном вручил его вождю.

Ле Лой разбил полчища китайских захватчиков, прогнал их с вьетнамской

Пагода на озере Возвращенного меча

земли и стал правителем. В честь великой победы он устроил гулянье на том озере, где жила черепаха.

— Посмотрите на другой берег,— показал рукой Хонг,— там стоят синяя и желтая лодки. На таких лодках Ле Лой с приближенными выплыл на середину озера. Вдруг перед носом лодки появилась старая черепаха и сказала:

— Тебе, Ле Лой, был послан меч, чтобы разгромить врага. Твой долг выполнен, ты победил. Меч этот страшен только захватчикам. Верни мне его.

Меч описал над водой полукруг, черепаха схватила его в пасть и погрузилась

в пучину, в руках же Ле Лоя оказались мандариновые и персиковые деревца.

Когда эти карликовые деревца, все в бело-розовых цветах и маленьких, как шарики, плодах, стоят во вьетнамском доме, значит, здесь покой, радость, мир...

Молча мы стоим у зеркальной глади озера Возвращенного меча, отражающей разноцветные лодки, деревья в гирляндах лампочек, пестрые квадраты древних хвостатых знамен, поднимавших народ в бой за родину.

В центре озера, где всплыла черепаха, насыпан остров. Он весь занят миниатюрной пагодой с затейливыми оконцами, балкончиками, с традиционно загнутыми вверх углами крыши. Пагода черепахи — символ Ханоя.

В жаркие дни на островок вылезают огромные черепахи и нежатся под лучами солнца. По берегам толпятся ребятишки с мамами и во все глаза ищут Волшебную черепаху. Ханойцы уверены, что эта черепаха все еще плавает в глубинах озера. С подобными черепахами в тот день нам предстояла не одна встреча... Перейдя с берега по горбатому мостику на небольшой остров, мы оказались под кронами магнолий и деревьев с длинными болтающимися вдоль ствола воздушными корнями. Здесь стояла Пагода знаменитых людей. На ее стене было барельефное изображение черепахи, несущей на панцире меч. Из солнечного дня мы спустились по ступенькам в полутьму пагоды. Колеблющееся пламя керосиновых ламп бросало неровные блики на отсвечивающие бронзой раскрашенные фигуры мудрецов, врачевателей и великих полководцев. Со скрипом отворилась металлическая решетка в верхнюю, молитвенную комнату, куда обычно любопытствующих не допускают. В воздухе, пропитанном запахами ладана и кипариса, у застывших статуй божеств, на алтаре лежали восковые фрукты, горели свечи.

А в соседнем доме, в просторной комнате, нас ждала гигантская черепаха из озера. Чучело черепахи под стеклом было длиной 2 метра 10 сантиметров, шириной 1 метр 20 сантиметров. Поймали ее в 1968 году, и жила она, как считают ученые, 400—500 лет, что вполне соответствует эпохе восстания Ле Лоя.

Уже не с одной, а с двумя бронзовыми черепахами, на панцирях которых стояло по аисту[1], мы встретились в знаменитом Литературном музее, образованном как Государственная королевская школа еще в 1070 году. Здесь учились и преподавали выдающиеся люди Вьетнама. Мы проходим через ворота Нравственности, затем Таланта и останавливаемся у колодца Небесного цвета, на берегу которого стоят каменные доски, опирающиеся также на черепах. На них выбиты биографии великих литераторов. Прочитав вместе с одиноким буддийским монахом, одетым во все коричневое, от сандалий до круглой шапочки, мудрую надпись: «В нашей жизни солнце и луна вечно светят», мы, обогнув здание Главного дворца, выходим на просторную площадку, где разворачивается народное гулянье. На помостах ставятся декорации, идет стрельба в тире, проводятся игры с завязанными глазами, в силовых аттракционах показывают свою удаль богатыри.

У стены толпятся заядлые болельщики. Толпа довольно плотная; но так как я немножко повыше вьетнамцев, то вижу двух крупных петухов, кружащих друг

[1] Аист почитался во Вьетнаме с очень давних времен. Летящие в солнечных лучах аисты изображены на бронзовом барабане, найденном в окрестностях столицы, возраст которого около 4 тысяч лет. Хранится он в Историческом музее в Ханое.

около друга. Один с жилистой шеей, другой на вид побольше, с плотным оперением. Подпрыгивая, иногда взмахивая крыльями, они норовят клюнуть друг друга в голову, ухватить за гребень, кожу шеи. Щипки эти не безобидные, так как кожа на шее петуха с каждой минутой багровеет. Еще хорошо, что на ноги им не надевают металлические шипы, как во Франции. Бой заканчивается вничью. Владельцы массируют своим подопечным горло, льют на голову воду, суют в клюв траву. Рефери, глядя в список, вызывает следующую пару.

— Раньше это было забавой лишь сановников, богатых,— говорит Лыонг на обратном пути,— сейчас этим занимаются многие любители. Петушиные бои устраиваются в праздники, придают им больше веселья...

Вид на озеро Возвращенного меча

Праздничный стол в гостинице накрыт по-вьетнамски. Рядом с моей чашкой две традиционные палочки. Старательно держа их в одной руке, между указательным и средним пальцами и помогая большим, беру ими жареную фасоль, кусочки рыбы, телятины. Фарфоровой ложечкой в форме детской лопатки зачерпываю соус ныокмам, поливаю еду в чашке. Особенно вкусны национальные крохотные блинчики. Придвигаю чашку с бульоном, где плавают стебли ароматной травы, кладу немного риса из большого блюда. Идет неторопливый разговор.

Молодые вьетнамцы прекрасно знают историю, обычаи страны. То был час легенд. Звучат легенды о бетеле, о буйволе, о рыбе, превратившейся в дракона.

— Действительно, лучше один раз увидеть... Тот же дракон — символ совершенства, силы, победы — Западом воспринимается как страшное чудовище, плод экзотической фантазии таинственного Востока. А все просто. Вы видели туман на полях? — обращается Хонг.

На самом деле, так ли страшен дракон? Клубится ли туман над посевами риса, ползет, огибая банановые деревья. Плывут ли низко тучи, проливаясь благодатным дождем. Смерчами крутится, слепя, ливень. Набегает, шипя, на песок волна. Разве это не могучий дракон, приносящий плодородие земле. Это совсем мирное животное, если вглядеться получше, с мордой и лапами ящерицы геккона (стража вьетнамского дома) и плавниками рыбы тьеп.

Древнее название столицы Вьетнама — Тханлонг, что значит Летящий, Поднимающийся дракон. Здесь впервые увидели его взлетающим с реки Красной, несомого ветром с гор навстречу непрошеным захватчикам. Наведя страх на врагов, разбив их полчища, дракон опустился и лег в зеленую воду Тонкинского залива, вечным стражем своей страны. Место это назвали Халонг — Опускающийся дракон. До сих пор торчит его гребень рифами в изумрудном заливе Халонг.

Поздним вечером мы двигались по ханойским улицам вместе с гуляющими толпами оживленных людей. Вокруг озера Возвращенного меча шли праздничные шествия юношей в ярких национальных одеждах: в красных шелковых рубахах, подпоясанных желтыми кушаками, в брюках желтого цвета, заправленных в мягкие сапоги. Рядом шли девушки в длинных платьях. Впереди бухали барабаны, а над колонной плыли драконы с громадными красными головами, длинными пестрыми туловищами. Внезапно они воинственно качали зубастыми пастями. Неожиданно под ритм музыки пускались в пляс, свивались в клубки, вращались, желая взлететь в небо. Это были защитники страны и покровители земли, несущие ей плодородие.

Рано утром мы вышли к озеру Возвращенного меча. На поднятых высоко щитах вывешивали фамилии избранных в Национальное собрание. Отовсюду были видны контуры Вьетнама. Из Ханоя, в орнаменте колосьев и зубчатых шестеренок, расходились солнечные лучи.

Люди подъезжали на велосипедах, слезали, подходили к щитам, останавливались женщины, несущие фрукты и овощи.

Тихое озеро Возвращенного меча лежало в чистом свете утреннего солнца.

Алжир
Сахарская роза

Бадистан — рынок рабов

Под утро зашуршал дождь, совсем как у нас в Подмосковье. На крохотный балкончик вначале летели брызги от тихо сеющей мороси. Потом рванул шквальный ветер. Над землей пронесся стремительный косой ливень, а через мгновение хлынули толстые, как из шланга, струи. Под напором грозы гнулись кипарисы, бились на ветру ветви акаций.

Разразился настоящий неистовый африканский дождь. Такие ливни размывают дороги, выносят по рекам к морю вырванные с корнем деревья. В считанные минуты на севере Алжира, бывает, выпадает месячная норма осадков, после чего может наступить засуха или пронестись обжигающее дыхание Сахары — сирокко.

Внезапно дождь стих, и тут же с ближайшего минарета поплыл тягучий голос муэдзина. Усиленный динамиками, он с монотонной настойчивостью призывал верующих поспешить в мечеть. Значит, уже около пяти часов. Пора собираться — наступило первое утро в Алжире.

...Вчера я уже мельком видел столицу. Дорога от аэропорта вилась по холмам, и с каждым поворотом и новым подъемом все шире открывалась

Алжир. С холмов столицы виден собор Нотр-Дам-д' Африк, построенный в конце прошлого века на «медные деньги» вдов и сирот моряков, погибших во время кораблекрушений

панорама города Алжира, раскинувшегося на высоких склонах. Вот уже зеленые пригороды, фабричные здания и элеваторы не заслоняют белоснежного города: кубики-дома, малые и большие, рассыпаны по зеленым террасам крутых прибрежных холмов. Этот гигантский амфитеатр спускается к бухте поразительной синевы — там, словно игрушечные, замерли суда со всех стран мира.

Подобно двум маякам, как яркие мазки на картине, виднеются два сооружения — их замечают издалека все, кто прибывает в Алжир морем. На западной окраине, на самом берегу, высится собор Богоматери Африканской, Нотр-Дам-д'Африк. А на востоке врезается в небосклон серыми лепестками, вырастающими из пышной зелени Ботанического сада, монумент «Панорама Алжира» — памятник героям, павшим за национальное освобождение страны от колониального гнета. Но, пожалуй, самое впечатляющее в столице — это Касба.

Откуда ни смотришь на город, в глаза бросается плотно застроенный треугольник в его центральной части. Это кварталы средневековой Касбы, что означает «крепость».

В Касбу я и направился ранним утром. Мы не спеша ехали вдоль особняков, прятавшихся за пальмами и кипарисами; витые решетки балконов выглядывали

из зарослей розовых бугенвиллей. Здесь, в районе Эль-Биар, в 1830 году, в единственном арабском доме, не занятом французскими войсками, была подписана капитуляция Алжира. Арабские здания в центре города, где размещались высшие чиновники французской администрации, сохранились. Но, как правило, памятники арабской культуры погибали под натиском колониальной застройки: буржуа-колонизаторы лихорадочно возводили на их месте торговые дома, гостиницы, магазины с моделями туалетов «прямо из Парижа». В таких туалетах дамы важных чиновников и офицеров съезжались на балы генерал-губернатора, проживавшего в районе Верхнего Мустафы в загородном дворце. Конечно, и этот мавританский дворец, резиденция последнего дея — пожизненного верховного правителя Алжира — был переделан по вкусу его превосходительства. А арабы если и появлялись там, то были не очень-то желанными гостями.

Памятник героям, павшим за свободу Алжира. Три части памятника, как три пальмовых листа, символизируют единство тех, кто принимал участие в борьбе с колонизаторами

Чем ближе к Касбе, тем у́же улицы, плотнее поток машин. Тарахтенье моторов, сливающееся в сплошной рев, неистовые звуки клаксонов, неожиданные заторы... Несмотря на лихость местных шоферов, двигаемся медленно. Сюда бы регулировщика, но работников алжирской ГАИ явно не хватает, как и подземных переходов. Острые ситуации возникают постоянно, недаром в битком набитых автобусах предупреждающие надписи: «Мощные тормоза — держитесь за поручни!»

Транспорт — одна из проблем столицы. Мэр Алжира рассказывал в прессе о введении новой схемы движения, о строительстве объездных путей и дорожных развязок, об увеличении числа автобусов. Но он прав: простое увеличение автобусов на маршрутах — не выход для Касбы.

И действительно, в этих узких переулках на машинах особенно не разъедешься. Даже моторизованные патрули колонизаторов без крайней нужды там не появлялись. Здесь жили только коренные алжирцы, бережно сохраняя национальные традиции, дух свободолюбия и независимости. Касба стала цитаделью борьбы в период национально-освободительной войны против французского господства.

...Минуем черные стены турецкой крепости и входим в Касбу. Проулки завиваются в неожиданные повороты, ступеньки (кстати, лестница к Касбе

насчитывала 300 ступеней), тупики...— ничего не стоит заблудиться. На более широких улочках — тут прохожим есть хотя бы где разминуться — пристроились в нишах и подвалах лавочки и магазинчики с разнообразными товарами на витринах и прилавках. Чем только не торгуют: груды овощей и фруктов; висят на крючьях прямо над тротуарами ободранные бараньи туши; ковры, покрывала, рулоны пестрых материй грудами лежат в глубине магазинов.

Касба — это целый город-крепость, старинные здания и мечети которой воплощают в себе расцвет арабской архитектуры. К резиденции бывшего правителя страны (дея) здесь примыкал комплекс зданий, предназначенных для его гарема и министров, склады пороха и оружия.

Подробное описание дворца алжирского дея оставил известный русский путешественник, географ и геолог Петр Александрович Чихачев, посетивший Алжир в 1877—1878 годах. Рисуя красоты двухэтажных покоев дея, Чихачев упоминает беседку на деревянной галерее. В этой беседке в 1827 году был нанесен знаменитый «удар веером». Во время аудиенции французский консул держался вызывающе, вспыльчивый дей был скор на руку, и... И данное происшествие послужило Франции поводом объявить военно-морскую блокаду берегов Алжира, а тремя годами позже начать колонизацию страны.

Отдавая дань витым колоннам, стрельчатым сводам, мозаике и майолике дворца, Чихачев не мог не упомянуть о тех, чьими руками делались эти чудеса архитектуры и искусства, об участи подданных и пленников правителя Алжира.

«Карцеры, в которых содержались лица, осужденные трибуналами или заключенные по приказу дея, представляют собой отвратительные пещеры, каменные стены которых пропитаны ужасной сыростью». Пленных христиан приковывали цепями в камерах. Одних, не многих, выкупали, других продавали в рабство. Долгое время за счет выкупов, за счет продажи людей и награбленного добра жило «корсарское» государство, основанное в XVI веке «братьями-пиратами» Барберуссами, которых призвали алжирцы для борьбы с захватническими устремлениями испанских королей. Затем один из братьев — Хайр ад-Дин — обратился за высоким покровительством к константинопольскому султану и стал его капудан-пашой и бейлербеем.

С просторной эспланады личных покоев дея открывается вид на белоснежную пирамиду Касбы, на площадь в ее нижней части, называвшуюся в прежние времена Бадистаном. Здесь и был рынок рабов, куда пригнали с корсарского корабля, пожалуй, самого знаменитого пленника алжирского дея. Храбрый однорукий солдат стал известен потом как писатель Мигель де Сервантес Сааведра, гениальный автор «Дон Кихота». Дону Мигелю кинули грубую одежду и красную шапочку раба и отвели в ближайшую «баньо» — тюрьму, где влачили самое жалкое существование пленники, прикованные цепями в нишах...

Чтобы попасть к рынку рабов, выхожу на старую торговую улицу Баб-Азун. В самом начале ее ступенчатый проулок. Дальше глухие стены домов все больше сближаются... Прошел, шелестя накидкой, одинокий старик, прошмыгнула от фонтанчика в стенной нише (Касба всегда хорошо снабжалась водой) девочка в шальварах. Верхние этажи с редкими окнами, наглухо затворенными, нависают, почти смыкаясь, над головой. Наконец, исчез кусочек голубого неба. Тишина. Возможно, эти древние камни помнят, как стучали по ним грубые башмаки раба дона Мигеля, как позванивала короткая цепь на ноге, когда он

шел к пленникам, нуждавшимся в его помощи. Присев — не на этих ли ступеньках? — дон Мигель писал письма на родину, откуда несчастные долгие годы ждали выкупа, освобождающего из неволи...

За глухими стенами чудятся шорохи. Это во внутренних чистых двориках, выстланных плиткой, иногда с фонтанчиком посередине, идет недоступная чужому взору жизнь: играют дети, возвращаются с покупками женщины, а на крышах отдыхают старики...

Сегодня по площади Мучеников, где некогда людей продавали в рабство, спешат по своим делам жители столицы

Шумная Баб-Азун проложена на месте римской дороги времен поселения Икозиума. Сейчас здесь лавки ремесленников, где вяжут, ткут, шьют, чеканят по металлу, изготовляют обувь и поясные ремни. Особенности ремесла, традиции и инструменты сохранились в Касбе с давних времен. У лавки, где желтым блеском сияют серьги и нагрудные украшения, сворачиваю на уютную площадь, посредине которой стоит белая мечеть, иногда называемая «мечетью рыбаков».

Это и есть бывший Бадистан, рынок рабов. Когда-то здесь, у одного из столиков для денежных расчетов, решалась судьба Сервантеса. Сейчас это место называется площадью Мучеников — в честь героев, павших в борьбе с колонизаторами за свободу Алжира.

Возле мечети, у скверика, за желтыми фанерными щитами с буквой «М», стучат отбойные молотки. Похоже на обозначение метро, как у нас, только буквы синего цвета. Это и на самом деле метро: одна из станций строится рядом с Касбой.

Много надежд в разрешении транспортных проблем города возлагается на строительство метро. Его линии свяжут центр с густонаселенными районами, пройдут под перенаселенной Касбой, в треугольнике которой спрессованы десятки тысяч человек.

В столице — население ее за последние десятилетия более чем удвоилось — остро стоит жилищный вопрос. На окраинах возникают новые районы, в зеленых массивах вырастают многоэтажные корпуса с детскими и спортивными площадками, намечается строительство городов-спутников. Они тоже ждут подземных линий.

Со строительством метро оживилась работа археологов: при выемке грунта попадается немало новых свидетельств долгой и бурной истории города.

Еще в IX веке до новой эры к здешним берегам приплывали на первых суденышках отличные мореходы — финикийцы. Город был под властью римлян, византийцев, арабов, подвергался набегам вандалов. Один из вождей берберского племени возвел на римских развалинах новый город, назвал его Эль-Джазаир. Вот как писал о нем Лев Африканский, магрибский географ и путешественник, живший в конце XV — начале XVI века:

«Джазаир» означает «острова». Город назван так потому, что он расположен

по соседству с островами Мальорка, Менорка и Ивиса, но испанцы называют его Алжир. Это древний город, построенный африканским народом по имени мазганна. Вот почему у древних он назывался Мазганна. Он очень велик и насчитывает около 4 тысяч очагов. Его стены красивы и необычайно прочны. Они построены из крупных камней. В городе красивые дома и удобно устроенные базары, где для каждого ремесла отведено особое место».

Есть еще другая версия происхождения названия столицы. По этой легенде город получил название от берберского племени джазаир-банимезгана, владевшего некогда богатой прибрежной территорией. Холмы Алжирского сахеля и равнина Митиджа примыкают буквально к пригородам столицы, протянувшейся вдоль побережья более чем на два десятка километров.

В наши дни алжирцы снова вернули столице старое название, хотя во всем мире пишут привычное — «Алжир».

Современный порт столицы принимает суда со всех морей-океанов. За выступающим в море молом стояли танкеры. Я видел суда под флагами разных стран, у причала разгружалась отечественная «Башкирия». Жирафьи шеи портальных кранов переносили из трюмов оборудование для нефтепромыслов Сахары.

В алжирском порту разворачивался обычный рабочий день.

Серебряных дел мастера

По ущелью машина двигалась неторопливо, тормозя возле опасных осыпей и рытвин, образовавшихся после сильных дождей. Наш неунывающий шофер Елмехи Хадж остановился у стены кактусов. Пробравшись к растениям, Хадж обернул руку платком и сорвал несколько продолговатых оранжевых плодов, что торчали коротенькими пальчиками по краям колючей ладони листа. Конечно, с кактусом не стоит здороваться, но особо следует опасаться тончайших иголочек на самих плодах. Когда откручиваешь плод, легкие иглы от сотрясения взлетают, будто ими выстреливают из катапульт. Облачка этих крохотных стрел едва заметны в солнечных лучах. Они попадают на руки, лицо, вонзаются маленькими жалами в кожу, вызывая зуд. Но очень уж хороша на вкус сочная мякоть плода, пахнущая земляникой.

— Во-он там Бениани,— показывает Хадж на другую сторону ущелья, где высоко по склонам и на самой макушке горы рассыпаны кубики домов.

— Название идет от рода Бени, который построил здесь первые дома. С давних времен все семьи этой небольшой деревушки занимались ремеслом — деды, отцы, сыновья. При французах она была маленькая, захудалая, а теперь стала настоящим городом.

Вскоре в зелени деревьев заалели черепичные крыши. Домики в два-три этажа, разноцветные, но чем выше, тем строже их серо-желтая раскраска. Они лепятся на крутом склоне, будто цепляясь друг за друга, втискиваются в скалистые выемки, опираются на высокие каменные подпорки.

От маленькой площади, где стоит наш автобус, тянется главная улица. Навстречу попадаются невозмутимые мужчины в белых или коричневых с капюшоном плащах из тонкой овечьей шерсти, в фесках или круглых шапочках. Около здания почты степенно беседуют отцы семейств.

В нижних этажах домов — лавки с изделиями местных серебряных дел мастеров. Они безо всяких вывесок, но в окнах выставлены те или иные украшения, которыми здесь торгуют.

Заходим в ту, где витрина увешана цепочками и брошами. В этой крошечной лавке товары размещены в одной комнатке. На прилавке разложены кольца, пояса, браслеты, на стенах висят ожерелья с красными кораллами, серебряные цепочки — длинные и короткие, толстые и тонкие, из простых, плоских звеньев и витые.

Цепочки очень хрупкие, невесомые, их тяжести рука совершенно не ощущает. Браслеты, наоборот, широкие, массивные. Многие изделия украшены синей, красной, зеленой эмалью.

У другого домика стоят, картинно опираясь на посохи, старики в бурнусах и радушно кивают нам головами. Эта лавка побольше и товар здесь габаритный — керамические изделия и ковры.

На полу высокие тонкогорлые кувшины, а на полках — вазы, блюда, подсвечники, пепельницы. Сдержанные тона, строгий узор. На кувшины наброшены пестрые коврики, на стенах развешаны покрывала и большие ковры...

Позади лавок обычно располагаются мастерские, которые меня и интересуют. Я послушно следую за Хаджем Елмехи — он-то знает здешних мастеров.

...На крутой улочке мужчина с женщиной загоняют во двор ослика с гигантским тюком на спине. Осел упирается, и мы терпеливо ждем: иначе не разминуться — так узка проезжая часть. Навстречу величаво движется седой горец в шерстяном плаще и белой шапочке, погоняя небольшую отару овец. Он невозмутимо протискивается следом за животными между стеной дома и упрямым осликом. Хадж почтительно приветствует его и спрашивает о чем-то.

Пока мимо семенят овцы, Хадж расписывает нам преимущества животных этой породы «араби»: они дают хорошую шерсть, много мяса.

— Кстати, этих овец гонят на «праздник барана». К этому дню в каждой семье выращивают или покупают барана, чтобы на целый день хватило мяса. Барана режет глава семьи. Готовят кус-кус и разные прочие кушанья. С утра приходят родственники, близкие, знакомые. Очень хороший праздник... — Хадж причмокивает языком.

У дома, вдоль стен которого стоят кадки с цветами, мы останавливаемся, и Хадж идет предупредить хозяина о нашем приходе. С другой стороны улицы с любопытством смотрят девочки. У них, как и у взрослых кабильских женщин, вокруг талии повязаны длинные полосатые платки.

— Входите,— приглашает радушным жестом Хадж.— Правда, сам хозяин уехал в Алжир за серебром. Но вот его младший сын, Ахмед Унас.

В мастерской небольшой станочек, на стойке в гнездах размещены десятки пилок, зубцов, ножниц, рашпилей и других орудий труда: судя по отполированным рукояткам, ими пользовались еще основатели рода Унасов.

Ахмед, интеллигентного вида юноша, показывает, как делается пояс. Он берет со стола моток серебряной проволоки и отрезает несколько кусочков. Эти заготовки Ахмед гнет плоскогубцами, круглогубцами, щипчиками — получается фигурка, понятная пока ему одному. Затем достает со стойки серебряную пластинку и приваривает к ней проволоку горелкой. Теперь перед нами уже одна из составных пластин пояса с узором, похожим на венчик цветка. Эту пластину он соединяет звеном из той же проволочки с другой, готовой.

— Так, звено за звеном, делается пояс, похожий на те, которые носили еще в старые времена.— Ахмед протягивает тяжелый узорчатый пояс, снятый со стены.— Как и наши предки, и мой отец, и мои два брата — они живут на соседней улице со своими семьями — серебряных дел мастера. В каждом роду продолжает ремесло кто-либо из сыновей, полюбивших это искусство. А я решил стать экономистом — эта наука очень нужна нашей стране.

Ахмед Унас студент Алжирского университета. Беседуя с нами, он очень одобрительно отозвался о мерах правительства, поощряющих ремесленников. Был принят «статус ремесленника», разработано постановление о сохранении и развитии всех национальных ремесел: ковроткачества, гончарного промысла, чеканки; изготовления золотых, серебряных, бронзовых изделий... Сейчас в Алжире создано новое профессиональное объединение — национальный союз мелких торговцев и ремесленников.

Ахмед Унас выводит нас узкими улочками на площадь... Автобус набирает скорость по горной дороге, и за спиной остаются в сумерках огни Бениани — серебряного города.

Новая доля феллаха

Широкая магистраль, которую еще засыпают щебенкой и асфальтируют, уходит в сторону. Мы едем меж холмов, склоны которых укреплены земляными террасами и засажены деревцами, чтобы дожди не смывали почву. Аллея высоких эвкалиптов обрывается, распахивается ширь полей, усыпанных одинаковыми желтыми шарами дынь — яркими, блестящими, будто их только что отполировали и отсортировали на конвейере.

Возле пугала в феске примостились у дороги ребятишки — белокурые, курчавые (кабилы не только брюнеты — бывают и белокурые, и рыжие). Перед ними на плетенке — аппетитные ломти дынь с благоухающей желтоватой мякотью.

Слева у дороги ульи и безглазые домики-гурби: окна их обращены во дворы, скрытые высокими тростниковыми изгородями. Одинокий феллах, согнувшись, налегает на плуг, распахивая полоску земли. Поджарые собаки поворачивают головы вслед автобусу. Здесь частные наделы. Мы едем знакомиться с алжирской деревней.

Тяжкой была доля феллаха, когда издольщикам приходилось гнуть спину на богатеев. Колонизаторы по-своему распорядились сельскохозяйственной страной: на лучших плодородных землях расположились хозяйства французов, отправлявших в метрополию в огромных количествах вино, фрукты, овощи. Когда колонизаторы сбежали со своих ферм, там возникли комитеты самоуправления.

Абрикосовые и персиковые сады сменились мандариновыми. Обогнув холм, въезжаем в солнечную долину. У подножия хребта виднеется квадрат белых домиков под черепичными крышами.

Нырнув под арку, автобус выезжает по прекрасной асфальтированной дороге на небольшую площадь. Нас встречают в основном ребятишки, прыгающие между цветниками, да издали смотрят женщины. Мужчины работают в садах, обрабатывают посевы.

Страна поставила перед собой задачу как можно скорее добиться

продовольственной независимости. В рамках программы помощи крестьянству правительство уже построило десятки новых деревень, как и та, в которую мы прибыли,— Нацириа.

— Это название можно перевести как «нация» и как «семья»,— говорит член комитета деревни Лалами Резки.— Мы живем в благоустроенных домах, о которых раньше феллахи и не мечтали, как одна большая дружная семья. На общих собраниях обсуждаем производственные дела, решаем, к какой машинно-тракторной станции обратиться, какую взять технику на сев, культивацию, уборку урожая. В трудных случаях обращаемся за помощью к агрономам, другим специалистам сельского хозяйства...

После беседы прогуливаемся по тротуарам меж невысоких, недавно высаженных деревцев.

Около одного дома нас вежливо приглашают зайти внутрь. Дом предназначен для одной семьи: жилые комнаты, ванная и кухня. Характерное для алжирского дома почти полное отсутствие мебели. Лишь у стен — низкие сиденья, вроде диванчиков, покрытые самодельными коврами, да в нишах стоят шкафчики с посудой.

— Разве так жил феллах в своем глинобитном гурби? У него не было ни света, ни теплой воды, а за перегородкой блеяли овцы,— говорит пожилой алжирец.

Сидящий рядом молодой крестьянин добавляет:

— Мы получили от властей не только землю и дом, нам помогают и с инвентарем, семенами, удобрениями. Мои дети учатся — построили школу на 300 человек; если кто заболел — есть медпункт.

— Наш комитет следит за порядком в деревне, чтобы все учреждения работали хорошо, чтобы сервис был на уровне, чтобы коммуникации действовали исправно,— показывая нам улицы поселка, объясняет Лалами Резки.— В деревне много жителей, возникает масса вопросов. Решать их нужно быстро, когда люди довольны, им и работается лучше.

Незаметно дошли до околицы и видим, как по полю движется трактор. В окне кабины — разгоряченное лицо лихого тракториста в чалме. На нем была надета безрукавка с пестрым рисунком.

Надо сказать, что в алжирской деревне сейчас наблюдается полное смешение стилей в одежде. На улице можно встретить и женщину в белом покрывале-хаике с наброшенным на голову платком, обшитым кружевами и закрывающим нижнюю часть лица так, что видны одни глаза, и девушку в брючках или мини-юбке; мужчины часто поверх национальной белой рубашки-галабии надевают обычный пиджак, а на голову — чалму или феску. Но в любой одежде они выглядят весьма импозантно: удлиненное лицо средиземноморского типа (кожа всех оттенков — от почти белого до темно-бронзового) обрамляют черные волосы, многие носят бороду. Большие сверкающие глаза и орлиный нос придают лицу несколько суровое, воинственное выражение.

Феллахи гостеприимны и хлебосольны. В своих хижинах-гурби они угощали нас ячменным хлебом, овощами, финиками, а мясо на их столе довольно редкое кушанье. Они приятные собеседники, охотно делились с нами своими радостями и проблемами; всегда приветливы, несмотря на тяжкий труд, и готовы помочь ближнему.

Перед нами современный житель новой деревни мастерски вел трактор, оставаясь изящным и полным благородства.

Машина шла неторопливо и мощно, у края поля плавно поворачивала, поднимая вверх сверкающие на солнце лемехи. За трактором тянулась чернота ровных пластов вспаханной земли...

Раздвинутые стены

Али Гаси, наш знакомый, уезжал к брату на свадьбу. В вестибюле университетского общежития на столиках стояли большие бутылки местных минвод. Али, вертя в руках запотевшую бутылочку «Музайи», вроде нашего нарзана, рассказывал:

— В наших краях большие перемены. Феллахи объединяются в кооперативы, молодежь — и девушки тоже! — получают образование. Даже предприятие по разливу «Музайи» национализировано. А вот свадьбы по-прежнему проводятся по старинке. К женитьбе брата долго готовилась вся семья — копили деньги. Вы не представляете, как дорого обходится женитьба в провинции! Нужно подготовить жилище, купить украшения, одежду, да и гостей приглашают очень много.

— Брат сам привел в дом невесту?

— Нет. Я и говорю: свадьба по старинке. Принято, чтобы невесту выбирал отец или мать. Хотя современная молодежь все меньше прислушивается к советам старших...

Куда бы мы ни заходили — на рынок, в лавочки и магазины, в музеи, кафе и рестораны,— всюду обслуживающий персонал мужчины.

По раскаленным тротуарам плыли белоснежные фигуры, словно сошедшие со страниц «Тысячи и одной ночи». Закутанные с головы до ног в покрывала-хаики, женщины скрывали лица за кружевными платочками. Сквозь узор кружева блестят любопытные глаза, но стоит поймать этот взгляд, как скромно опускаются веки и гасят блеск.

Разговор о вековых традициях, о канонах семейного быта алжирцев заходил не раз. Жизнь женщины ограничивалась внутренним двориком, выйти из которого можно было только в дом. За высокими стенами росли девочки — первые помощницы матери: работали на огороде, носили топливо и воду, ткали и шили, готовили еду. Старшие дочери, вступившие в пору девичества, не смели выходить за стены дома с открытым лицом. Отец мог приступить к выбору жениха в «приличных» домах, когда невесте еще не исполнилось и пяти лет. Согласие родителей всегда было решающим, иначе молодые лишились бы уважения и помощи родственников.

В алжирской семье, особенно крестьянской, и сейчас помногу детей. Рост населения Алжира идет с такой скоростью, что опережает темпы развития экономики. Не случайно правительство озабочено выработкой политики в области демографии.

— Конечно, старикам, людям консервативным, хотелось бы удержать женщину за стенами, во внутреннем дворике. Им не нравится, что девушки стремятся учиться, студентки ходят с открытым лицом. Ведь получив образование, они становятся независимыми,— говорит Али Гаси.— Но жизнь идет вперед...

В переменах, наступающих в жизни алжирских женщин, мы убедились на государственной текстильной фабрике, расположенной неподалеку от Тизи-Узу — центра горной Кабилии.

В деревне Мирабо как раз был базарный день. На фабрике нас ждали позже, и мы решили прогуляться по торговым рядам крытого базара.

Несмело пробираемся между палатками с тканями и готовой одеждой, мимо ювелирных и посудных лавок. Раз в неделю сюда съезжаются жители окрестных деревень. На прилавках — пирамиды больших нежных персиков; груды винограда, темно-синего и светло-зеленого; на земле — горы удлиненных, похожих на мяч для регби, арбузов, светло-желтых дынь; со стоек свисают связки перца и лука. Продавцы и покупатели в основном мужчины. Кто-то шутит: «Вероятно, женщин нет на базаре, потому что все они трудятся на фабрике...»

На ежегодной Алжирской промышленной ярмарке неизменным интересом пользуется наш павильон.

Это, конечно, не так, но первой на фабрике нас действительно встретила Мазуни Хафида — представительница администрации, отвечающая за контакты с общественностью и рекламу продукции. Она владеет несколькими европейскими языками, моментально отвечает на наши вопросы, в том числе и о роли алжирской женщины в обществе.

— Пока мы идем в лабораторию, я вам скажу вот что. Если раньше женщина была ограничена главным образом своей семьей, крестьянским домом, то теперь она участвует во всех сферах общественной жизни. Мне приятно, что много женщин трудятся в легкой промышленности. У нас на фабрике они входят в секцию Национального союза алжирских женщин. К сожалению, среди работающих молодых женщин замужних почти нет. Бремя старых обычаев...

Хозяйка лаборатории Салиха Кассель объясняла, как девушки определяют длину и качество нитей хлопка, показывала, задорно потряхивая косами, цех традиционного рисунка, где женщины подбирают нитки для платков...

Салиху я вспомнил через несколько дней на Алжирской ярмарке, которая проходит в предместье столицы. На ярмарке всегда был открыт павильон одной из республик бывшего Советского Союза.

В алжирском павильоне нельзя было оторвать глаз от серебряных украшений, керамических сервизов, ковров и покрывал. Конечно же, здесь были широко представлены изделия легкой промышленности — современная обувь, одежда, ткани...

Рядом с нами эти красивые вещи рассматривала алжирская семья. Две женщины, пожилая и помоложе, были в традиционных белых покрывалах-хаиках, совершенно скрывающих их фигуры. Несколько легкомысленно на их фоне выглядел глава семьи, в тенниске, светлых брюках и сандалиях. А дочь, она мне напомнила Салиху Кассель, была в майке с ярким рисунком и узких вельветовых брючках. Чувствовалось, что у разных поколений представления

о моде явно не совпадали. Как не совпадали, наверное, взгляды на семью, работу, выбор пути в жизни...

Надир, потомок туарегов

Порыв ветра хлопнул дверью веранды, теплая волна воздуха мягко ударила через окно — задребезжали стекла, где-то сорвалась рама. Я вышел во внутренний дворик лицея. Лицо обожгло горячее дыхание пустыни, грудь сдавило тисками. Ветер рвал листья с пальм, гнул деревья до земли, ломал вершины, подхватил белье нашей хозяйки, сушившееся во дворе, и унес его вместе с веревкой. Гоня плотную стену раскаленного воздуха на Тизи-Узу, ветер властвовал в городе.

— Сирокко, из Сахары. На гигантской сковороде самой жаркой пустыни от перепадов температуры возникают сильнейшие вихри. Мало того, что пески занимают бо́льшую часть нашего Алжира, так еще в них рождается проклятый сирокко, иссушающая сила которого чувствуется не только в Кабилии, но и в Европе...— Жестикулируя, с веранды спускается худощавый юноша с оливковым обветренным лицом. Как раз сегодня он привел в общежитие лицея группу темнокожих курчавых ребят.

— Сирокко прилетел сам по себе, мы тут ни при чем, хотя тоже оттуда — с юга Сахары,— улыбается Омар Дака.

Он живет здесь, заканчивает экономический факультет университета в Тизи-Узу. Сам вызвался ехать за две с лишним тысячи километров в город Таманрассет в составе отряда волонтариата. Эти отряды добровольного труда, в которых участвуют студенты, лицеисты, рабочая и сельская молодежь, вносят вклад в осуществление аграрной реформы, ведут культурно-просветительную работу среди крестьян в деревнях в отдаленных районах страны.

— Раньше я сутками плелся бы туда с караваном верблюдов под раскаленным солнцем,— рассказывает Дака.— Представьте: барханы сменяются солончаками, потом перед вами — одна лишь каменная россыпь. От дневной жары и ночного холода скалы растрескиваются и превращаются в щебенку. Лишь изредка мелькнет в стороне скалистый останец. По вечерам с пути каравана разбегаются тушканчики, светятся в темноте глаза фенеков — небольших пустынных лисичек. Утром встанешь — и опять до боли в глазах всматриваешься в зыбкое марево, ожидая спасительного оазиса. И вот видишь: пальмы склоняются над прозрачной водой. Но это так было веками. Теперь по караванным тропам прокладываются асфальтированные дороги. О них я, кочевник, и мечтать не смел...

Омар Дака вспоминает, что алжирские газеты писали о прокладке новых многокилометровых участков дорог в пустыне. В Таманрассет можно теперь добраться на автомобиле по Транссахарской магистрали. Без дорог немыслимо освоение богатств Сахары.

— Да-да! Говорить теперь о бесплодности пустыни — это анахронизм,— в голосе Омара глубокая убежденность.— Сахара сказочно богата, специалисты называют ее «бездонным морем» сокровищ. Достаточно упомянуть оазис Хасси-Месауд, который в былые времена знали лишь погонщики верблюдов,— там теперь добывается нефть, или Хасси-Рмель, где ныне расположен известный газодобывающий комплекс. Сахарские недра берегут много полезных ископае-

мых — уголь, золото, железную руду... Часть месторождений уже открыта, разрабатывается. Есть шахты и под Таманрассетом, с которым дружит Тизи-Узу..

Кабилы уже ездили на юг Сахары, помогали местной молодежи организовывать культурный досуг, налаживать учебу. Сам Омар Дака не только занимается культурно-просветительной работой, но и помогает разрешать экономические проблемы. Например, у туарегов — бербероязычных кочевников Сахары — товарно-денежные отношения находятся в самой зачаточной форме. Омар Дака и его товарищи стараются приобщить туарегов к более современным формам хозяйствования.

Омар подзывает стройного бронзоволицего мальчика с большими бархатными глазами с длинными загнутыми ресницами. Надир Мулайа учится в колледже, он доволен путешествием через всю страну, но и по своему родному городу скучает.

Оазис в Сахаре. Аллея финиковых пальм

...Таманрассет — город невысокий. Вдоль улочек тянутся глинобитные домишки, в одном из них живет семья Надира — родители, двенадцать братьев и сестер. Красные волны песка со всех сторон окружают городок. Ребята любят выходить на окраину города к каменным стенам, сдерживающим наступление барханов на оазис.

Здесь вместе со взрослыми школьники высадили саженцы финиковых пальм. Но и яму вырыть тут непросто: надо выбрать кубометры песка. Метровые саженцы из питомника надо так посадить, чтобы у пальмы были «ноги в воде, а голова в пекле». Тогда только вырастет хорошее дерево, приносящее много плодов. В богатом урожае заинтересованы все жители. Как для кабилов маслины, так для сахарцев, оседлых и кочевых, финики — главное блюдо.

Из пальмовой рощи видны отроги хребта. Там, рассекая закатное солнце, высится пик Хогар. Глядя на него, мечтал Надир о дальних краях, где плещется необъятное море, в котором столько воды, что даже плавают большие белые корабли. На одном из них уплыл во Францию миссионер отец Фуко, желавший во что бы то ни стало обратить туарегов в христианство.

Надир и его братья с детских лет слушали рассказы отца, Ахмеда Мулайа, как их предки-туареги сопротивлялись колонизаторам, как боролись против французских войск, упорно пробиравшихся в оазисы и города Сахары.

Последний мэр — француз Жан-Мари — решил не возвращаться на родину и поселился высоко в горах. Метеоролог и физик, Жан-Мари многие годы ведет

3 Зак. 3126 В. А. Лебедев

метеонаблюдения, следит за выпадающими осадками, изучает их ритмичность и исследует возможности использования дождевой воды для земледелия. По его утверждению, здесь еще многое можно сделать. Туареги его работу уважают, они поднимаются к ученому в горы один-два раза в месяц, приносят еду, отправляют его научные заметки в метеоцентр.

...Надир из Таманрассета особенно любил дни свадеб, когда невесте дарят верблюда, старинные ожерелья, пояса ручной работы. Кончаются празднества, и семьи кочевников снимаются с места, с детьми и скарбом разъезжаются по пустыне.

Снова они встречаются уже на ярмарке, куда собираются странствующие люди со всего юга Сахары. Кочевники продают изделия из верблюжьей шерсти, жалобно блеющих баранов. Рядом кричат ослы, ржут лошади. Щеголихи выбирают пестрые ткани, украшения, тончайшие хаики с нарядной отделкой. Почтенные старцы задумались перед висящими бурнусами: какой цвет — черный, белый, коричневый — больше соответствует закату жизни? Возле лавок — мастерских ремесленников — всегда толпа. Как не приобрести обувь, которую изготавливают только здесь! Фасон пустынных сандалий несложен: подошва из верблюжьей кожи да петля для большого пальца. Но для жизни в песках лучше не придумаешь. И конечно, кочевники набирают в мешки зерно, сыр, сушеные и свежие фрукты... И каменные розы...

Пока Омар неторопливо переводит взволнованный рассказ Надира, мальчик приносит и протягивает мне подарок:

— Возьмите, это наша роза...

«Сахарская роза». Она лежит на ладони; кажется, будто нежные лепестки ее внезапно схватил мороз и они окаменели, вот даже капельки росы сверкают в кристалле. Рассмотришь вблизи, восхитишься рукой мастера, который так искусно высек тонкие лепестки, удачно оживил камень кристаллами-росинками...

В действительности это произведение самой природы. Уже вернувшись из Алжира, я прочитал, что еще в XIX веке академик В. М. Севергин рассказывал о «гипсовых цветах», а впоследствии их увидел в Каракумах и описал академик А. Е. Ферсман. Оказывается, каменные цветы образуются в результате роста кристаллов гипса в кавернах песка. Сквозь верхний слой просачивается вода, фильтруются растворы, содержащие сульфатные соли. Они питают растущие в пустотах кристаллы, которые превращаются в сказочные цветы. Их разыскивают в пустыне, выкапывают из песка и — бережно укутывают: лепестки «пустынных роз» легко обламываются.

Уезжая, я старательно уложил «розу» в бумагу. Память о Сахаре, что подарил мне Надир из Таманрассета, потомок туарегов.

Кабильский танец

Тизи-Узу... В памяти встают уходящие к горизонту курчавые от кустарника холмы, плантации оливковых деревьев, упорно карабкающиеся по крутизне, еще выше — стада овец, а на самых вершинах — домики кабильских крестьян, высвеченные солнцем. Большая Кабилия — плодородный край, населенный трудолюбивыми и отзывчивыми людьми.

В переводе Тизи-Узу означает «холм, поросший дроком». Не так уж давно это

Дорога в горную Кабилию

Никаких опасных хищников, только безобидные овцы

название соответствовало действительности. Русский ученый и путешественник Петр Александрович Чихачев, посетивший Алжир в 1877—1878 годах, упоминал и о деревне Тизи-Узу. Описывая эту деревню, расположенную на высоте 650 метров над уровнем моря, с населением примерно 500 человек, Чихачев приводит любопытный эпизод:

«В окрестностях Тизи-Узу львы встречаются редко, но леопардов довольно много. Накануне два кабила охотились на кабанов и бросали камни в кусты, чтобы выгнать оттуда зверя... Однако на этот раз вместо кабана появился огромный леопард, бросился на одного из охотников и опрокинул его на землю. К счастью, его товарищу удалось метким выстрелом смертельно ранить зверя в голову. Раненого охотника с трудом перенесли в деревню, где он несколько недель боролся за жизнь, так как леопард нанес ему многочисленные раны».

Мы много ездили и еще больше ходили пешком по вилайе Тизи-Узу. Но ни в районе текстильной фабрики, ни около изестного поселка Уадис, построенного молодежью на месте сожженной колонизаторами деревни, конечно, уже не встретили никаких опасных хищников. Тизи-Узу выросла в большой областной город. О прежней деревушке, пожалуй, напоминает лишь французская казарма. Не найти маленькой гостиницы, приютившей Чихачева, исчезли и поразившие его грязные немощеные улочки и жалкие лачуги...

Неповоротливый автобус осторожно пробирается по тенистым улицам, где на тротуарах под пестрыми тентами посиживают за столиками молодые и старые алжирцы, прихлебывая кофе из маленьких чашечек. Улицы сходятся у центральной круглой площади, окруженной невысокими, старой застройки, домами с балконами. Наконец автобус выбирается из хитрого сплетения узких улочек и, набирая скорость, мчится к виднеющимся вдали многоэтажным домам.

— Это новый Тизи-Узу,— поясняют сопровождающие нас студенты.— Небольшие дома — это кооперативное строительство или индивидуальная застройка. А вот те два высотных здания в стороне — дома для рабочих, они построены только что, за два последних месяца. Там дальше, на холмах,— университетский городок. Возводятся учебные корпуса и общежития, в аудиториях занимаются уже несколько тысяч студентов. В госпиталях, поликлиниках, медпунктах работают тысячи алжирских врачей, медсестер, много здесь

и специалистов из вашей страны. Кстати, в госпиталь Тизи-Узу приезжают крестьяне из самых дальних деревень, чтобы попасть на прием к московским терапевтам, хирургам, которые делятся своим опытом с нашими врачами. Вы, наверное, не знаете, что в больнице работает медсестрой Малика Думран — известная у нас певица...

Об исполнительнице песен на кабильском языке Малике Думран нам уже рассказывали. Выросшая в крестьянской семье в горах Кабилии, она сумела окончить медицинское училище. С детства участвуя в праздниках односельчан, видя их танцы, подпевая грустным и веселым народным песням, она сама стала сочинять песни — и музыку, и стихи.

...Темными вечерами в Тизи-Узу мы ходили ужинать в столовую мимо здания курсов повышения квалификации. За высокими освещенными окнами сидят молодые люди, что-то записывают, слушают, иногда встают и говорят сами. На улицах постоянно встречаются плакаты: крестьянин, солдат и рабочий сидят у развернутых учебников. В стране более четырех миллионов школьников, 160 тысяч учащихся центров профессионального обучения. В один из таких профтехцентров мы были приглашены.

Его директор — спокойный седоголовый человек Али Азуни — ждал нас у входа. Он ведет нас через мастерские и аудитории, вслух сравнивая местные ПТУ с российскими. Он побывал в разных городах России, изучал нашу систему профессионально-технического образования...

В механической мастерской неуклюжие подростки в синих комбинезонах переносили металлические детали.

— Это новички, мы их собрали со всей Кабилии. Будут грамотными специалистами,— уверенно говорит Азуни.

В одном из классов он подводит нас к худенькому пареньку с черной копной курчавых волос, склонившемуся над чертежной доской. Тот белозубо улыбается, представляется — Мулюд Теселья. Он приехал в Тизи-Узу из далекой деревушки, где живет всего несколько семей.

— Что ты чертишь, Мулюд? — ласково спрашивает директор, похлопывая паренька по плечу.

— Проект новой деревни, вот клуб, почта, рынок,— с удовольствием показывает на своем чертеже мальчик.— Там будет хорошо жить...

Сквозь открытые окна слышится с улицы мелодия. Это приехал молодежный ансамбль «Львята» (вероятно, название шло от могучих львов, бродивших когда-то по кабильским холмам). «Львята» побывали на музыкальном фестивале народной музыки в Валенсии, где они заслужили одобрение жюри и темпераментной испанской публики.

Не прошло и пяти минут, как весь профтехцентр высыпал на улицу, ребята в синих комбинезонах самозабвенно танцуют под национальные мелодии...

На следующий день на рассвете мы уезжали в столицу, и на «холме, поросшем дроком», вслед нам зазвучала прощальная кабильская мелодия. Позади оставались студеные реки, зеленые холмы Кабилии и скалистые вершины массива Джурджура, порозовевшие от солнечных лучей.

Растет перед Сахарой лес

Мерный шум морского прибоя то врывался в окно машины, то — если дорога уходила вправо — волны тихо шелестели вдали. Мы ехали из Алжира на восток вдоль побережья, и море сопровождало нас в пути.

Когда самолет подлетал к столице, то, пожалуй, первое сильное впечатление было от моря: оно сверкало внизу в солнечных лучах, переливало бирюзой и набегало пенистой волной на зеленый берег Африки.

С такой идиллической картиной не вязались неутешительные выкладки экологов, совсем непоэтично назвавших Средиземное море «сточной канавой». В защиту этого красивейшего моря одним из первых выступил Жак Ив Кусто. Оказалось, что в его воды поступают нечистоты из многонаселенных прибрежных городов, нефтяные продукты после промывки танкеров в открытом море, самое страшное: миллиарды тонн ядовитых веществ — отходов промышленных предприятий...

Вдоль берегов Алжира, где мчалась наша машина, проходит также «нефтяной путь». Мы останавливаемся и выходим на серую полосу прибрежного песка, куда волны вынесли ворох мусора, выброшенного с проходящих судов: стеклянные и пластиковые бутылки, обломки изделий из синтетики, целлофановые пакеты. Осторожно переступаем черные полосы мазута на песке и подходим к рыбакам, подогнавшим свою моторку к берегу. Один из рыбаков вынимает из моторки небольшой улов, другой разделывает акулу и жалуется, что рыбы стало меньше, она задыхается, отравляется промышленными отходами, море все сильнее загрязняется...

Да, нужны неотложные меры по очистке Средиземного моря. Такой план по предотвращению экологической катастрофы поддержало на международной конференции в Барселоне большинство средиземноморских стран. Эксперты составили список веществ (ртуть, кадмий, мазут, радиоактивные отходы), сброс которых в море должен быть категорически запрещен. Этот список был назван «Афинским протоколом». Вообще, очистка Средиземного моря потребует много времени и огромных расходов. Но даже «Афинский протокол» ратифицировало меньшинство средиземноморских государств. Первым подписал этот протокол Алжир, взяв на себя обязательства строго взыскивать с предприятий, не имеющих очистных сооружений.

Ведомства республики по охране окружающей среды с должным пониманием относятся к задачам сохранения природных богатств, защите флоры и фауны, считая их национальным достоянием.

...Перед нашим выездом из Алжира прошли ливневые дожди, и широкая полоса прибоя была кофейного цвета. Рядом в море неслась вздувшаяся после дождя речка. Эти неприметные в сухое время года ручейки-уэды в период дождей вбирают в себя потоки с окрестных полей и выносят в море бревна, стволы вырванных с корнем деревьев, даже целые постройки. На прибрежных холмах видны обнаженные до камня склоны. Ливневые потоки, вымывая плодородную почву с полей, являются настоящим бедствием для сельского хозяйства. Каждый год уносится таким образом почва примерно с сорока гектаров. Теперь нам стало понятно, зачем повсеместно сооружаются террасы на холмах.

Об особенностях земледелия, нелегком труде алжирского крестьянина

Море вдоль берегов Алжира

рассказывает сопровождающий нас Хосине Мессауди — работник одного из кооперативных хозяйств, расположенных под Тизи-Узу. По обеим сторонам дороги, обсаженной серебристыми эвкалиптами, раскинулись апельсиновые и мандариновые плантации, тщательно возделанные поля, оливковые рощи уходят до вершин холмов, где, словно сторожевые крепости, белеют кабильские деревни. Мы видим и тракторы нашего производства, шустро бегущие по кооперативным владениям, и крестьян, согнувшихся за плугом, медленно влекомым волом, на частных наделах.

— До сих пор еще сложно отношение алжирца к природе, к своей земле. Ведь по корану земля принадлежит Богу, это лишь сад, плодами которого может пользоваться человек, не заботясь о его будущем,— объясняет Хосине Мессауди, показывая нам у дороги крестьян в белых плащах — джеллабах, с шапочками на головах,— раньше крестьяне были самой бедной, невежественной частью населения. За годы колонизации коренных жителей вытеснили из зеленых долин на засушливые бесплодные участки в горные районы, где они вели примитивное хозяйство. Европейские колонисты владели самыми плодородными землями, где в механизированных поместьях работали по 18 часов в день алжирские батраки — сотни тысяч безземельных крестьян. Поэтому алжирец терпеливо ждал со своего каменистого участка хотя бы небольшого

На побережье Алжира встречаются и такие старинные пиратские замки

урожая, не претендуя на большее. Такой покорности судьбе его приучала и суровая природа: нехватка плодородной земли и воды для ее полива (даже проливные дожди не решают этой проблемы), частые засухи, губительное соседство Сахары. Наша революция дала крестьянам землю, технику, семена, а главное — помогла поверить в свои силы, почувствовать себя хозяином на земле. Это просто необходимо для проведения аграрной реформы, подготовки молодых сельскохозяйственных работников нового типа.

Мы еще раньше узнали, как требовательно подходят в алжирских сельскохозяйственных учебных заведениях к приему студентов, стараясь подбирать их из деревенской молодежи, знающей и любящей крестьянский труд, свою землю и природу. За годы колониализма было подготовлено лишь пять специалистов сельского хозяйства — алжирцев по национальности. Понятно, что сейчас республика остро нуждается в молодых энтузиастах, квалифицированных кадрах сельскохозяйственных работников. Институты в разных городах страны готовят специалистов более узкого профиля: для садоводства, поливного земледелия, для степных районов и оазисов Сахары, также и лесоводов, что особенно нас интересовало.

После приезда в Тизи-Узу нам представили как любителя природы Кабилии и ее защитника преподавателя одного из институтов Махидина Салми, который

предложил показать дубовый лес Якурена, один из самых больших заповедных лесов Алжира. И вот мы едем туда по ущелью и беседуем с Махидином о судьбе алжирского леса.

...Если человек потеряет более трети своей кожи, то он вряд ли выживет, так же, впрочем, как и дерево, лишившееся той же части своей коры. Но ведь и земной шар теряет свой лесной покров, свою кожу, чему способствует подчас очень недальновидная хозяйственная деятельность людей. Экономисты, фиксирующие, с какой скоростью сокращается зеленый покров континента, сигнализируют об остроте проблемы сохранения африканских лесов. Площадь под ними сократилась почти вдвое, и в некоторых странах их уничтожение может иметь непоправимые экологические последствия. Часто причиной гибели лесов являются коммерческие соглашения развивающихся стран с капиталистическими государствами, предусматривающие вывоз в страны Запада необработанной древесины ценных пород. Другой причиной исчезновения лесов является систематическая их вырубка под сельскохозяйственные угодья (расширение площадей под какао и кофейные плантации). Так, африканские леса, богатые ценной древесиной, хищнически истреблялись, а вместе с ними исчезали и редкие виды животных, на которых шла безжалостная охота.

— Сейчас трудно поверить, что еще в конце прошлого столетия львы и леопарды выходили вот к этим селениям и держали жителей в страхе,— говорит нам Махидин Салми, показывая на другой стороне ущелья прилепившиеся к склону домики.

Проезжая по Кабилии в 1878 году, известный русский естествоиспытатель, географ Петр Александрович Чихачев отмечал, что окрестности поселений колонистов и военных фортов изобилуют кабанами: «Французские офицеры, отбывающие службу в гарнизоне, охотятся на этого зверя, которого убивают ежегодно более тысячи; нередки здесь и леопарды. Жаркое из их мяса считается изысканным блюдом. Опустошения, производимые этими дикими животными, настолько серьезны, что правительство поддерживает их истребление, выдавая премии за льва или леопарда и пять франков за каждого кабана».

Трудно сказать убедительнее об истреблении животного мира французскими колонизаторами. Было даже модно, поймав молодого леопарда, подарить его в знак особого внимания, что и хотел сделать комендант Форт-Насиональ для Чихачева, чему тот категорически воспротивился.

До сих пор в Кабилии известен ручей, протекающий по холмам у южных отрогов горного массива Джурджура, под названием Львиный источник. Сюда львы ходили на водопой, и егерь отказался проводить к нему Чихачева, сославшись на опасность. Вой шакалов, других зверей всегда вызывал в ближайшей к Львиному источнику деревне ответный неистовый лай собак. Но при звуках львиного рыка все в деревне смолкало, и собаки, дрожа, уползали подальше. Львы спускались до самых кустов у окраины деревни и нападали на домашних животных.

Сюда приезжали в надежде на счастливую охоту, как сообщает Чихачев, даже коронованные особы, как, например, принц Артур Английский и князь Монакский. Однако бедным львам не суждено было пасть от смертельных пуль их ружей: обе высокие особы «посчитали, что число охотников недостаточно, чтобы рискнуть атаковать львов в тех кустах, где они скрываются».

...Конечно, когда по крутой тропе мы поднимались в горы с Махидином,

перебирались по бревенчатому мосту через быструю речку, никто из нас не опасался ни львов, ни леопардов — их просто уже нет в Кабилии. А вот леса, которыми, по словам Чихачева, так богат Алжир, действительно остались. Большие площади заняты сосной, вечнозеленым пробковым дубом, тисом, кедром и другими древесными породами...

По горному склону мы пробираемся сквозь кусты можжевельника. Здесь, конечно, нет, как в долинах, карликовых пальм и даже опунций, достигающих иногда в Алжире большой величины. Они интересны тем, что после отмирания остается беловатое кружево скелета древесных волокон, известное у любителей сувениров.

Под ногами покачивались крупные шаровидные розовые головки ятрышника с волнистыми листьями. Вокруг стволов красавцев ясеней вились виноградные лозы, другие деревья были увиты ломоносом с белыми цветами.

Один из райских уголков у ручья в заповедном Якуренском лесу

Здесь попадались и кедры, мы видели у крестьян столы из поперечных срезов кедровых деревьев огромных размеров, метров шесть — девять в окружности. Некоторые эти гиганты живут тысячу лет. Конечно, районы алжирских кедровых лесов уступают по размерам распространению кедра в Малой Азии. Здесь с кедром соперничают дубы, под тень которых мы, наконец, и вступаем.

Пробираемся еле заметной тропинкой в зарослях кустарника, ветки которого обдают дождевыми чистыми каплями. Чтобы подняться ближе к вершине, сползаем на дно пересохшего ручья в красных и белых камнях, оглаженных горными потоками, и идем вверх по его руслу. Тихо, тихо. Справа, слева, со всех сторон от нас вырываются из илистой земли могучие колонны дубов, подпирая своими недвижными кронами низкое облачное небо.

Когда мы подъезжали к Якуренскому лесу, то на рабочих делянках видели пробковые дубы, ободранные снизу. Их кору отвозят на фабрику в крупный порт Беджайю, где из нее изготовляют различные изделия.

Уже спускаясь обратно по лесной тропе, мы услышали голоса каких-то крупных птиц, заметили в отдалении шевеление веток.

Но ни с одним обитателем Якуренского леса нам не удалось встретиться, хотя раньше, бывало, обезьяны забрасывали камнями непрошеных гостей.

Зато на следующий день, попав в Тала-Гилеф, другой горный лес,

называемый местными жителями «обезьяньим», мы застали здешний «народец» врасплох. Они прыгали на поляне по стволам поваленных деревьев, но, услышав тарахтенье мотора нашей машины, вмиг исчезли. Захотелось все же их увидеть поближе, и я пошел вверх еле заметной в скалах дорожкой, по которой поднимаются в горы на ослах. Солнце слепило глаза, но можно было заметить, как высоко над скалами парили крупные птицы, кажется, коршуны. В тени деревьев охватила горная прохлада и было легко лезть по склону. Карабкаясь по каменистой осыпи, хватаясь за ветки кустов и обнаженные корни деревьев, я старался не шуметь, не сбрасывать камни вниз, чтобы не спугнуть зверье. Уцепился за выступ скалы, подтянулся и вылез к приземистой сосне, опершись на нее спиной, глянул вверх сквозь ветки и замер. Выше меня на мшистом уступе неподвижно сидело существо, мех которого золотился в солнечных лучах, падающих из-за скал. Несколько мгновений мы с коричневым незнакомцем настороженно разглядывали друг друга, но стоило мне шевельнуться, как обезьяна перемахнула через гребень. Только легкое качание ветвей да скатившийся вниз камешек свидетельствовали о недавней встрече.

Этот эпизод вспомнился позднее в столичном зоопарке, где нам рассказывали о сохранении редких видов животных, их охране в республике. Например, в известном питомнике в горах Телль-Атласа недалеко от города Блицы, где знаменитый Тартарен из Тараскона, герой книги Додэ, охотился на львов, обезьяны спускаются вниз и совсем не остерегаются человека, выхватывая фрукты прямо из рук.

Желто-охристые просторные вольеры зоопарка раскинулись по холмам на много километров вокруг. Мы шли бесконечными аллеями среди пальм и магнолий, где высились запыленно-цементные глыбы слонов, удивленные шеи-краны жирафов, вопросительные знаки страусов. Только, пожалуй, многочисленные кабаны и гиены были представителями местной фауны, а остальные животные — экзотические, привезены из других африканских стран. А когда-то на севере Африки водились слоны, носороги, жирафы, о чем свидетельствуют Геродот и Плиний, а также археологические находки. Конечно, изменился, более сухим стал здесь климат, но человек обязан заботиться о тех видах животных и растений, которые выжили и еще существуют, что и осуществляют алжирские ведомства по охране окружающей среды.

Надо сказать, что многие природные ландшафты Алжира являются сами по себе уникальными заповедными местами, причем некоторые из них расположены недалеко от столицы. Можно назвать хотя бы плодороднейшую долину приморья Митиджа, шириной километров двадцать, длиной около ста километров, которую на юге замыкают горы Телль-Атласа. Дорога вьется по ней среди нескончаемых холмов, по волнистым склонам которых раскинулись самые разнообразные фруктовые плантации, от виноградников до цитрусовых. Естественно, полевые культуры изменяют вид местности, оттесняют дикорастущие, о чем еще сообщал в своих трудах П. А. Чихачев. Но, несмотря на изменение равнины Митиджа под влиянием деятельности человека, она еще сохраняет между многочисленными речками-уэдами, бегущими к морю, естественные участки. Здесь на лугах пестрят множество растений, которые в Европе можно было бы разводить как декоративные, например многие виды орхидей. В болотистых местах произрастает тростник, один из видов которого, растущий также на берегах Нила, похож на обнаруженный археологами

ископаемый тростник. Высокие, гибкие стебли этого тростника служат естественной защитой от ветров, и поэтому крестьяне до сих пор рассаживают его вокруг своих полей.

Ряд растений, например морской лук, достигающий в Алжире внушительных размеров (во время цветения его прямая стрелка вытягивается до метра), используется в медицине с давних пор. Это растение семейства лилейных еще разводили древние, по свидетельству Плиния, который сообщает, что Пифагор написал целый трактат о медицинских свойствах морского лука. Рецепты древнегреческого философа применяются до настоящего времени. Еще Чихачев видел на арабских рынках, как продается этот лук, называемый местным населением «фараон». И такую роль в медицине играет самое обыкновенное растение, покрывающее вместе с анемонами и белыми асфоделями (из его луковиц пытались получить спирт) алжирские луга, в том числе необработанные участки в цветущей долине Митиджа. Некоторые из них должны стать заповедными, чтобы не наступил день, как предупреждал Чихачев, когда ботаник будет их тщательно разыскивать. Хорошо, что на благодатной почве Алжира, в его ботанических садах, парках произрастает множество видов экзотических растений из многих стран мира, но рядом с ними должны тщательно сохраняться местные виды растений, кустарников, деревьев для будущих поколений.

...Как-то утром, когда в доме со звуком пушечных выстрелов захлопали окна и двери, а на улице резкий ветер поднимал кучи мусора в воздух и сбивал листья с деревьев, мы почувствовали жаркое дыхание великой пустыни, занимающей большую часть территории Алжира. Свирепый сирокко в мгновение ока достигает приморских долин страны, зеленых холмов Кабилии.

Особенно чувствуют луга и леса Алжира губительное влияние Сахары в засушливые годы, когда ее опаляющие ветры и бури губят посевы, гонят на Высокие плато, к Телль-Атласу стада баранов, все живое. Пустыня постоянно расширяет свои владения.

«Остановить наступление пустыни» — так называется один из основных документов, принятых совещанием Совета управляющих Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), в работе которого участвовали представители десятков государств, в том числе Алжира.

Вырубка леса, выжигание всякой растительности, возделывание околопустынных зон, истощение почв в результате интенсивного животноводства, загрязнение рек — все это приводит к быстрому расширению пустынных площадей. Печальным примером является засуха в районе Сахеля. Озеро Чад уменьшилось на одну треть, колодцы высохли, скудная растительность была подчистую съедена травоядными животными. Вытоптанные участки высушенной земли, соединяясь, увеличивают на сотни километров Сахару. Тысячи людей умерли с голоду в этих местах.

Африканские страны, понимая тяжелые экологические последствия, которые несет исчезновение лесов, связывают судьбу лесов на континенте, прежде всего, с энергетической проблемой. В Лагосском плане действий на 1980—2000 годы, принятом Организацией Африканского Единства, намечены основные направления по защите лесов, изысканию других источников энергии. Обнаружение новых запасов нефти, естественно, могло бы помочь сберечь африканские леса, использовать сэкономленные средства на импорт горючего для охраны природы.

Предсахарье. Дорога в пустыню

В числе мер по защите окружающей среды в Лагосском плане действий намечены и посадки лесов.

В этом направлении, несомненно, заметны большие успехи Алжира, где всерьез используются богатства Сахары. Теперь уже широко известны нефтепромыслы Хасси-Месауда и газодобывающий комплекс Хасси-Рмеля, откуда нефть и газ поступают в города и на предприятия страны, продаются за рубеж. На валютные поступления от них строятся научно-исследовательские лаборатории, открываются новые институты, где готовятся также специалисты-экологи, защитники окружающей среды. Аграрная революция предусматривает расширение сельскохозяйственных орошаемых площадей, для развития пастушеского скотоводства выделение пастбищных земель, устройство колодцев. Наконец, сохранение лесных массивов страны и создание лесозащитной полосы на пути наступления великой пустыни.

...Если ехать от столицы Алжира по шоссе на юг, то через несколько часов пути пейзаж будет становиться все безжизненнее, а возле дороги появятся домики, огороженные по старинке от наступления пустыни тростниковыми или хворостяными заборами.

Омар Дака, кабильский экономист из Тизи-Узу, вместе с другими добровольцами-волонтерами ездил помогать налаживать новую жизнь в оазисах и много

рассказал нам интересного. За глинобитными стенами сберегают от песчаных волн финиковые пальмы — от маленьких саженцев, высаженных в глубине ямы, до плантаций взрослых пальм, приносящих финики — «хлеб пустыни». В ряде оазисов в тени пальм выращивают ранние овощи для населения больших северных городов. Конечно, остановить наступление песчаных дюн на жилища и посевы не может ни тростниковая, ни глинобитная стена.

Поэтому алжирские ученые, лесоводы создали грандиозный проект — вырастить на пути Сахары зеленую стену из семи миллиардов деревьев. Лесозащитная полоса протянется от Марокко до Туниса на 1500 километров, шириной около 20 километров. Проект «Зеленый пояс» начал уже осуществляться.

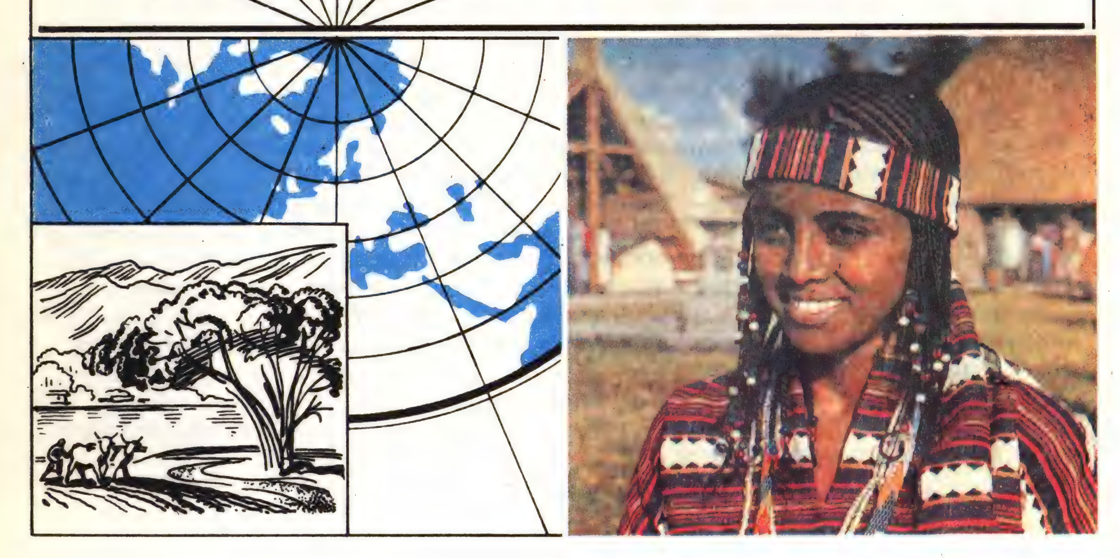
Как сообщает информационная служба секретариата по делам леса, специально организованного для борьбы с пустыней, в Алжире на сотнях тысяч гектаров уже высажены саженцы деревьев. В сахарском городе Лагуате работает новый институт, выпускающий молодых лесоводов, которые возглавили широкое движение в стране по созданию зеленого барьера.

Десятки тысяч рабочих, членов сельскохозяйственных кооперативов, студентов, учащихся лицеев и ПТУ уже выступили на борьбу с наступлением пустыни. Костяк этого движения составляют волонтеры — члены добровольных молодежных отрядов, уже приступившие к трудным работам,— ведь приходится меряться силами с испепеляющей все живое Сахарой.

Когда перед ней вырастет зеленый заслон, то прекратится губительное воздействие сирокко на север Африки и юг Европы; чаще будут выпадать осадки; возникнет благоприятный микроклимат в этом районе страны. Несомненно, и другие африканские страны, страдающие от засухи и наступления пустыни, воспользуются опытом создания лесного барьера перед Сахарой.

Эфиопия

Обожженные солнцем

Новый цветок

Еще сумерки скрывают провалы улиц, а под окнами грохочут машины: через центр Аддис-Абебы грузовики торопятся подвезти срочные грузы на фабрики и заводы. Каждое утро еще затемно скребут тротуары, увозят мусор — столица прихорашивается перед новым рабочим днем. В распахнутом окне светлеет небо над дальними вершинами, выжженными тропическим солнцем до желтизны.

По утрам здесь прохладно — столица стоит на высоте от 2300 до 2600 метров. И набросив куртку, я спускаюсь вниз. Напротив отеля «Харамбе», что в переводе с суахили означает «Единство», по пальмовой аллее возвращаются с заутрени из ближайшей церкви верующие в белых накидках. Некоторые от холода прячут в них головы, как в капюшоны. Навстречу им стремительно летят, шлепая сандалиями, ребятишки: курчавые, коротко стриженные мальчишки и девчонки, чьи головки украшены (иначе не скажешь) множеством косичек с вплетенными на кончиках разноцветными бусинками. Они размахивают завернутыми в газеты книжками — портфели есть не у всех. На переходе через улицу перед школой — затор транспорта. Его остановили маленькие регулировщики в пилотках,

с красными повязками на рукавах: они строят школьников в колонны и переводят через улицу.

Выйдя на улицу у Национального театра, я любуюсь огромным каменным львом с маленькой коронкой на кудрявой гриве. Скульптура была установлена во времена последнего императора Хайле Селассие.

Голова льва с развевающейся гривой выбита на пятицентовых монетах. Царь зверей, мудрый и храбрый, по-прежнему является символом Эфиопии.

Надо сказать, в столице несколько памятников с изображением льва, и из всех зверей он пользуется в Эфиопии, пожалуй, наибольшим уважением. В сказаниях и поверьях лев наделялся всеми человеческими добродетелями. Недаром лучшие из эфиопских воинов в старые времена накидывали на плечи львиные шкуры, а на шлемах развевались львиные гривы. Такими их и запечатлели скульпторы и художники. Уважение народа к мудрому и храброму льву так велико, что его можно видеть во время праздничных шествий на улицах города... живого, степенно шагающего рядом с демонстрантами.

— Ну и что в этом удивительного? — сказал однажды мой эфиопский знакомый Гырма Тесемма.— Разве ты еще не видел наш львятник? Пошли пешком, тут совсем недалеко.

Только мы прошли мимо университета, как где-то рядом раздался львиный рык. Я даже не поверил ушам своим — львы в центре Аддис-Абебы...

Перед нами вырастает зеленый остров из высоких деревьев. Толкаем калитку и входим в ухоженный садик-сквер, где за цветниками скрывается круглая клетка-вольер. Там неспешно шагали гривастые львы. Вольер был разделен на несколько секций. В одной из них старый матерый лев рвал зубами мясо, мотая от удовольствия головой. Иногда он грозно поглядывал по сторонам, прижимая большую кость лапой. В день лев съедает одного барана.

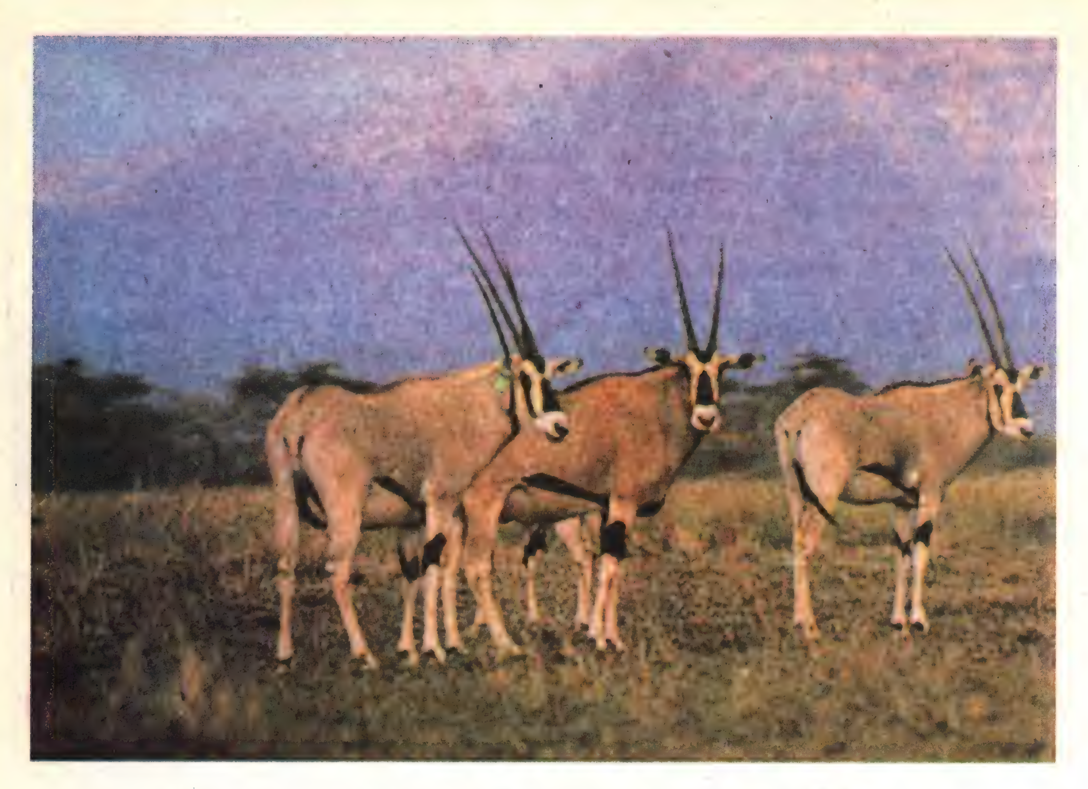
За вольером в сторонке стоял тукуль — африканская хижина с остроконечной крышей. Оттуда появился курчавый служитель и понес миску с мясом в невысокий домик. Он вошел внутрь вольера и не успел толком открыть дверь домика, как оттуда сыпанули львята, похожие на плюшевые игрушки, которые чуть не сшибли служителя с ног и принялись кувыркаться по песку. Они сбивали друг друга лапами, валялись на спине, рыча от удовольствия, словом, радовались по-настоящему и были очень похожи на щенят.

Этих рыжих львят растят для львятника, а может быть, для зверинца бывшего императорского, а ныне национального дворца. Как раз в этом-то зверинце и работает Гырма Тесемма, большой знаток и защитник редких африканских животных, которых все меньше становится в Эфиопии.

— Теперь правительство принимает меры, запрещающие истребление редких животных,— продолжает Гырма Тесемма.— А этот зверинец надо расширить и превратить в настоящий зоопарк, как у вас в Москве. Я слышал о нем, видел снимки, и мне очень хочется поехать в Москву и изучить ваш богатый опыт защиты животных, сохранения их. И еще очень хочется, чтобы эфиопы могли тоже ходить в свой большой зоопарк.

Тесемма рассказывает о разнообразии животного мира Эфиопии.

— Львы, которых вы здесь видели в вольерах, живут на воле в южных районах и вдоль суданской границы. В лесах Сидамо можно столкнуться с леопардом, а в горах Сымен можно еще встретить огромного горного козла с загнутыми рогами метровой длины. Национальный парк Сымен — убежище

Антилопы ориксы пасутся на просторах саванн Южной Эфиопии

редкой сыменской лисицы и крупной обезьяны гелады. На юге, в горах провинции Бале, скрывается очень осторожная антилопа — горная ньяла. В самом доступном национальном парке Аваш вы, прежде всего, заметите грациозно прыгающих красавцев ориксов. Здесь в реках водятся бегемоты и крокодилы, в саванне часто встречаются кабаны, гиены, шакалы и совсем редко — львы, а на склонах вулкана Фантале прижилось стадо зебр. Сюда же в Аваш были привезены редкие антилопы Хартбист Свейна из района, где им не хватало пастбищ и угрожало вымирание...

Всех наших редких животных даже перечислить трудно — так богата ими моя страна,— заканчивает свой рассказ Гырма Тесемма...

Эти необычные деревья в столице нельзя не заметить. Они поражают воображение всех вновь приехавших в Аддис-Абебу — похожи на сиреневые взрывы, они пламенеют, переливаются фиолетовыми, розовыми оттенками. Вблизи ясно видны узенькие листики и яркие шапки-соцветия. Под порывами ветра цветки опадают, и я ловлю один на ладонь. Он поразительно похож на наш колокольчик. По-разному его называли мне здесь, но все-таки наиболее точное название этого прекрасного дерева — джакаранда.

До сих пор, когда слышу «Аддис-Абеба», перед глазами возникают цветущие сиреневые деревья-букеты. Может быть, это не случайно, так как «Аддис-Абеба»

в переводе с амхарского — «Новый цветок». Аддис-Абеба — первая столица объединенной Эфиопии — возникла в конце XIX века.

Недалеко от площади Единства, где напротив друг друга расположены Национальный театр и внушительное круглое здание Государственного банка, высится зеленый холм, увенчанный старинным дворцом — резиденцией императора Менелика II, пожалуй, самого известного в прошлом Эфиопии государственного деятеля. На этом месте — здесь ныне размещается правительство — были заложены первые камни будущей столицы.

Миновав банк, иду по одному из самых оживленных проспектов, тянущемуся между холмами через весь город. Уже много дней я хожу этой дорогой в здание Государственного муниципалитета, где открыта наша молодежная выставка. Сегодня с утра на выставке встреча с юным эфиопским художником, но еще рано, и я не спеша иду вдоль сувенирных лавочек.

Все-таки Аддис-Абеба названа не в честь сиреневой джакаранды. Ее нарекла так императрица Таиту.

Много раз путь негуса, великого князя Сахле Мериама (после коронования он стал императором Менеликом II), пролегал из столицы княжества Шоа через места, где теперь стоит Аддис-Абеба. Полководец обратил внимание на эту местность прежде всего из-за ее стратегического положения. Отсюда — с гористой гряды водораздела Нила и Аваша, спускаясь по долинам рек, удобно было предпринимать походы для удержания в покорности подвластных племен на юге, севере, востоке. Поэтому на горе Энтото, где была вода, вдоволь топлива, он построил небольшой замок. Во время одного из походов его супруга Таиту — женщина красивая и предприимчивая, спустившись в долину, обнаружила горячие источники. Она выкупалась в них и почувствовала себя бодрой и полной сил. Впоследствии эти источники были признаны целебными, около них построили бани. Зеленая, теплая долина понравилась Таиту, и она велела около источников возвести дом. Однажды, когда роса еще не высохла на листьях, она выглянула из окна и увидела только что распустившийся цветок необыкновенной красоты. «О! Новый цветок!» — воскликнула Таиту. И в письме к супругу в 1886 году Таиту сообщила, что прекрасное место в долине, выбранное ею для нового дома, назвала Аддис-Абеба. Этот год и считается годом основания столицы...

Обогнув справа внушительное здание муниципалитета с ухоженным садом, я выхожу на площадь, в центре которой стоит памятник Менелику II. Он изображен верхом на коне, в воинских доспехах. Заслуги Менелика перед страной чтят в нынешней Эфиопии, потому что он не только объединил разрозненные княжества в единое сильное государство, но и совершил важные преобразования. При нем была открыта первая школа, введено медицинское обслуживание населения, проведена денежная реформа. Но главное — он успешно боролся против захватнических притязаний Великобритании и Италии.

С площади Менелика открывается вся столица, в том числе одна из центральных торговых магистралей. После революции она названа улицей Адуа, в честь битвы при Адуа, когда впервые в истории борьбы африканских народов с колонизаторами армия Эфиопии, возглавляемая Менеликом, разгромила в открытом бою войска европейской державы — Италии. В том же 1896 году Менелик, который высоко ценил дружбу с Россией и ее поддержку Эфиопии в борьбе с колонизаторами, подарил землю под русское посольство. На этой

территории находится сейчас российское посольство. А победу при Адуа отмечают каждый год: идут колонны демонстрантов, у конной статуи Менелика II разыгрывают пантомимы — боевые эпизоды великого сражения.

Видна со знаменитой площади и пологая, поросшая лесом гора Энтото. Там на ее склоне сохранились развалины первого дворца Менелика. Эфиопские археологи сейчас расчищают остатки дворцовых стен, фундаменты жилых и подсобных помещений, ведут реставрационные работы. На этой территории, объявленной заповедником, планируется открыть музей под открытым небом. Рядом будет искусственное водохранилище и зеленая зона отдыха для жителей столицы...

Солнце, ползущее все выше по привычно безоблачному небу, съедает легкую дымку над городом, начинает заметно припекать. Прохожие скидывают с голов белые шаммы.

А вот и легкая фигурка Тынсае Хайлю, с которым назначена у меня встреча. Он только что кончил Школу искусств и работает в муниципалитете, изучает русский язык.

Каждый год в Эфиопии открываются новые школы. В институты, в университет приехали наши преподаватели, а Политехнический институт в Бахр-Даре стал национальной кузницей инженерно-технических кадров.

— Мои друзья учатся у вас в техникумах, институтах. И я тоже очень хочу побывать в России,— признался Тынсае нам после первых дней знакомства.

Детство Тынсае прошло в небольшой деревушке Кезира в провинции Харэрге, в жаркой саванне, не так уж далеко от Дыре-Дауа. Родители были не в состоянии прокормить всех детей, и мать отвезла его к своей сестре в Аддис-Абебу.

Еще дома мальчуган с завистью смотрел, как ходят дети в ближайшую церковь изучать азбуку. Однажды он, осмелев, надел чистую рубашку, взял кусок бумаги и карандаш и тоже отправился к священнику. Поэтому, приехав в столицу грамотным, Тынсае решил поступить в школу. Быстро окончил первую ступень, его приняли в школу второй ступени имени Менелика. После революции нужны были специалисты-техники, и Тынсае поступил в техническое училище. Но тянуло его к другому.

С малых лет Тынсае рисовал — всем чем мог и на любой ровной поверхности. Рисовал то, что видел: крестьянский двор, ослов и овец, фрукты и овощи. В техническом училище он усердно посещал специальный курс по скульптуре, где лепил, резал по дереву и камню.

Когда же объявила конкурс единственная в стране Школа искусств, Тынсае собрал свои работы и отнес в дирекцию. Придирчивая комиссия шесть недель отбирала лучшие картины и рисунки: из трехсот претендентов осталось лишь пятнадцать. Одним из них был Тынсае.

— Пять лет я провел в Школе искусств. Пять лучших лет жизни,— глаза художника загораются.— Десятки рисунков выполнил в карандаше, писал акварелью, маслом — много работал. Хотел одного — показать жизнь своих близких, их труд, терпение, доброту и надежду. Выразить главное — человек все может преодолеть, человек должен быть счастливым.

Когда Тынсае делится своими сокровенными мыслями о жизни, искусстве — для него это едино, он очень волнуется, вставляет в английскую речь амхарские слова. А я снова вспоминаю его дипломную работу. Картина

Горную деревушку сразу заметишь на холме
по круглым соломенным шапкам хижин-тукулей

в скромных красках, с простым сюжетом. В сельском доме женщины и дети. На переднем плане мать держит на руках брата, на заднем плане Тынсае с тетей, которой он так обязан. В эфиопском обществе давняя традиция выращивать всем миром сирот, детей бедняков. В последнее время в семьи брали детей погибших революционеров. На амхарском есть даже такое выражение: «взращенный сын». Таким себя считает Тынсае, таких детей трудной судьбы он пишет.

Примером для себя — не образцом для подражания, скорее источником вдохновения — Тынсае считает знаменитого эфиопского художника Афеворка Текле.

Заговорив о нем, Тынсае сразу же предлагает съездить посмотреть картины Афеворка на Национальной выставке. Сейчас, немедленно! Неудобно? Завтра? Прекрасно!

Именно по этой причине мы встретились утром следующего дня с Тынсае на площади Менелика.

...Идем к площади Единства и видим высокий из розового гранита монумент. По низу расположены фигуры бойцов революции с поднятым в руках оружием. У их ног трепещет пламя Вечного огня.

— Тут была маленькая площадь Мэскэль (Креста). Холм перед нею частично срыли, а на его склоне сделали трибуны,— показывает Тынсае.— Мост через реку Бэнтыкету соединяет эту площадь с другой.

Мы поднимаемся мимо трибун по широким каменным ступеням по склону холма. Проходим сквозь высокие башенные ворота. У ворот идут, словно в гору, бронзовый рабочий и крестьянин, высоко держа факелы с огнем надежды и знаний.

На территории Национальной выставки зеленые газоны, цветы, фонтаны, полукружием расположились павильоны, некоторые из них в виде африканских хижин. Обо всем, что там выставлено, рассказать нельзя. Но, пройдя выставку, можно почувствовать, как богата природа Эфиопии; прикоснуться к ее истории и культуре, уходящим корнями в далекие века, поразиться разнообразию и совершенству изделий ремесленников, мудрости народных обычаев. И даже увидеть, как трудится крестьянин, как стоят за станками рабочие.

Тынсае задержался перед картинами эфиопских художников, на которых изображены бои, смерть, уборка хлопка. Рядом на холсте сияет прекрасное и доброе лицо женщины, собирающей на поляне солнечные цветы мэскэль. Это «Весна» Афеворка Текле.

— Он настоящий мастер: показывает народную жизнь так, что проникает в душу каждого,— взволнованно произносит Тынсае.— Главное — человеческий характер, а уже потом техника, новаторство, приемы, краски.

Больше всего Тынсае хочется учиться в художественном училище в Москве. Он много читал о русской живописи, но куда лучше это увидеть своими глазами в картинных галереях.

Мы пересекаем площадь, поднимаемся по крутой зеленой авеню, минуем старый парк и останавливаемся у Дома Африки. Пока Тынсае рассказывает историю установленного тут витража «Освобождение Африки» Афеворка Текле, я любуюсь высокой рощей, на стволах деревьев которой золотятся таблички с названиями стран. Роща была заложена главами африканских государств.

Гураге — умельцы

Впервые, пожалуй, я обратил внимание на изделия эфиопских мастеров, побывав в гостях у одного знакомого в Аддис-Абебе. Меня усадили за небольшой столик, заставленный тарелками с дымящимися мясными и овощными кушаньями, источающими пряные ароматы.

Но рассказ мой не о местной кухне, хотя это весьма достойный предмет для разговора.

Уже войдя в комнату, я прежде всего обратил внимание на странный столик, похожий по форме на песочные часы. На нем-то и лежали блины-ынджера. Круглый столик для блинов был искусно сплетен из разноцветной соломки, образующей геометрический узор. На стене висели коврики, явно тканные вручную, и очень красочные орнаментальные ленты.

— Такие ленты до сих пор ткут на старых станках для национальных накидок — шамм,— пояснил хозяин, заметив мои любопытные взгляды.— Вон висит у дверей шамма моей жены — ее обрамляет лента с национальным цветным орнаментом. У разных народов нашей страны орнамент отличается

узором. Раньше считалось, чем шире, богаче тесьма на шамме или платье, тем знатнее владелица, тем праздничнее ее наряд.

У жены хозяина, быстро меняющей тарелки на столе и подливающей в бокалы самодельное пиво — теллу и легкое вино — тэдж, слегка позванивали браслеты и покачивались в такт ее легким шагам большие серьги из слоновой кости, а на груди блестел большой серебряный крест. Здешние ювелиры создали множество разнообразных по виду нашейных крестов, которые являются здесь непременным украшением для людей, исповедующих христианство.

...Когда у меня от острых блюд, которыми поочередно кормили с ладони приветливые домочадцы, уже текли слезы, хозяин, видимо, вошел в мое затруднительное положение и, вызволив из плена гостеприимства, пригласил на чашечку кофе в свой кабинет.

Разливая из глиняного кофейника пахучий напиток в черные чашки, он торжественно произнес:

— Настоящий эфиопский кофе: зерна были собраны в провинции Кэфа, откуда и пошло его название. Чтобы сохранить аромат и крепость кофе, мы варим его только в керамической посуде, которую издавна изготовляют наши гончары. Среди них и родственники моей жены — гураге. Этот народ живет в основном к юго-западу от Аддис-Абебы. Гураге насчитывается больше миллиона, когда-то они объединялись в самостоятельные княжества. Хотя они всегда были скотоводами и земледельцами, но у них также большое развитие получили ремесла. Многие выходцы из гураге — гончары, кузнецы, плотники, ткачи — подались в столицу. От своего народа моя жена унаследовала умение ткать цветные полоски для шамм, а ее дядя-гончар подарил мне этот кофейный сервиз. Навестите его. Гончарную мастерскую Тырунеша Бале вам любой покажет в Энтото.

Когда попадаешь в этот район Аддис-Абебы, глаза разбегаются. В мастерских изготовляют все: от плетеных шкатулок и подносов до шерстяных ковров, от оригинальных поделок из кожи и меха до дорогих ювелирных изделий из слоновой кости и серебра.

Тырунеш Бале ждал нас у входа в свою лавку — его уже предупредили.

— Прежде всего отправимся в мастерскую — покажу, как рождаются кувшины,— Бале улыбнулся и широким взмахом руки обвел сверху донизу полки, сверкающие глянцевитыми боками кувшинов и ваз.

И мы двинулись к домику Тырунеша, спрятавшемуся за лавкой в широких банановых листьях. Около него стоял ослик с двумя корзинами. Женщины и дети выгружали из них глину в квадратные бетонные чаны. В один — красную, в другой — черную. В чаны добавляют воду и месят глину ногами, иногда добавляют молотый кирпич. Глину возят за десять километров отсюда, с берегов реки Кыле.

Бале заводит нас под навес и останавливается у станков, где укреплены на одном стержне гончарные круги. Он бросает на верхний малый круг кусок красной глины, садится на стул и начинает вращать нижний круг двумя ногами. Чуть касаясь глины левой рукой, мастер правой «вытягивает» из бесформенного куска глины горлышко будущего сосуда. Мы смотрим во все глаза на таинство рождения нового кувшина, а Бале дает пояснения:

— Когда несколько кувшинов будет готово, их ставят вон в те кирпичные печи для обжига. Чтобы получить сосуды черного цвета, подкидывают в огонь

Особую ценность представляют традиционные эфиопские картины, например эта — «Охота в эфиопских лесах»

зеленые ветки с листьями, для дыма. А потом уже раскрашивают. Орнамент же делают по сырой глине: вокруг горла кувшина выводят узор с помощью точек и бугорков. Затем втирают мягкой тряпкой свежую красную глину и ставят в печь. При обжиге таких сосудов дыма не должно быть, тогда кувшины получаются красновато-бурого цвета, с отчетливым рисунком.

Для ознакомления с изделиями своей мастерской Бале подводит нас к пышущим огнем обжиговым печам. Показывает тонкогорлый сосуд с тонким носиком для варки кофе. Его спокойно можно ставить на газовую плиту.

— Называется он «джебека», а вот этот — он подходит к большому горшку,— «гуллага». Видите внутри по краям выступы, наподобие конфорки, посреди — решетка, а внизу имеется отверстие — поддувало. Так что это не просто горшок, а сосуд-очаг. В нем можно варить и печь все, что пожелаешь...

Солнце поднималось все выше, от печи и горшков полыхало жаром, и мне пришло на память древнее название родины Тырунеша Бале. В античные времена территорию к югу от Египта именовали «Айтиопией» — землей, населенной «людьми с обожженными солнцем лицами». Это название очень подходило к Бале, мечущемуся среди сверкающих кувшинов у раскаленной печи, с блестящим от пота лицом, словно бог гончарного ремесла.

...По пути к соседу, торговавшему интересовавшими меня картинами на коже, Бале делился своими заботами.

Его семья сильно бедствовала, пока не вступила вместе с соседями в кооператив кустарей. Государство прислало мастера для обучения гончарному ремеслу, помогло в покупке оборудования, защищает от перекупщиков. Сейчас вся семья трудится в мастерской, кроме маленькой дочки Абди, не желающей и слышать о профессии гончара. Она учится в школе — хочет быть учительницей.

За разговором мы и не заметили, как подошли к сувенирной лавке Тадесе Махедо.

На прилавках с ювелирными изделиями много ажурного серебра. Пока я рассматриваю маленькие ножны для кинжальчика, словно сотканные из листьев, цветков и стеблей, словоохотливый Тадесе объясняет секрет их изготовления.

Оказывается, серебро, расплавленное в тигле, тянут щипчиками или пинцетом до нужной толщины и еще горячую проволоку режут на куски. Из них потом плетут растительный орнамент, который затем украшают гранеными «алмазами», выточенными из старых серебряных монет.

За спиной Тадесе висит несколько картин на коже. По краям квадратных, прямоугольных кусков кожи пробиты дырочки, через них пропущены сыромятные ремешки, которые закрепляют картины на простых деревянных рамках. Мне разъяснили потом, что на рамки идет эвкалипт. Его рубят в горах, полешки высушивают, затем колют на планки. Четыре планки врезают друг в друга, в лапу, чтобы торчали концы,— и рамка готова. Сложнее с подготовкой кожи.

Такие картины на куске кожи, натянутые на деревянные рамки, пожалуй, увидишь только в Эфиопии. Здесь изображено симпатичное семейство

А на этой картине — вся жизнь эфиопского крестьянина

— Шкуры берут разные — коровьи, овечьи, все равно,— объясняет Тадесе.— Вначале шкуру сушат, натягивая на колышки, стараясь ее выровнять. Затем режут на куски для картин, а потом уже очищают. Делают это обычно так: выдерживают в теплой воде, отмокшую кожу очищают от шерсти, жира каменными или железными скребками. Потом обрезают еще раз, как можно ровнее, и растягивают снова для просушки в тени, чтобы кожа не покоробилась. Только после этого натягивают куски на подрамники для рисования, стараясь, чтобы на них больше не попадала вода.

Пишут прямо по коже растительными и минеральными красками. Художник сам придумывает сюжеты: пишет все, что ему придет в голову...

Смотрю на картины, где перемежаются бытовые сцены с библейскими, и думаю, что не все здесь так просто. Явно видны традиции, лубочная манера исполнения.

Я уже видел стенные росписи в церквах, старые рукописные книги, украшенные множеством рисунков. Заметно сходство, заимствования. Например, некоторые слова перерисовываются с древнего языка геэз, на котором было написано в прежние времена много светских и церковных книг.

На картинах запечатлены музыкальные инструменты, деревенские орудия труда, убранство воинов, их портреты... Изображение плоскостное, краски без полутонов, застывшие фигуры с большими распахнутыми глазами, словно сошедшие с икон.

И за ними века жизни гураге и других народов Эфиопии, людей с обожженными солнцем лицами.

Всходы земли Харэрге

Нас привезли в один из районов провинции Харэрге, недалеко от Дыре-Дауа, чтобы познакомить с деревенской жизнью. С утра мы двинулись по тропинке к жилищам кочевников. Перед нами неторопливо прошествовал марабу. Он с достоинством нес свое большое тело на негнущихся длинных ногах, важно покачивая огромным носом. Ни дать ни взять, чопорный чиновник на прогулке в Лондоне.

Рядом шли три одногорбых верблюда дромадера. Когда видишь караван в пустыне, верблюдов-тружеников за работой, невольно напрашиваются применительно к ним эпитеты: «величавые», «благородные» и т. д. Среди домашних животных верблюд вообще уникален, а кочевник без него просто пропал бы в пустыне.

Шагая от восхода до заката солнца, караваны верблюдов везли на себе золото и пряности, шелк и чай, другие нужные в пустыне товары, устанавливали контакты между странами и народами. С ними выигрывали сражения, их использовали в качестве выкупа за невест.

Верблюдов, идущих сейчас рядом с нами, вряд ли можно было назвать красавцами. Они довольно уныло тянулись за своим погонщиком, связанные, как говорится, одной веревочкой. Высокий худощавый человек держал один повод в руке, а второй и третий верблюды были привязаны поочередно поводками к хвосту предыдущего. С боков клочьями свисала свалявшаяся шерсть, а горбы понуро клонились на бок. Но эти несытые животные тащили на себе довольно солидный груз. К деревянным крестообразным каркасам, надетым

Стоянка кочевников

на спину, были приторочены вязанки хвороста, а у последнего верблюда — деревянные кувшины с водой.

Вероятно, сомалийцы, один из кочевых народов саванны, в поисках корма для овец и коз (верблюд-то может закусить похожими на колючую проволоку ветками растений) откочевали далеко от источников воды и теперь подвозили ее к стоянке. Кроме воды и дров, почти все остальное, необходимое в хозяйстве кочевника, дает верблюд: мясо, сало и молоко — основные продукты в рационе пустынного жителя. Верблюд же дает жир для светильника и смазку для кожи. Обувь, сосуды для хранения жидкости делают из верблюжьей шкуры, ею же обтягивают стены шатров. Так, по крайней мере, нам сказали. В здешнем, правда, стойбище жилища состояли из веток, оплетенных травой.

С разрешения погонщика верблюдов мы заглянули в его жилище. Перед входом обошли загородку для скота из колючего кустарника — защита от ночных хищников. Ближе к дверям была мужская половина, а дальше — женская, где мелькнула чья-то белозубая улыбка. Хозяин объяснил, что такую хижину складывают в считанные минуты и погружают на верблюдов, на то приспособление, что и дрова. И караван может снова отправиться на новые места...

По дороге к реке нам повезло. В небольшом поселке — единственную улочку

которого составляли лавочки с разными нужнейшими товарами для кочевников — мы встретили одного из работников сельского хозяйства этой провинции Гетачеу Таддесе. Невысокий, с короткой стрижкой, он вежливо протянул узкую руку с длинными пальцами и радушно пригласил нас поехать вместе в один из сельскохозяйственных кооперативов:

— У меня там дела, а вы посмотрите, как привыкают к оседлой жизни кочевники, как освоились на новом месте переселенцы из засушливых районов, прибывшие к нам несколько лет назад.

— Кстати, Дохерер стоит прямо на берегу Уаби-Шэбэлле, к которой вы направляетесь,— добавил Таддесе,— в похожей деревне, в крестьянской семье, в провинции Арси прошло и мое детство...

Гетачеу и сейчас любит навещать свой дом в местечке Чанге-Лоде. Когда отец и старшие братья строили обычный амхарский[1] тукуль, Гетачеу не отходил от них. Мать приносила солод — символ плодородия и клала в ямку под столб, поливая из кувшина землю самодельным пивом, чтобы в доме были достаток и благополучие. Гетачеу таскал гибкие ветви деревьев — их сворачивали в круги, прикрепляли к верхушкам кольев, на них держалась конусовидная крыша, крытая соломой по веткам можжевельника, защищающего хижину от нападения термитов.

Гетачеу часто скрывался в раскаленный полдень в новом тукуле, где ступни ног приятно холодит пол, от конской сбруи, развешанной на крюках по стенам, знакомо пахнет кожей. В дождливые холодные вечера он забирался на постель — деревянную раму на подставках, заплетенную тонкими ремнями. Натягивал на себя шерстяное одеяло и слушал, как стучит глиняными горшками мать, готовя на ужин тушеный лук с яйцами и острой приправой. Потрескивал хворост в каменном очаге, от дыма щекотало в носу, и Гетачеу потихоньку засыпал...

Ему снилось, как от него убегают козы и овцы, а он, совсем маленький, никак не может согнать их вместе. Испуганный, он кричит: «Отец! Отец, помоги...» И сон прерывается.

Как многие амхарские дети, он начал работать по хозяйству четырехлетним. Эфиопские дети взрослеют очень рано: после десяти лет мальчики получают клочок земли, на котором выращивают урожай, а девочки ведут домашнее хозяйство: убирают дом, стряпают, прядут, приносят воду и дрова.

Конечно, Гетачеу больше всего нравились праздники, например Новый год и Мэскэль, отмечающиеся в сентябре после окончания сезона «больших дождей», в ожидании урожая.

С вечера сельскохозяйственные орудия убирают в кладовку, птицу загоняют в загородку в хижине, а лошадей и коров в небольшую пристройку. Наступает утро, и ты свободен. Отец надевает белейшую праздничную шамму — накидку с цветной каймой, мать наряжается в длинное платье с широкими рукавами, украшенное вышивкой, и вся семья направляется в церковь.

Так бы и шла обычным порядком жизнь амхарского паренька из провинции Арси: с утра до вечера гнуть спину на ирше — пахоте, ночью — короткий отдых в тукуле, а созреет урожай — отдавай почти весь хозяину.

---

[1] Эфиопию населяют многие народы, говорящие на 95 языках. Два основных народа — амхара и оромо (галла) — составляют около 80% всего населения страны.

О крестьянской жизни очень образно сказано в памфлете, ходившем по рукам в Эфиопии в начале XX века: «Велики беды человека, желающего жить крестьянским трудом в нашей стране. Он еще и борозды не провел, как является начальник со словами: «Неси налог!» Когда он возвращается домой, проработав весь день, он видит, как солдаты толкают его жену, говоря: «Пеки хлеб, готовь приправу!» Всякий раз, когда господа ему велят, он бросает дело по своему дому и работает безвозмездно, как раб, в их доме. Он не знает, как расплатиться со своими ежегодными долгами, живет в вечной тревоге».

— Бедствовал эфиопский крестьянин при императоре Хайле Селассие,— качает головой Гетачеу.— Половина крестьян вовсе не имела земли, а остальные владели участками не больше гектара. Почти вся земля была поделена между императорской семьей, светскими и духовными феодалами, а также церковью. Вы не поверите, что Месфын Сылеши имел два миллиона гектаров земли — это не считая его владений здесь, в Харэрге. В нашей деревне за аренду помещичьей земли крестьяне выплачивали землевладельцу до трех четвертей урожая. А на праздники, тот же Мэскэль, мы с отцом обязаны были тащить хозяину подарки: курицу или овцу от всей деревни.

С детства отец повторял мне заповедь мудрого старика своим сыновьям из известной эфиопской сказки: «Ищите золото в земле... Вскапывайте землю, ухаживайте за злаками, которым она дает жизнь, и богатый урожай принесет вам счастье». Поэтому, отходив положенное число лет в ближайшую школу за пять километров, я поступил на открытые новой властью для бедноты сельскохозяйственные курсы...

Как в той эфиопской сказке о тайнах земли, эти всего годичные курсы открыли перед Гетачеу целый мир. Он познавал, как выращивать кукурузу и тефф, арбузы и ананасы, овладевал наукой об орошении земли и учился считать затраты и прибыли сельского хозяйства. Гетачеу становился специалистом.

Он беседовал с молодыми ребятами, объяснял им выгоды совместной работы в кооперативе. Лучше всех слов агитировала аграрная реформа, сокрушившая старые порядки в деревне.

Гетачеу никогда не забыть сияющие лица односельчан, получивших впервые в жизни свою землю, ставшую «собственностью народа». Они радовались, что теперь ничего не должны хозяевам, что землю их семьи никто не сможет отнять: заложить, продать за долги. Семья Гетачеу первой вступила в крестьянскую ассоциацию.

— После окончания универститета в Аддис-Абебе я приехал работать сюда, в саванну,— продолжает рассказывать Гетачеу, показывая вперед.— Вот она наша Уаби-Шэбэлле. Я смотрю на эти зеленые берега, в которых переливается бесценная влага, и в голове вместо поэзии сплошные хозяйственные расчеты, совсем как компьютер стал,— лицо его освещает мягкая улыбка.— Побольше бы у реки создать кооперативов, переселить сюда людей — ведь засуха отразилась и на нашем районе. У нас во многих деревнях еще сидят при светильниках, а какая силища в реке, сколько от нее можно получить энергии...

Гетачеу Таддесе связывает планы развития всего района со строительством ГЭС. На реке Уаби-Шэбэлле успешно сооружают гидроэлектростанцию.

— Будет ГЭС, пойдет ток по проводам к нашим поселкам, и оживет саванна,— восклицает он.— В садах станут зреть фрукты, а пшеница разольется

Многое изменилось в жизни крестьянина, но по-прежнему поля вспахиваются сохой, которую тянет пара волов, хотя нередко можно встретить и трактор

по саванне золотым морем, как на моей родине в Арси. Все это дадут электричество и вода. А то видите, как примитивно устроено орошение сейчас...

Гетачеу легко выпрыгивает из машины и просит нас обождать у реки, пока он предупредит хозяев. Затем отряхивает пыль со своего аккуратного серого костюма и направляется через реку по мосту. На том берегу видны среди деревьев дома.

Мы ждем его на берегу узенького канальчика, идущего к поселку Дохерер. Насосы гонят в него воду по желобам из реки.

Спускаемся по глинистому берегу и подходим к самой кромке мутно-желтой воды. Орлы-рыболовы лениво парят в жарком полуденном воздухе над рекой.

С другого берега нам уже машут рукой — приглашают в поселок. Сразу за мостом нас встретил председатель кооператива Юсуф Тесемма. Он решил показать поля вокруг деревни. Пока мы шли тропинкой меж зеленых посевов, он то и дело указывал рукой на делянки и с гордостью пояснял:

— Здесь у нас поле кукурузы, а тут растет лук, бананы вы, конечно, знаете, а на этих деревцах, видите, небольшие плоды — это папайя. Выращиваем перец, свеклу — наш кооператив овощеводческий. Государство нам передало бесплат-

но трактор,— в его голосе зазвучала нескрываемая гордость.— Когда-то он принадлежал крупному землевладельцу, но тот вскоре после революции сбежал. Теперь трактор достался крестьянам. Вы знаете, производственные кооперативы нашей провинции за хорошую работу получают трактора «Назрет».

— Мы уже купили дисковые бороны — у кооператива есть счет в банке,— продолжал председатель.— Только часть урожая оставляем себе, остальное продаем государству. Теперь есть где хранить овощи и фрукты: в столице построен большой холодильник и еще четыре строят. Рефрижераторы «Этфрут» могут увозить урожай из Харэрге прямо в Аддис-Абебу, в хранилища-холодильники. Это очень хорошо...

Мы вступаем под густую тень улицы-аллеи. Вдоль главной и единственной деревенской улицы выстроились жилые и чуть вдалеке — хозяйственные постройки. У первого дома нас приветствует голосистым и родным кукареканьем петух. Он гулко хлопает крыльями и задорно поглядывает от дверей нового дома. Это не хлипкая травяная палатка кочевников, а солидное жилище сельского хозяина. Стены из стволов молодых деревьев обмазаны глиной, крыша покрыта рифленым железом.

Наступил полдень — время обеденного перерыва. Женщины хлопочут перед домом у открытых очагов — варят похлебку на огне в глиняных горшках. Входы домов прячутся в зелени деревьев, по ветвям которых перепархивают изумрудные абиссинские скворцы. За одним из домов среди листьев банана виднеются красные и желтые кофточки женщин, рубашонки детей. Хозяйки, сидя на корточках, мелко рубят какие-то волокна, превращая их с помощью палок, похожих на скалки, в белую массу.

— Правда, рощица похожа на банановую? — спрашивает лукаво председатель.— Но это растение энсет, кормилец наш.

Позже я узнал, что музу энсет — многолетнее растение, называемое еще ложным бананом, который кормит миллионы эфиопов. Большие листья, напоминающие листья банана, идут на покрытие крыши хижин, из них делают циновки и корзинки. Но выращивают энсет не из-за мелких плодов, появляющихся на деревьях всего лишь раз за их жизнь, а ради корней, из которых приготовляют муку для лепешек. Чем больше выдержать корни, обернутые в широкие листья и зарытые в ямах, тем они выше ценятся.

— Хлеб из муки энсета называется «кочо», а если мука выдерживается в яме больше года — «булля». Самый вкусный! — причмокивает Юсуф.

Минутку мы ждем, пока ребятишки перегонят через дорогу коз, и переходим на другую сторону улицы, где в центре деревни, на помосте под соломенной круглой крышей, сидят люди. Они разложили перед собой книжки, тетради, что-то пишут карандашами. Эти крестьяне работают целый день на полях, сейчас — в перерыве — готовят уроки, а вечером занимаются в школе, которая стоит неподалеку, на той же самой главной улице.

В Эфиопии — стране древней культуры, где на протяжении двух тысячелетий велись хроники исторических событий, население было почти поголовно неграмотно.

Борьба с неграмотностью стала затем всенародной кампанией. Этапы этой кампании, как волны, один за другим штурмовали берега невежества: во всех провинциях десятки тысяч студентов и школьников учили людей в школах и на курсах. Только в одной провинции Харэрге были построены за это время десятки

Правда, неплохой урожай арбузов собрали эти ребята

школ. Стоит сказать, что более половины взрослого населения страны научились читать и писать. Недаром ЮНЕСКО присудила Эфиопии Международную премию за успехи в области просвещения.

— Видите, ребята даже в свой обеденный перерыв занимаются,— говорит Гетачеу Таддесе, подходя к помосту и подсаживаясь к нам в тень,— совсем другие люди растут, с новым отношением к труду, к своей земле. Ведь в этой деревне переселенцы все сделали своими руками — построили дома, прорыли канал, вспахали поля.

Сейчас в новые деревни для переселенцев из засушливых мест приехали на помощь добровольцы — молодежь, специалисты сельского хозяйства. Все работают там не для себя — для спасения людей...

...Большой день уже кончился, но гостеприимные хозяева кооператива не хотели отпускать нас без традицонного эфиопского обеда. Посреди большой комнаты нового дома стояли грибками круглые, плетенные из соломки столики. На каждом из них размером со столешницу лежали толстенные стопки тончайших блинов. Они были такие белые и тонкие, что поначалу мы их приняли за салфетки. Хозяева, по обычаю, вежливо приглашали нас, мы отказывались, но затем, омыв руки из кувшина, вместе уселись за столики. Прежде чем положить что-либо из кушаний, хозяева называли, что это такое. Блины-ынджера,

несколько рыхловатые, кислые на вкус, пекут из муки теффа. За обедом они традиционно для амхарского стола служат и тарелкой. На них можно было положить проперченный тыбс — жареные кусочки мяса, которые обмакивают в уот — разные соусы: овощной, рыбный, с красным перцем и еще бог знает из чего, но непременно острые. Из уважения к гостям ячменное пиво наливали обязательно через край. Когда нас потчевали лучшим куском, то подавали его из собственных рук — высокая честь для гостя...

Теперь, когда я встречаю название «Огаден», «Харэрге», то перед глазами всплывает не выжженная до желтизны плоскость саванны, а зеленый берег над Уаби-Шэбэллой. Я вижу, как от домиков, спрятавшихся в бананах, идут опаленные солнцем эфиопские крестьяне работать на своих полях, на собственной земле.

Через горы и пустыни

Эфиопии, в основном крестьянской стране, заслуженно получившей в древности название «хлебной корзины» Востока, очень нужен в последние годы хороший урожай. Особенно ждут дождя иссушенные зноем северо-восточные районы страны. Слышишь жестокое слово «засуха», и перед глазами снова встают врезавшиеся в память картины.

Вертолет Ми-8 летит над первозданным сплетением коричневых хребтов, перемежаемых рифтовыми долинами, выжженными до светлой желтизны безжалостным солнцем. Словно линии марсианских каналов, прорезают растрескавшуюся землю вади — русла высохших рек, в ложе которых только ветер гоняет маленькие пыльные смерчи.

До сих пор я слышу слова, которые еле прошелестели сухие губы седого крестьянина (у него умерла вся семья, кроме худющей, большеглазой внучки): «Земля высохла. Воды нет. Скот подох. Еда кончилась. Погибла бы вся деревня, все мы, если бы не ваша помощь...»

Маршруты отечественных Ан-12 и Ми-8 пролегли над многими провинциями Эфиопии. С продовольствием, медикаментами, одеждой они сделали тысячи вылетов, садились на неподготовленные аэродромы, крохотные пятачки и увезли от смерти из районов засухи десятки тысяч людей. А сколько раз мы видели взбирающиеся на горные кручи и в клубах красной пыли на равнинах колонны наших «ЗИЛов», везущих самые необходимые грузы в южные и западные районы страны...

Из центра Аддис-Абебы до этой окраины меня минут за пятнадцать довез Саша Тыквинский, один из специалистов автоотряда. Наша машина развернулась на просторном поле, желтом от пожухлой травы.

На нем выстроились ровными рядами «ЗИЛы». На дверцах каждой кабины нарисована эмблема: скрещенные флажки двух государств и надписи на русском и амхарском языках: «Помощь народу Эфиопии от Советского Союза». На другой стороне поля стояли десятки зеленых палаток. Успевшие уже выгореть под отвесными лучами тропического солнца, они были поставлены на тугих растяжках, обложены у основания дерном. Вокруг каждой палатки прорыты канавки.

— Надеетесь, что дождь пойдет? — спрашиваю у Тыквинского.

— А как же. И обязательно дождемся,— убежденно кивает тот. Свет

В середине 80-х годов наша страна спасла многие тысячи людей в Эфиопии от голодной смерти

низкого солнца пронизывает прямые дымки походных кухонь: от них доносится столь неожиданный здесь и очень аппетитный запах борща и каши.

— Свой хлебозавод, банно-прачечный комбинат — нормально устроились,— говорит Саша.

Потом он относит пластинки и диапозитивы в клубную машину с радиорубкой, книги — в обширную палатку-библиотеку. Над лагерем понеслись знакомые мелодии русских песен.

... Раннее утро. Жаркое солнце еще не успело растопить ночную прохладу высокогорья, а автоколонна уже вытягивалась гигантской змеей на шоссе. Она едет в город Назрет.

Назрет вырос из захудалого поселка под горой Кемеча в провинции Шоа. На окраине его раскинулся первенец эфиопского машиностроения — тракторосборочное предприятие, возведенное по нашему проекту эфиопскими строителями. Здесь собирают из деталей, поставляемых Беларусью, тракторы «Назрет». Сборкой их руководят эфиопские инженеры, прошедшие практику на Минском тракторном заводе.

Здесь же, в Назрете, распределительный центр по оказанию помощи населению Эфиопии, пострадавшему от засухи. В машины загружают мешки с зерном, и колонна отправляется на юг.

— Каждый рейс — больше тысячи тонн,— сообщает мне с гордостью один из шоферов.

...Наш «уазик» пылит по дороге. Жар хлещет в кабину вместе с пылью. Лихой шофер Володя Пройчев не без юмора называет это «сквознячком» и ездит с опущенными стеклами. Рядом со мной — один из руководителей автоотряда, Дмитрий Андреевич Матюх. Он вспоминает о первых походах колонны по жаркой эфиопской земле.

...В красноморский порт Асэб теплоход с водителями и механиками на борту прибыл под вечер, когда еще грохотали портальные краны, тянувшие свои журавлиные шеи над багряной закатной полосой и прибрежными пальмами. Асэб — это главные морские ворота Эфиопии. Здесь выгружают детали для тракторосборочного предприятия в Назрете, оборудование для совместных геологических разведочных экспедиций, работающих в Дыре-Дауа и в золотоносном районе провинции Сидамо, для мелиораторов и топографов в Гамбеле, для строителей гидроэлектростанции в Мелка-Вакана, для нефтеперерабатывающего завода, построенного в самом Асэбе.

Едва рассвело, водители стали выводить машины прямо с кормы сухогрузов на причал. Один за другим выкатывались на улицы Асэба четырехтонные «ЗИЛы» и тут же шли под загрузку пшеницей и оборудованием.

Первое испытание началось километров через сто, когда колонна втянулась в каньон. Дорогу сжали хаотические груды раскаленных камней.

— Жара была несусветная,— говорит Дмитрий Андреевич,— особенно во впадинах, даже дух захватывало. Мы это место прозвали «каменным мешком».

Колонна растягивалась на километры — от гряды до гряды. Высота перевалов доходила до полутора километров, и тяжелогруженные машины в разреженном воздухе с трудом вползали на подъем. Прошли подряд несколько перевалов, на один из них поднимались серпантином около сорока километров.

Дальше горы стали более пологими, их прорезали ущелья, расселины, зазмеились на обочинах узкие овраги. Незаметно прихлынули волны барханов. Началась пустыня, на сотни километров пустыня.

Перед усталыми, покрасневшими от солнца, запорошенными пылью глазами поплыли миражи. Метрах в пятидесяти от машины вдруг видишь: белеют дома, осененные зелеными кронами деревьев, бьют, искрятся хрустальные фонтаны; среди зыбкого озера остров, на нем качаются пальмы. Хотелось свернуть в их тень. Но под колесами машины — ясно видишь! — белеет, тает волна...

Потом и в самом деле вдоль дороги замелькали зонтичные акации, вдали пробегали антилопы и страусы. И это было уже не видение.

То вдоль трассы, то пересекая ее, и по горам и по пескам, тянулись караванные тропы. Водителей поражала их чистота: словно камни специально были выбраны с тропы до последнего, до самого маленького. По тропам то близко, то вдали, у горизонта, шли, покачиваясь, верблюды с грузами. Их сопровождали босые мужчины с длинными, загнутыми на конце, кинжалами у пояса.

У селений вдоль дороги выстраивались жители, махали руками, а мальчишки звонко кричали: «Русские едут!»

Выгоревшая земля простиралась вокруг, высохшая земля, пересекаемая узкими руслами безводных рек.

...В автоотряде собрались водители и механики со всех концов нашей страны.

4 Зак. 3126 В. А. Лебедев

В основном выпускники школ и техникумов, однако были и бывалые ребята, знающие свое дело, поездившие по Земле. Но тут все они впервые увидели лицо голода, лицо беды: брошенные дома, бурые иссохшие клочки полей, безутешное горе в печальных глазах людей.

Особенно тяжело было на стоянках: словно тени, из ниоткуда возникали люди. Рядом — ни жилища, ни воды. И вдруг на дымок походных кухонь приходили люди. Они очень хотели есть...

...Когда везли зерно из Назрета на юг, в Робе, запомнился водителям один из самых высоких перевалов. Трудное это было испытание и для людей, и для техники. Наш шофер Володя Пройчев вспоминает: «ЗИЛ» — машина выносливая, но ведь на такой высоте уши закладывало, людям дышать трудно было. И моторам не хватало кислорода, начинали захлебываться. Пришлось водителям на стоянках повозиться. Но ведь обкатались же машины».

Два раза преодолевали этот перевал, который иначе как «чертовым» не называли.

Зато однажды колонну застал дождь, правда, первый и единственный, но настоящий ливень — метрах в двадцати ничего не видно. В горах даже градом ударило. Но продолжалась эта благодать, к сожалению, всего полчаса.

...Дважды автоотряд отправлялся в рейсы с продовольствием на запад. Дорога была высокогорная: серпантины, спуски, подъемы. Да там еще и не асфальт, а гравий. Пыль и песок забивали рот, дышалось с трудом. Моторы перегревались так, что, когда колонна шла ущельем, рычали почище львов! Казалось, от их рева рухнут каменные стены.

Зато раем показался привал в районе Джиммы, на большой реке Гибэ. Не доезжая до города, колонна останавливалась, разворачивали кухню. Заядлые рыболовы успевали даже рыбки половить на уху; там, где буйная растительность немного отступала от берега, поражало всех изобилие гусей и уток. Стерегли добычу орлы. У одного рыболова орел вырвал рыбину прямо из рук. А вдали в реке резвились бегемоты: с шумом выныривали, блаженно плескались. У лагеря один парень поутру лицом к лицу столкнулся с бегемотом. Бегемот добродушно взглянул на него и неторопливо потопал в прибрежные кусты. И на морде его, казалось, было написано: «Ну чего, бегемота, что ли, не видели?»

Когда второй раз приехали в Матту, крестьяне с помощью государства возвели там поселки для переселенцев. Правительство предоставило переселенцам землю, машины, семена. Сюда привезли жителей из засушливых районов. Когда те увидели наши «ЗИЛы», очень обрадовались, как родным. Оказалось, что они видели колонну раньше возле Асэба. И теперь знали: «Русские — хорошо». Так и говорили водителям.

Провинция Уолло — одна из самых засушливых в Эфиопии... Здесь из города Комболча, в котором находится центр распределения чрезвычайной помощи, Ми-8 доставляют продовольствие в горы, в Лалибелу. Прежде чем вертолет сядет на площадку над обрывом, сверху можно увидеть древние храмы, вырубленные в скалах. Здесь когда-то было королевство Ласта, а сейчас Лалибела — центр области Ласта.

У пустынных клочков полей, отороченных бесполезной оградой из камней, жмутся заброшенные жилища. Около них не то что человека — собаки не сыщешь. На зеленые когда-то склоны и долины засуха бросила черную тень бесплодия и смерти.

В передвижном госпитале

Впереди по курсу светлеют ряды палаток. Садимся на небольшой пятачок посадочной площадки, где в ожидании вертолета застыла толпа людей в белых накидках. Рядом груда нехитрых пожитков: корзинки, посуда, джутовые мешки с одеждой. За ними под тентом раздают изможденным людям еду в мисках, а в большой палатке работают врачи и фельдшера. Вдали, у подножия холма, видны бугорки могил, и несколько человек копают новые — очень много жизней унесли засуха и болезни. Поэтому здесь так ждут прилета спасительных вертолетов.

Эти палаточные городки переселенцев — настоящие оазисы в районах засухи.

Пилоты Аэрофлота навели воздушный мост между Комболчой и поселками Чет, Мэканэ-Селям, Огельбена. Улетая из родных, привычных мест, переселенцы бросают прощальный взгляд на пересохший ручей, на бесплодное теперь поле у брошенной хижины.

Такой же видел Эфиопию я, когда пролетал над засушливыми районами.

— «Антей» открыл воздушное сообщение между нашими странами,— говорит командир корабля Валерий Воробьев.— Мы уже доставили в Аддис-Абебу вертолеты. Теперь вот на борту целый госпиталь.

К разговору прислушивается, склонившись к иллюминатору, Николай

Владимирович Ярмоленко. Именно он, главный врач, руководит работой госпиталя.

— Наши врачи-хирурги, анестезиологи, терапевты, инфекционисты — специалисты опытные. Поедем туда, где людям больше всего нужна медицинская помощь,— в голосе Ярмоленко беспокойство,— но госпиталю обязательно нужно место рядом с водой. Требуется огромное количество воды. Везем с собой водно-фильтровальную станцию. Тогда наша поликлиника сможет пропускать ежедневно до пятисот больных...

...В аэропорту Аддис-Абебы Валерий Воробьев приземлил громадного «Антея» мягко и точно. Выгрузил госпиталь беспокойный Ярмоленко. И увез его через несколько дней на машинах в провинцию Уоллега. Госпиталь развернулся около поселка Асос, где живут десятки тысяч переселенцев.

Разведка в саванне

Ан-26 — самолет нашей нефтепоисковой экспедиции в Эфиопии — взял курс на равнины плато Огаден.

Под нами сменялись картины Эфиопского нагорья, «африканского Тибета», где высохшие русла рек петляли меж горных круч. Молодая амхарская пара — судя по нарядной одежде и радостному выражению лиц — молодожены, дружно ойкала, когда самолет проваливался в воздушные ямы, и еще крепче прижимала к себе плетеные корзинки.

Трое геологов в штормовках невозмутимо сортировали письма, деловито доставая их из объемистого бумажного мешка.

Заметив мое любопытство, один из них, худощавый, спортивного вида, удовлетворенно пояснил:

— Новогодняя почта пришла. Заждались ее ребята в саванне...

Здесь началось мое знакомство с Владимиром Ивановичем Юрийчуком, техническим руководителем по бурению. Очень удачное для меня знакомство.

Прилетев в Дыре-Дауа, третий по величине город в стране, я поначалу занес вещи в гостиницу городка отечественных специалистов. О таких домиках — с кондиционерами, ванной, кухнями с холодильниками и газовыми плитами — мечтают в жаркой саванне.

Под балконом росли сиреневые джакаранды, розовые бугенвиллеи и тюльпанные деревья, красные цветки которых торчали из листьев вверх, как свечи,— сущий рай в пыльном Дыре-Дауа. Я пошел к Юрийчукам.

Две грядки были вскопаны перед их домом. На одной кланялись под африканским ветерком белые головки ромашек, на другой топорщились иголочки укропа.

— Жена по батькивщине тоскует,— кивает на грядки Владимир Иванович, обрезая с невысокого деревца под окном продолговатые зеленые плоды.— А это местная экзотика — папайя, весьма полезный фрукт. Все растет здесь быстро. Теперь только знай урожай снимай. Куст помидоров жена посадила, так подряд три месяца помидоры со стола не сходили. Конечно, вода нужна да руки приложить требуется.

В прохладной гостиной дожидался накрытый стол, обнаруживая вкусы хозяев, явно выросших не на эфиопской земле. В тарелках дымился украинский борщ, отварная рассыпчатая картошка в окружении лука и укропа, а в центре

стола красовалась миска с квашеной капустой. Правда, за десертом мы отдали дань «экзотике» — разрезали вынутую из холодильника папайю, но зато с собственной грядки.

Хорошо вернуться в такой обжитой дом из саванны, попариться в баньке, отдохнуть с семьей, а потом снова на самолете, как на «вахтовке», лететь со своей сменой на буровую.

Словно прочитав мои мысли, Владимир Иванович поднялся:

— Встаем чуть свет — завтра летим на буровую. Завернем в поселок Годе, заодно побываете в гостях у сейсмологов...

На базу сейсмической партии едва не опоздали: топограф Василий Петрович Шапкарин уже ждал в машине. «Уазик» запылил по «саванной дороге», ровной полосой, как просека среди пожухлой от жары травы и колючих кустарников, уходящей к белесому горизонту.

— Сейчас едем в район работы сейсмостанции. Там сейсмологи работают на профилях, а мы, топографы, эти профили, маршруты для них разбиваем на карте и на местности. Видите, на этой сковородке топографу глазом не за что зацепиться.— Шапкарин рукой обвел безбрежно-унылые просторы саванны.

По краям дороги замелькали колышки-пикеты, обозначающие место установки сейсмографов.

— Видите, от сейсмографов тянется кабель для передачи сигналов на сейсмостанцию. А вон и станция. Целая передвижная лаборатория.— Шапкарин выскакивает первым из «уазика» и подходит к одному из четырех вибраторов с поднятыми «лапами» — железными плитами.

— Иван Алексеевич,— кричит он в высокую кабину машины,— принимай гостя...

Карабкаюсь по ступенькам, Иван Алексеевич Кривоногов, оператор вибратора, втягивает меня за руку в кабину и поспешно захлопывает дверцу: «Давай быстрее, весь холод выпустишь». Я опускаюсь на чистенькое сиденье, и прохлада охватывает меня — блаженство после раскаленного пекла саванны.

— Неплохо живем? — шутливо спрашивает Кривоногов, заметив, как я оглядываю обтянутую материей кабину с кондиционером, наглухо изолированную от внешнего мира.— Сейчас поймешь, зачем это надо...

Из микрофона вдруг раздается голос: «Поднять давление...»

— Володя Маринин командует, оператор сейсмостанции, земляк мой, тоже саратовский,— комментирует Иван Алексеевич, и — в микрофон:

— Включаю пульт...

Он неторопливо что-то переключает на электронном пульте. Затем, строгим голосом:

— Второй готов...

Значит, так же отвечают остальные операторы. Одновременно у всех четырех вибраторов ступни металлических плит тяжело опускаются на землю. С сейсмостанции раздается команда: «Работаем!», и там нажимают кнопку с коротким словом «Пуск».

От вибраторов идет глухой гул, трясет даже в кабине. Когда же стоишь на земле, то подошвами чувствуешь, как она содрогается. Начинаешь физически понимать избитую фразу: «Земля задрожала под ногами». Из-под плит вибратора вспухают клубы пыли, и в кабине становится сумрачно. А механику — хоть бы что, он еще мне объясняет:

— Теперь оператору надо быть внимательным: и вибратор ведь работает на одном месте восемь секунд, затем автоматически выключается, плиты поднимаются. ...Итак, поехали! Четыре метра — стоп! И тут нельзя зевать — вместе со всеми успевай опускать плиты на землю. Опоздал — вибратор включился, а плита еще в воздухе, значит «схватил трясучку»... Вибратор из тебя всю душу вытрясет. Пыль столбом — ничего не видать, ад кромешный...

Бывает иногда, что опорные плиты попадают на камни и трескаются. Опять же нужно глядеть в оба, чтобы на мину не угодить. Таких случаев у нас не было, но эфиопские саперы до сих пор мины находят — следы войны с Сомали.

Проходят секунды, кончается тряска, плиты ползут вверх. Кривоногов нажимает педаль, и машина делает рывок вперед. Снова гул и дрожь земли. Сквозь пылевую завесу маячит красное солнце саванны. А в недра разбуженной земли вибраторы посылают сейсмические волны. Отразившись от пластов разной глубины залегания, они возвращаются наверх. Здесь отраженные сигналы улавливает аппаратура станции, обрабатывает их на ЭВМ. Кассеты с магнитограммами отправляют на самолете на базу нефтепоисковой экспедиции в Дыре-Дауа. Там в вычислительном центре их расшифровывают и составляют геологические структурные карты. По ним определяют уже новые, перспективные точки бурения.

На прощание Кривоногов наливает мне кружку чая из термоса:

— С лимоном, очень полезно в здешних местах.

— А вы как же? — пытаюсь отказаться.— У вас же целый день впереди...

— А я привык к жаре,— добродушно бурчит Иван Алексеевич.

Вездеход Шапкарина доставляет нас в срок на аэродром в Годе, и Ан-26 берет курс на буровую.

В самолете каждый устраивается как может: кто на сиденьях, подпираемых какими-то запчастями, мешками с продуктами и даже жестяными коробками с кинолентами, а кто прямо на грузах, покрытых брезентом и стянутых веревками. Со мной рядом — Юрийчук и эфиопский геолог.

— Знакомьтесь, Абдульфаттах Ибрагим,— кивает Владимир Иванович на кудрявого молодого человека с остренькой бородкой,— набирался вначале опыта у нашего старшего геолога Ивана Николаевича Малярчука, а теперь работает самостоятельно.

Неожиданно тот заговаривает со мной по-русски. В поездке мне уже неоднократно приходилось убеждаться, что эфиопы очень способны к языкам и часто владеют несколькими. Оказалось, что Абдульфаттах местный, вырос в деревеньке под Дыре-Дауа.

— Вернулся после учебы домой — ахнул, как все изменилось! — восклицает Абдульфаттах.— Строительство в Дыре-Дауа, поиски нефти в саванне. Знакомую с детства деревню не узнал: создан кооператив, открылась школа и детский сад, а мой неграмотный сосед, отроду не бравший в руки газеты, сел за школьные учебники.

Владимир Иванович с уважением говорит об упорстве и настойчивости эфиопских специалистов в поиске природных богатств в Огадене. Исходя из геологического строения района, в Огаденском бассейне весьма вероятны залежи фосфорита. Но главное, конечно,— нефть. Поисками ее занимались западные фирмы, но нашли лишь немного газа.

Сейчас стране нефть обходится дорого, приходится за нее платить золотом,

хлопком, кофе. Весь народ ждет открытия месторождений нефти.

— На посадку идем,— выглядывая из пилотской кабины, предупреждает командир самолета Казанцев.

Еще перед вылетом из Дыре-Дауа, знакомя меня с экипажем, Юрий Алексеевич пошутил:

— Команда «воздушного трамвая». Буровиков на работу возим. Правда, подчас легче в Аддис-Абебу слетать, чем их из саванны доставить. Здесь налетали больше, чем за всю жизнь. Возим все, даже воду, одним словом, обеспечиваем бесперебойную работу бурового оборудования.

Затем добавил:

— Мирные полеты — любые хороши.— Казанцев кивнул в сторону соседней взлетной полосы. Там замер пузатый и пятнистый транспортный самолет ФРГ. Но рядом с черным крестом и военной геральдикой на фюзеляже, по которым можно даже определить подразделение бундесвера, откуда прилетела машина,— голубая надпись: «Полет милосердия». С самолета выгружали мешки с пшеницей.

Хотя на эфиопских аэродромах самолетов ФРГ и США меньше, чем Аэрофлота, но хорошо, что они прилетели сюда с мирными грузами.

Наши буровики вместе с эфиопскими специалистами ведут в пустыне Огаден разведку нефти

...Наш Ан-26 снижается, делает заход над небольшим полем с пожухлой травой.

У края травяного аэродрома ждут автомашины: прибыли за новой сменой и грузами. Вначале я не понимаю, почему мне предлагают сесть в кабину именно головного грузовика. Но через несколько километров все становится ясно. Первое впечатление от езды по саванне — пыль. Жирная красная пыль забивает нос, глаза, уши, покрывает руки таким толстым слоем, что можно на коже писать и рисовать.

Каменистый участок дороги кончается, и колеса машины погружаются в глубокие разбитые колеи, заполненные мельчайшей пылью. Машина по кузов плывет в мягких, упругих волнах.

По сторонам верстовыми столбами мелькают красные термитники. Одни похожи на пирамиды, другие — на глиняные вазы с растущими прямо из них деревьями. Обожженная солнцем красная земля термитников, казалось, мертва. Только казалось. Под спекшейся крепче цемента коркой творился таинственный круговорот жизни. Термиты — древнейшие насекомые, предки которых парили

над гигантскими папоротниками еще четверть миллиарда лет тому назад...

Дорога уводит нас дальше в глубь саванны, и начинаешь замечать признаки жизни. Вот два мангустика, вытянув пушистые хвосты, проскочили перед самым носом машины. Можно было даже заметить поперечные полоски на их спинках.

— Облегчают нашу жизнь эти зверьки,— замечает водитель Юрий Житченко.— Как только на новое место переезжаем, под вагончиками тут же поселяются змеи. Сильно ядовитый укус у них, говорят эфиопы. Ну а мангусты, известные ловцы змей, их в страхе держат. По утрам ноги в сапоги не вздумай сунуть — сначала их требуется вытрясти как следует. Не только змеи — скорпионы частые гости.

Стаей промчались легконогие маленькие антилопы с закинутыми назад острыми рожками, мелькнув белыми задиками. Следом желтой молнией сверкнул, словно спринтер, рвущий финишную ленту, стремительный зверь.

— Ух, как гончая пролетела...— вздохнул мгновение спустя Юрий.— Чемпион среди зверья по бегу — гепард. Гнал «томми» — газелей Томсона. Они быстрые, увертливые, самые мелкие из стадных антилоп, их в саванне много. Но «томми» от гепарда не убежать. Иногда едешь, а он вдоль дороги несется, в момент машину обгонит, и нет его — исчез за кустами. Но о гепарде все знают, что хороший охотник, а ведь гиены, если стаей накинутся — много могут антилоп порезать.

До приезда в Эфиопию мне, как и многим, казалось, что гиены — трусливы и способны лишь воровать остатки добычи у львов или леопардов. Оказалось, однако, что пятнистые гиены — сами неутомимые и смелые охотники, а крупные хищники часто лишь отгоняют их от законно принадлежащей им добычи. Гиены к тому же хитры и изобретательны: заходят в города, даже в Аддис-Абебу, проникают в хозяйственные постройки, губят домашний скот и даже могут напасть на человека. По африканским поверьям, нос убитой гиены дает человеку необыкновенное чутье и приносит ему удачу...

На плоской саванне, которую слегка разнообразили лишь приплюснутые шапки зонтичных акаций, возникла резкая вертикаль.

— Вышка,— показал вперед Житченко.— На пятьдесят метров поднимается, как семнадцатиэтажный дом. Собираем ее вначале в горизонтальном положении, потом ставим. А вот с перевозкой мучались. Но наши буровики придумали свой способ, как легче такую махину транспортировать...

Выпрыгнув из машины, мы на ходу пытаемся отряхнуть пушистую пудру пыли, и Владимир Иванович Юрийчук и Абдульфаттах ведут к буровой установке.

У пульта бурильщика — коренастый Житченко в испачканной мазутом майке и желтой каске на голове. Наши бурильщики работают вместе с эфиопскими — Абрахамом Бизунехом и Алему Мулеттой, прошедшими хорошую стажировку. Шел подъем бурильного инструмента после отбора образца керна с больших глубин.

— Буровая установка у нас надежная, и люди умелые. Вон Малярчук о себе говорит: «Вся жизнь скважины — моя работа, моя жизнь».— Владимир Иванович опирается о железный поручень смотровой площадки, вглядываясь в широко распахнутую саванну.

Позже, в лаборатории, я видел, как Малярчук и Абдульфаттах, обсуждая последние результаты бурения, ласково поглаживали образцы керна.

Уже когда я садился в машину, чтобы отправиться в обратный путь к самолету, подошел Иван Николаевич Малярчук и протянул черный пакетик:

— Это снимки страусов. Вы вот о животных саванны расспрашивали, а они у нас на буровой жили.

Началось с того, что однажды к вечеру в кустах заметили за красными термитниками торчащие на длинных шеях головы страусят. Вероятно, отбились от семьи, хотя обычно страус-папаша выкапывает ямку и насиживает яйца, которые ему подкатывает страусиха. Папаша и разговаривает со страусенком, когда тот подает голос из яйца. Наконец, страусенок пробивает себе путь к свету сквозь скорлупу. Это нелегко, ибо у страусиного, самого большого в природе яйца стенки не уступают по толщине фаянсовой чашке. Заботливый папаша охраняет птенца от гиен и других опасностей. Но эти, видно, заблудились в саванне и скоро «прописались» на буровой. Они очень привыкли к людям и бегали за ними, словно собачки. Особенно полюбили они эфиопских поваров. Страусята с огромным удовольствием выхватывали прямо из алюминиевых тарелок буровиков куски мяса. В своей прожорливости они доходили до того, что проглатывали гайки и другие железные предметы, особенно блестящие. Желудки страусов, погибших в зоопарках, напоминают городскую свалку, хотя чаще всего к печальным последствиям это не приводит. Те камни, которые страусенок заглатывает с детства, могут перетереть любой невероятный предмет, попавший волею случая в его желудок. Когда пришло время буровой переезжать на новое место, страусята уже выросли и могли остаться без опеки...

Обратный путь по красной изнурительной дороге подарил нам еще одну встречу.

Когда машина выбиралась из очередной колдобины, из-под колес метнулся коричневый ушастый клубок.

— Ну чисто, як зайчик,— жалостно охнул шофер,— чуть не придавили.

Крошечная антилопа, отбежав немного, остановилась под колючим кустарником, казавшимся ей, такой маленькой, надежной защитой от рычащего чудовища. Она удивленно смотрела нам вслед, и мне почему-то сразу вспомнился перевод слова «антилопа» — «ясноглазая». Конечно, не было видно выражения ее огромных глаз. Но фигурка ее до сих пор стоит передо мной: хрупкая, на тоненьких ножках, беспокойно насторожив ушки. Если бы оказаться рядом с тем колючим, спрятавшим ее кустом, то можно было бы услышать короткие звуки: «дик-дик», которые всегда издает это хрупкое существо от испуга.

Поэтому и называют эту антилопу, рост которой не превышает тридцати сантиметров, «дикдик».

Может быть, небольшой рост да быстрые ноги главное преимущество дикдика, когда он спасается от хищника. Вряд ли тот сунет свою морду в колючие заросли.

К человеку дикдики весьма доверчивы. Слишком доверчивы. Они подпускали к себе жителей саванны, и те убивали беззащитных животных броском палки. Из нежной кожи этих антилоп делают отличные перчатки. Но одна маленькая антилопа — одна перчатка. Поэтому требуется много шкурок. В 60-е годы, например, из Сомали ежегодно вывозили сотни тысяч шкурок дикдиков.

Об этом я узнал позже, и вспомнился мне робкий дикдик, глядящий вслед нашей машине с обочины красной дороги...

Уставшие рабочие безмолвно улеглись на сиденьях и грузах.

Большой день саванны подходил к вечернему краю, солнце касалось горизонта, когда самолет разбежался по полю, взлетел. Саванна тихо растаяла внизу в красных тучах взметнувшейся пыли.

На золотых приисках

В городе Дыре-Дауа я познакомился с нашими соотечественниками-геологами, которые вдоль и поперек исколесили и прошагали страну, отыскивая залежи полезных ископаемых. Сотрудничество началось еще в 70-е годы. Именно тогда Владимир Казьмин за несколько лет составил мелкомасштабную геологическую карту страны.

Мне рассказали о русском горном инженере Н. Н. Курмакове, который в 1903 году, при разведке золота, обнаружил здесь платину. Это месторождение было практически выработано еще при императоре Хайле Селассие, в годы правления которого хищнически эксплуатировались и золотые прииски Адолы, что на юге страны, в провинции Сидамо.

Много полезного я узнал от Виктора Михайловича Шульги, геолога из Казахстана, обучающего эфиопских коллег методике картирования и поисковым работам.

— Все «сливки» были сняты еще до революции: ведь добыча золота шла на поверхности. Поэтому группа наших геологов прежде всего занялась среднемасштабным картированием золотоносного района в провинции Сидамо. Составила обстоятельную геологическую карту и... открыла в Эфиопии крупное месторождение коренного золота. Первое такое важное открытие наших геологов здесь,— подчеркивает Шульга.— Теперь проводится разведка, подсчет запасов золота, определяется технология добычи — занимается ею государственное предприятие «Адола-голд».

— Я бывал в районе Адолы с эфиопскими геологами — замечательное получилось путешествие,— говорит Шульга.

...Дорога из Аддис-Абебы в провинцию Сидамо идет по высокогорью. В низинах зеленеют тропические растения, растут диковинные плоды, а неподалеку — выжженная солнцем саванна.

Постепенно дорога спускается в рифтовую долину. Великий Африканский рифт, или грабен — гигантский разлом в земной коре,— пересекает Эфиопию от Красного моря и дальше уходит в Кению и Мозамбик. К западу от него поднимается Эфиопское нагорье. Рассеченное долинами рек, оно таит в своих недрах под вулканическими покровами залежи рудоносных пород. С востока к рифту примыкает нагорье Сидамо, увенчанное высокими вершинами гор.

Стройные эвкалипты в серебристой листве аллеями тянутся вдоль эфиопских дорог, толпятся вокруг селений. Попали они сюда в конце прошлого века, когда около новой столицы сильно поредели леса, изведенные жителями на строительство и топливо.

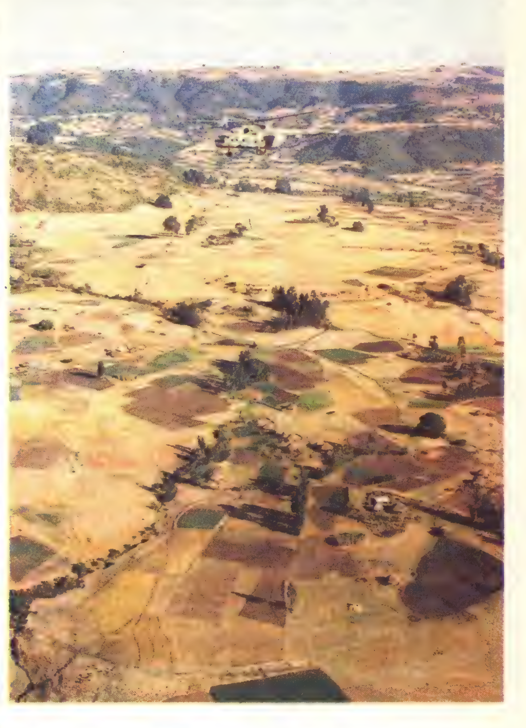
Под руководством Управления развития лесоводства и охраны живой природы в стране стали по-настоящему восстанавливать леса, заниматься высадкой саженцев.

По дороге из Аддис-Абебы в провинцию Сидамо мы постоянно встречали террасы, обложенные камнями и обсаженные для удержания почвы ровными

рядами деревьев. А немного подальше увидели светло-зеленую стену молодых деревьев — целую рощицу эвкалиптов. Рядом школьники старательно копали землю, высаживали новые саженцы этих деревьев. Здесь вырубали старые деревья на строительные нужды, а теперь лет через семь зазеленеет новая роща. Выручает местных жителей быстрорастущий эвкалипт.

Когда едешь по дорогам Эфиопии, то видишь, как поднимаются целые леса тоненьких молодых деревцов — зеленый заслон против засухи, надежда на новые богатые урожаи.

Вытянувшиеся вдоль дороги глубокие озера манят проезжих прохладой своих вод. Самое северное в цепи этих рифтовых озер — пресноводное озеро Звай. Здесь можно остановиться на рыбалку: попадаются крупные сомы на 40—50 килограммов. Пока выберешь место, в воздух поднимутся тучи вспугнутых птиц: розовые фламинго, пеликаны, журавли, аисты, цапли, ибисы, выделяющиеся изогнутыми клювами и черно-белым оперением. А выше всех парит африканский белогрудый орел-рыболов.

Эфиопское нагорье

Соседнее озеро Лангано — любимое место отдыха и купания столичных жителей. В последние годы озеро привлекло внимание геологов и энергетиков. Зона рифтовой долины — обширный вулканический район — перспективный источник тепла. Четыре скважины, пробуренные близ Лангано, добрались до глубинных источников с температурой воды 320°С. Специалисты геотермального проекта в Аддис-Абебе считают, что ресурсы подземного тепла в районе Лангано со временем позволят удовлетворить потребности Южной Эфиопии в энергии. Более того — дешевая энергия позволит сократить импорт нефти.

За озерами, насколько хватает взор, раскинулось желтое полотно саванны, утыканное, словно гигантскими грибами на тонких ножках, зонтичными акациями. Повсюду видны бурые пирамиды термитников.

Вскоре появляются покрытые зеленью останцовые базальтовые горы с отвесными склонами, издали похожие то на сторожевые башни, то на средневековые замки. Эти столовые горы называются «амбы». В старые времена они служили естественными крепостями для населения во время войны. На неприступных горах возводились военные укрепления, строились монастыри. Но эти же обрывистые амбы использовались местными правителями и как место ссылок и тюрем.

После Ауасы — центра провинции Сидамо — начинается настоящее буйство

зелени: рощи, засеянные поля, снова чащи деревьев. Очень много рощ зеленого бамбука. Встречаются деревни, более «африканские» по виду, чем в провинции Шоа, где находится Аддис-Абеба. Вытянутая вдоль дороги деревенская улица застроена хижинами-тукулями.

Возвращаются после работы крестьяне с мотыгами на плечах. Деревни окружены полями кукурузы и теффа. Этот местный невысокий злак с маленькими зернышками занимает заметное место на эфиопских полях, что, на первый взгляд, странно: урожайность его невысока — меньше, чем у ячменя и пшеницы. Разгадка проста — зерна теффа содержат много железа, так необходимого человеку при скудном кислородном пайке в условиях высокогорья. Культивируя издавна это полезное растение, крестьяне высевают красный тефф и черный (разница — в цвете семян), но особенно выделяют белый тефф, из которого выпекают ынджеру — кисловатые блины, которые заменяют эфиопам хлеб.

В одной деревне машина еле пробралась сквозь разношерстное стадо, состоявшее из зебу, овец, коз. На эфиопских дорогах стада сильно мешают в базарные дни, когда чего только не везут и не несут на продажу крестьяне, одетые в нарядные шаммы — белые накидки с вышивкой по краям.

В общей толпе легко распознать горцев: в коротких штанах они восседают на разукрашенных лошадях.

На повозках груды длинных белых арбузов и зелено-желтой папайи, огромные рыбины и бараньи туши. В больших мешках тащат уголь из древесины акации и связки сахарного тростника. Привлекают взор калебасы — сосуды из высушенных тыкв — самых разных форм, украшенные сыромятными ремешками и ракушками на нитках. В одних калебасах несут молоко, в других — свежее деревенское масло, а в сосудах побольше или в глиняных горшках — мед, только что вынутый из сот.

Вдоль дороги встречались крупные одиночные деревья с причудливыми стволами и кронами — «варка», или «шола» — по-амхарски. На верхних толстых ветвях можно было заметить колоды, похожие на елочные хлопушки. Это пчелиные ульи. Эфиопские пчеловоды выдалбливают их из метровых чурбаков. Мед вынимают прямо с сотами. Опытный пчеловод знает секреты ремесла и потому не боится диких пчел, которых очень много в Эфиопии.

После Ауасы машина въезжает под густые своды тропических деревьев, увитых лианами. Начинается один из нетронутых лесов, которыми славится провинция Сидамо.

Первыми, довольно недружелюбно, встретили машину бабуины. Будучи обеспокоены, они обнажают большие клыки, а вздыбившаяся капюшоном на плечах шерсть должна служить грозным предупреждением для всех врагов. Еще от первых африканских путешественников дошли легенды, что бабуины могут сбрасывать на людей камни со скал. Во всяком случае, крестьяне окрестных деревень жалуются на стада обезьян, совершающих разбойничьи набеги на поля и поедающих все подряд. Участников одной экспедиции бабуины и вправду обстреляли камнями.

Удалось встретить в лесу и эфиопских эндемиков.

Проплыл над головами черный, с белым пятном на затылке ворон, размеренно махая крыльями и с достоинством неся толстый клюв. В той стороне, где он скрылся за деревьями, мелькнула абиссинская гвереца. Она осторожна, даже пуглива. Такой ее сделали браконьеры.

До сих пор при отлове черно-белых гверец местное население пользуется старым, довольно варварским способом. При облаве ловцы бегут по лесу и криками, ударами палок по стволам загоняют обезьян на высокое дерево. Пока гверецы прячутся в густой кроне, охотники поспешно вырубают вокруг деревья. Теперь путь зверькам к отступлению отрезан. А у подножия ствола, в ветвях которого спасаются обезьяны, складывают огромную кучу ветвей и листьев и окружают ее сетью. Затем высокое дерево подпиливают: оно дрожит, и напуганные гверецы начинают прыгать вниз. Обезьяны одна за другой ныряют в кучу ветвей, исчезают, а потом выпрыгивают прямехонько в сеть, где их прижимают рогатинами и прячут в клетки, прикрытые пальмовыми листьями. Так можно отловить довольно большое стадо черно-белых гверец.

Чтобы не спугнуть обезьян, машину оставили на дороге и тихо двинулись в глубь леса. Внезапно над головой зашелестела листва. Вверху, в кроне развесистого дерева, опутанного лианами, спокойненько сидела стая гверец. Одна мамаша прижимала к груди совсем беленького малыша. Держась за толстые сучья хвостами, обезьянки лапами пригибали ветки к уморительно-серьезным мордочкам и чинно щипали листья губами. Только кормежка эта происходила на высоте примерно пятиэтажного дома. Вот с такой-то верхотуры гверецы, заслышав внизу подозрительные шорохи, и стали нырять вниз, как прыгуны с вышки. В десятке метров над землей они перескакивали с ветки на ветку, совершали гигантские прыжки, «приземляясь» на дальние ветви легко и точно. Их полетам в воздухе, совершенству владения телом могли бы позавидовать лучшие гимнасты.

Гверецы шли по верхним ветвям деревьев, перелетая с кроны на крону, как стремительные черные птицы с развевающейся белоснежной бахромой. Осталось острое чувство вины перед этими безвредными жителями горного леса, которых безжалостно уничтожают и по сию пору, несмотря на все запреты.

...Тропический лес выпустил из своих цепких объятий машину, и внизу в котловине показалась речка Авата. Впереди, совсем близко — в двух километрах — поселок Шакиссо, где живут геологи. Но, даже одолев тяжелую дорогу к Адоле, въехать в золотодобывающий район непросто. Сначала надо пройти досмотр на расположенном перед мостом контрольном пункте. Машина останавливается на берегу неширокой, но полноводной речки. В ожидании осмотра все глазеют на только что сменившегося охранника, который закинул удочку прямо с моста. Еще никто не успел сообразить, что же тут может ловиться, как рыболов молниеносно выдернул леску из воды. Довольно необычная добыча попалась на крючок: вокруг лески свилось в кольцо создание, напоминающее змею. Эту похожую на угря рыбу, живущую в здешних речках, называют «менжелик». Еще секунда, и хитрая рыба сорвалась бы: она обматывается вокруг крючка, делает резкий рывок и, обрывая леску, уходит в речную глубину...

Так же неторопливо несла свои воды речка Авата и в старые времена. Все золото в ней тогда принадлежало императору Хайле Селассие, который ссылал сюда провинившихся, неугодных ему людей со всей Эфиопии. Жили они в поселениях-лагерях, в грязных, кое-как слепленных лачугах. Кормили каторжан впроголодь, а трудиться заставляли целый день — пока была видна галька в ручье. Подневольные старатели искали в россыпях на речках и ручьях крупинки золотого песка. Люди и помирали в этих гиблых местах эфиопского

клондайка — сколько бы ни удавалось им намыть золота: драгоценный металл не спасал от рабства.

Местное население до сих пор моет золото вручную — особенно в западных районах страны. Нилоты — иногда целыми семьями — бродят по руслам речек в поисках золотого песка: женщины — в одних юбочках, мужчины — в белых рубахах и коротких штанах, дети — голышом.

Старатели выбирают подходящее место, располагаются на плесе или мелководье и раскладывают свои «батиасы» — лотки для промывания песка. Они круглые, выдолблены из дерева и похожи на большое неглубокое блюдо.

Вначале золотоискатель достает лопаткой с речного дна гальку и песок и кидает в деревянный лоток. Затем руками мнет породу — размывает глину, выбрасывает камни. Остается песок. Снова набирается вода в батиас, и старатель начинает делать мягкие круговые движения, потряхивая лоток. Одновременно он перемешивает песок и понемногу сливает воду через край. Постепенно на дне остается черный шлих. Старатель осторожно стряхивает его в чашечку, чтобы уже оттуда выбрать золотой песок. На фоне черного шлиха хорошо заметны блестящие крупинки золота. Грубые пальцы золотоискателя аккуратно выбирают их из чашки и складывают в тряпочку. У каждого старателя своя тряпочка, свой драгоценный белый узелок с золотом.

Мыть золото — работа утомительная, требующая сноровки и терпения. Когда один высокий нилот в круглой шапочке предложил гостям свой батиас: мол, попробуйте,— у наших геологов ничего не получилось...

Машина въехала в поселок Шакиссо, где расположились русские геологоразведчики и группа по добыче золота. У домика, в котором производится камеральная обработка материалов, гостей встречал руководитель группы, геолог Павел Иванович Ролдугин. Коренастый, в тенниске и джинсах, он стоял под тюльпанным деревом, в зелени которого пламенели анютины глазки, как в средней полосе России. Ролдугин из Липецка, добывал золото в Туве, а вот теперь занимался золотом в Адоле, рассказывать о приисках которой может часами. Например, о месторождении коренного золота Лега-Демби, недавно открытом нашими геологами.

— Что же мы тут время теряем,— спохватывается Павел Иванович.— Лучше посмотрите сами — до Лега-Демби рукой подать. Поехали...

До этого месторождения действительно всего десять километров, но по узкой дороге, сжатой с обеих сторон плотными джунглями, не очень-то разгонишься. Наконец впереди послышался шум. Слезаем с машины и поднимаемся по крутой дороге, прорубленной в высоком лесу: на десятки метров взметнулись голые стволы огромных деревьев (местное название «зыгбы»).

За деревьями виднеются на расчищенных площадках ажурные фермы передвижных буровых установок. Издали заметно, как вокруг суетятся люди. Доносится спокойный ровный гул дизеля. Эфиопские рабочие трудятся здесь под руководством наших буровых мастеров.

Тот, что повыше, стройный улыбчивый блондин,— сибиряк Юрий Соломенный, а второй — бородатый, плотный, в надвинутой на лоб кепочке — Анатолий Григорьев из Самарканда. Сказать о Соломенном, что он специалист широкого профиля — значит, ничего не сказать. Юрий может все: он токарь, сварщик, слесарь...

Григорьев — знаток технологии алмазного бурения. Чтобы определить, насколько далеко простираются золотоносные кварцевые жилы, надо бурить скважины. А при бурении крепких пород без алмазных коронок не обойтись.

Вот и сейчас эфиопские бурильщики меняют коронку.

— Ничего не попишешь, пошли крепкие породы — бур быстро стирается,— объясняет Анатолий Григорьев.

Абрахам Белау старательно навинчивает изящную алмазную коронку на трубу. Эфиопские бурильщики с помощью лебедки опускают собранный снаряд в скважину. Затем наращивают трубы и приступают к бурению, включив насос для подачи воды. Тем временем усиливается гул дизеля, бур набирает обороты.

— Мы бурим скважины до глубины трехсот метров, чтобы проследить золотую жилу,— объясняет Юрий Соломенный, подтягивая голенища бывалых «кирзачей».

Спускаемся по склону ниже буровых установок. Там, у подножия горы, устье разведочной штольни. В тоннеле темновато, можно споткнуться о рельсы. Здесь будет электровозная откатка — ведь подземные выработки протянутся далеко в глубь горы. Этот тоннель очень нужен для определения запасов золота.

— Дело идет неплохо. Лега-Демби станет в будущем надежной базой золотодобывающей промышленности Эфиопии,— подводит итог разговору геолог Ролдугин.— В непривычных условиях наши ребята оказались людьми высшей пробы. Такие же работают и на соседнем месторождении Келеча. Заедем? Там добывают золото...

Снова машина пробирается по джунглям, затем, покружившись, останавливается в котловине, у бегущего по дну ручейка.

Справа от дороги развернулась панорама механизированной добычи рассыпного золота Келечи. Насосы неутомимо качают воду из ближайшей запруды.

Раньше на отмелях этой речушки босоногие старатели с лотками высматривали в песке золотые искорки. Сейчас тот же самый песок переносится лентами транспортера на промывку, а затем в специальные шлюзы, где оседает золото...

На обратном пути машина на несколько минут останавливается у кромки джунглей.

Несколько дней назад геологи так же возвращались домой на «уазике». Дорогу перебегали обезьяны, машина шла медленно. Вдруг впереди, как призрак, возник большой пятнистый зверь. Возможно, он выскочил из зелени кустов или спрыгнул с толстой ветки, распростершейся над дорогой. Но появился внезапно и бесшумно, как тень.

Шофер нажал на тормоза. Машина качнулась и остановилась. Тихо урчал мотор. А в нескольких метрах дорогу загораживал могучий зверь. Он был высоким и красивым, стоял так близко, что можно было пересчитать на серо-желтой шкуре все пятна. Человек и зверь смотрели друг на друга, и в кошачьих зеленых глазах светилось любопытство. Но вот прошло мгновение, и леопард исчез, мягко отступив в глубину джунглей. Кто знает, может быть, почувствовал, что в этих местах объявился соперник сильнее его — человек.

В Шакиссо кто-то из геологов вынес на крыльцо «камерального дома» камень и просто, даже как-то буднично, протянул его. Кусок камня тяжело ложится в ладонь, и внезапно луч африканского солнца зажигает в острых изломах кварца желтые искры. Искры эфиопского богатства, золота Адолы.

Топографы летят в Гамбелу

На улице Аддис-Абебы, сбегающей с холма от площади Менелика к гранитному монументу, поставленному в честь борцов за свободу Эфиопии, этот дом ничем не отличается от соседних. Такой же невысокий особняк, осененный джакарандами, роняющими сиреневые лепестки на каменные плиты. Но, прискав его все холодное утро, обычное для высокогорной столицы Эфиопии, я обрадовался этому домику, как доброму знакомому. Сюда меня пригласили топографы — здесь размещалась их экспедиция. А главное, вчера вернулся из поездки Анатолий Данилович Гнатенко — главный специалист по аэрофотосъемочным и топографо-геодезическим работам на проекте бассейна рек Баро — Акобо, должность которого по звучности не уступает титулам абиссинских негусов.

Гнатенко вернулся из Гамбелы, той далекой Гамбелы, по девственной земле которой до сих пор бродят стада слонов, проносятся тысячи буйволов и антилоп, по берегам рек залегли бегемоты и крокодилы, а в кустарниковых засадах затаились львы.

Казалось, после сибирских экспедиций, работы на Крайнем Севере, в Средней Азии наших топографов трудно было чем-либо удивить. Но каждый день в Эфиопии, в полевых лагерях саванны, преподносил свои неожиданности.

Прежде всего, поражала грандиозность замысла — и не только в масштабах страны, но и Африканского континента: подготовить топографические карты на огромной территории бассейна рек, создать здесь ирригационную систему для освоения 10 тысяч гектаров земель в районе Баро — Акобо, а в перспективе освоить в долине Гамбела в тридцать раз большую площадь. И это в очень труднодоступном районе на крайнем юго-западе страны, в провинции Иллубабор, слаборазвитой области даже по эфиопским меркам.

При первом же облете района аэрофотосъемок Гнатенко заинтересовался нилотскими деревнями. Да, тут без вертолета топографу гибель. Дорог нет — деревни соединяли пробитые в высокой траве тропы. С высоты жалкими казались тукули с конусовидными крышами, гораздо меньше по величине, чем амхарские, в центральной провинции Шоа. Крошечными заплатками лепились к деревням плохо возделанные поля.

Гнатенко прочитал в этнографической книге об Эфиопии, что «живущие здесь мелкие нилотские племена еще не вышли из стадии первобытных отношений, заняты охотой, примитивным земледелием»...

Вертолет низко, с гулом прошелся над деревенькой и не успел сесть на окраине, как Гнатенко увидел бегущую толпу, впереди которой неслись голые ребятишки. Худощавые, высокие, под два метра ростом, черные, как уголь, мужчины в одних набедренных повязках почтительно остановились в отдалении, крепко сжимая копья в руках. Они еще в глаза не видели ни автомашин, ни тракторов, а тут прямо с неба опустилась яркая птица (северный вариант Ми-8 — его издалека заметишь).

С помощью эфиопских переводчиков завязался разговор. После обмена вежливыми фразами о погоде, здоровье, видах на урожай и состоянии домашнего скота приступили к работе. В каждой деревне надо было узнать первым делом ее название, а затем расспросить о всех реках, озерах, лесных урочищах и еще раз уточнить их названия.

Общаясь с мужчинами племени ануак, Гнатенко постепенно узнавал особенности их жизни, понял он, почему их хижины похожи на времянки.

В сезон больших дождей начинается наводнение: семьи собирают утварь, продукты и, погоняя скот, торопливо уходят на холмы, в горы. Перебираются поближе к племени нуэр, которое занимается скотоводством.

Облетая на Ми-8 деревни в затопленных долинах, Гнатенко часто встречал плывущие бревна и остроконечные шапки хижин. Иногда замечал торчащие над водой возвышенности. Только приземляться было опасно: на чистых от травы деревенских площадях и полях, залитых водой, нежились бегемоты и крокодилы.

Спадала вода, и жители снова возвращались в свои прежние деревни. Может быть, без особой радости, особенно те семьи, чьи жилища унесли потоки воды. Все спокойно брались восстанавливать разрушенные хижины.

Дожди прекращались, и постепенно все высыхало, желтело вокруг. Гигантская трава в три-четыре метра высотой, похожая на наши камыши, сохла, становилась хрупкой, готовой вспыхнуть от первой искры.

Гнатенко еще по школьным учебникам помнил, что применялся когда-то давным-давно подсечно-огневой метод земледелия. Теперь он увидел, как это делается, собственными глазами...

Люди из племени ануак один за другим поджигали факелы и уходили в сторону зарослей. Блики огня играли на обнаженных телах, когда, вытянувшись цепью, мужчины пошли приступом на высоченную стену слоновой травы. Заросли вспыхнули мгновенно. Пламя взметнулось в небо, и красный вал покатился вдаль, пожирая все подвластное огню на своем пути. Куда? Жители деревни хотели выжечь только одно поле. Но ветер рванул в сторону, и пламя переметнулось на дальний кустарник, охватило деревья, и вот уже пылал весь горизонт.

С вертолета было видно, как огонь гонит впереди себя буйволов и антилоп, как задыхаются в дыму и гибнут в пламени, падая на бегу, обезумевшие от страха животные. А клубы дыма и красные шары огня катились вдаль, охватывая полукругом соседнее селение. Бывало, что огненный джинн пожирал постройки, бывало, что, застигнутые в хижинах огнем, гибли женщины и дети.

...Уходил огненный вал, и оставалось выжженное поле. Все деревенское население дружно принималось корчевать пни, оттаскивать обгоревшие сучья и остатки деревьев. И вот поле, удобренное плодородной золой, готово к посеву. Когда снова шли дожди и все кругом зеленело, в деревне начиналась посевная.

Около тукулей Гнатенко не видел деревянной сохи — «марэша», как у амхара, не замечал он и кос, необходимых в хозяйстве, хотя обратил внимание, как кукурузу срезали серпами. Зато попались на глаза примитивные орудия для обработки земли.

Высаживают сорго, кукурузу или тыквенные очень просто. Иногда проходятся по земле мотыгой, смешивая пепел с почвой. Подчас же просто копают лунки заостренными кольями с каменными и даже железными наконечниками, куда и бросают семена.

Но долго ли прослужит такой участок хозяину? От силы несколько лет, а что дальше? А затем почва истощится, начнут хиреть растения, наступит неурожай.

И вновь, чтобы иметь плодородный участок, темные фигурки кинутся с факелами в заросли, и вал огня прокатится по саванне, уничтожая не только кустарники и деревья, но и всю живность. Кто знает, могло и так случиться, что

судьба района Сахеля, опустыненных эфиопских провинций севера и востока постигла бы и плодородную долину Гамбелы.

Но вот сюда прибыли наши специалисты, которые осуществляют все изыскательские и проектные работы по сооружению земляной плотины на реке Алверо. Ведь в Эфиопии из всех земель, пригодных для обработки после искусственного орошения, используется лишь небольшая часть. Поэтому в стране, пораженной засухой, в последнее время возводятся плотины, водохранилища, ирригационные системы.

Большое значение имеет освоение земель Гамбелы. Здесь находится около половины из двух миллионов гектаров земель страны, пригодных для орошения. Реализация первой очереди этого проекта обеспечит продуктами население запада Эфиопии. После осуществления всех ирригационных работ, создания новых государственных кооперативов Гамбела в недалеком будущем сможет снабдить зерном всю страну.

К этой-то реке Алверо, где вскоре вырастет высоченная плотина, а созданное водохранилище позволит орошать обширные угодья, и летел вертолет Гнатенко.

Анатолий Данилович волновался за топографов, которых нужно было вывезти из деревни. Он смотрел вниз в иллюминатор, прикидывая, в каких направлениях тут пролягут новые дороги, замечал уже признаки начатого эфиопами строительства. А пока... Гнатенко усмехнулся, пытаясь разглядеть на полотне саванны проложенную в прошлом году бульдозером сквозь заросли дорогу. Лишь угадывалась ровная полоса, затянутая буйной зеленой растительностью.

Без полевых работ, без наземного метода, топографической карты не составишь. Поэтому без вертолета невозможно собрать, перепроверить все географические названия. А вертолет в экспедиции один — вот тут и крутись как хочешь.

Гнатенко успел забрать ребят вовремя: забросили их в деревню поутру, а сейчас уже невыносимый зной и на дне фляг не осталось ни капельки воды. Каждый раз топографы брали на маршрут запас воды из полевого лагеря. Пили только кипяченую, профильтрованную воду, чтобы не подхватить какую-нибудь заразу. А этого здесь хватает: амебная дизентерия, малярия, брюшной тиф... Целый букет!

Особенно опасны участки по реке Акобо. В низовье рек здесь вообще нет скотоводчества из-за «проклятия Африки» — мухи цеце. Будучи переносчиком трипаносомы — одноклеточного паразита, цеце распространяет болезнь домашнего скота и заражает людей сонной болезнью, унося около 20 тысяч жизней ежегодно в тридцати семи африканских государствах.

Еще в начале века делали массовый отстрел больных животных, но муха цеце не успокаивалась. Ее травили инсектицидами, а в последние годы применяли специально сконструированные ловушки и метод стерилизации насекомых. Благодаря этому методу муху-злодейку потеснили в ее владениях, но еще недостаточно. До сих пор ученые ищут эффективные способы борьбы с этим опасным насекомым.

Несмотря на все эти напасти, топографы в вертолете хохотали, беззаботно сверкая улыбками на обожженных тропическим солнцем лицах. Шел час рассказов о саванне...

— Значит, иду я мимо кустов,— повествует круглолицый крепыш,— тут он

и выскочил. Такой большеголовый, с гривой. Ну, стоит он за кустом и смотрит. Я тоже как вкопанный. Бригада близко, метров двадцать. Но ведь если побежишь, он, как за мышкой, кинется...

— Зря боялся. Были случаи, когда лев хватал человека, и тот сразу впадал в шоковое состояние, даже страха не чувствовал, тем временем и мы бы к кустам подошли...

— Не знаю, не знаю. Эфиопы меня тоже обучали: мол, главное, стой спокойно и смотри зверю прямо в глаза. Но перед тобой лев, а не кошка. Попробуй тут соблюсти все правила вежливого обхождения,— вздохнул рассказчик,— вроде бы я первый не выдержал и тихонько попятился. Тогда царь зверей презрительно повернулся и пошел прочь, виляя задом...

Действительно, львы в саванне сыты — добычи много. Наши специалисты не слышали, чтобы они нападали на человека. Хотя лесники и рассказывали, что бывают львы-людоеды...

Вертолет пролетал над большим стадом слонов. Оглушенные грохотом мотора, они сгрудились в кучу. Не понимая, откуда ждать нападения страшного врага, слоны выставили вперед бивни и яростно вздымали хоботы, заняв круговую оборону. Бедные великаны терялись, сталкиваясь с современной техникой. В последние дни и у топографов были трения со слонами.

— Сорвали слоны нам вчера работу,— бойко говорит совсем молодой топограф.— Мы и так вперед разведку высылаем — ведь слоны далеко и хорошо слышат. А тут, видно, зазевались. Слышим, не так уж далеко слон «фышкает» — звук подает. Побежали эфиопы, и мы за ними — все кинулись от слонов к реке Алверо. Тут из травы и слоновья глыба показалась. Слон гневно захлопал ушами и затрубил негодующе — нас чуть в воду не сдуло. Но слон поступил благородно: прогнал людей, а преследовать не стал...

После этого случая Гнатенко приказал, чтобы вертолет делал разведочный облет и отгонял слонов подальше перед рабочим днем, чтобы не мешали.

Поражало, как эти самые большие гиганты суши легко покрывают огромные расстояния в саванне, быстро могут подняться в гору или преодолеть болото, исчезнув затем в густом лесу, не хрустнув ни одной веточкой, как бесшумное серое облако.

Слоны очень жизнеспособные животные. Жаль, что люди давно, уже с XVII века, когда на Африканском континенте высадились первые колонизаторы, стали безжалостно теснить и уничтожать слонов, методично занимаясь добычей бивней.

Массовое уничтожение слонов было приостановлено лишь в 60-е годы в Восточной Африке в связи с изданием законов по охране природы, а в освободившихся от колониального господства государствах начался даже рост их численности. Но во второй половине 70-х годов вновь вспыхнуло браконьерство, спекуляция слоновой костью, спрос и цены на которую резко возросли. Из стран Восточной Африки незаконно вывозились тысячи тонн слоновой кости.

Только строгие законы и контроль могут спасти этих замечательных и величавых животных, которых осталось всего около миллиона.

Учитывая, что в соседней Кении количество слонов сократилось наполовину, в Эфиопии принимаются срочные меры по их охране, и прежде всего в Гамбеле.

...Чтобы узнать Гамбелу получше, изучить изменение уровня рек, Гнатенко решил проплыть на лодке по реке Баро, на берегах которой первым из русских

путешественников побывал Булатович. Это единственная судоходная река в Эфиопии, текущая по заболоченной равнине. В период дождей по ней даже курсирует пароходик от города Гамбелы, центра этого района, до Джикао, находящегося на границе с Суданом.

Наблюдение за уровнем Баро во время плавания оставляло свободное время, и Гнатенко с удовольствием присматривался к окружающему его речному миру. Особенно вписывались в пейзаж «речные лошади» — так переводится с греческого слово «гиппопотам». Оставаясь почти невидимыми — над поверхностью торчали лишь глаза да ноздри, бегемоты тем не менее внимательно присматривались к пришельцам. Их выдавали только птицы, срывавшиеся с головы бегемота при приближении лодки. В темноте было слышно, как эти вроде бы неповоротливые великаны пасутся на суше, быстро обыскивая берег в поисках травы.

Если бегемоты стоически выдерживали щелканье фотоаппаратов, то крокодилы раскрывали свою жутко зубастую пасть, а более пугливые ныряли в воду. Хотя определение «пугливые» вряд ли подходит к этому потомку древнего животного, которое также было предком динозавров. У берегов речных островков приходилось наблюдать, как жадно перемалывают крокодилы свою добычу, высовывая при каждом глотке голову из воды. Пожалуй, крокодилы из всех здешних хищников наиболее склонны к людоедству.

При строительстве моста через реку под городом Гамбела не раз заканчивалось трагически купание местного населения. Не одного человека крокодилы утянули в воду, но некоторых удавалось спасти. Поэтому не редкость встретить на улице городка калеку без руки или ноги. Одного мальчишку удалось спасти, отвезя на вертолете в Джимму, где в госпитале наши врачи сделали ампутацию ноги.

Еще и по этой причине Гнатенко не выкупался в Баро. Вот собрать бы всех этих крокодилов на ферму в Арба-Мынч. Там в специально оборудованном питомнике выращивают тысячи этих малоприятных пресмыкающихся. От продажи крокодиловой кожи на модные сумочки и туфли Эфиопия получает валюту, такую нужную в суровые годы засухи.

...Насмотревшись на клочки участков с жалкой растительностью у деревенских тукулей, Гнатенко хотел взглянуть на посадки по берегам реки Баро, про которые он был наслышан ранее.

Еще издали, с середины реки он заметил фруктовые деревья. Причалив к берегу, он подошел к ним — это были манго, высаженные несколько лет назад. Значит, могут в этих «гиблых» местах расти такие прекрасные деревья и приносить людям плоды.

Много хорошего Гнатенко слышал и об опытной станции под городом Гамбелой. Побывав там на заботливо ухоженных полях, где поднималась стеной кукуруза, росли разные сорта сорго, хлопка, кунжута, фруктовые деревья, он воочию увидел, чего можно ждать от здешней земли.

Его лодку медленно влекли воды Баро, и он представлял, как заживут на этих преображенных берегах тысячи людей, спасшихся от голодной смерти на засушливом севере и прибывших сюда начинать новую жизнь. Этой новой, такой непонятной жизни ждали и нилоты из здешних деревень. Терпеливо присматриваясь к добрым пришельцам с их железными машинами, племя ануак твердо верило в чудо и наступление другой, сытой, более легкой и счастливой жизни.

На берегах Баро уже стали появляться кооперативные хозяйства, где

переселенцы будут строить не только тукули для своей семьи, но и школы, больницы для всех. Они получат наделы, семена для посева и орудия, чтобы обрабатывать поля. Так эти люди из далеких провинций станут жить на новом месте и преображать землю Гамбелы, вдосталь напоенную водой.

...Вертолет, унося наших топографов в Аддис-Абебу, давал прощальный круг над Баро и Алверо, оставляя в туманной дали просторы саванны. Там мчатся, поднимая облака пыли, стада буйволов, раздвигая высоченные стебли слоновой травы, плывут жирафы, высоко неся, словно невиданные цветы, головы над зарослями. Там внизу оставалась бурлящая жизнью саванна, к которой они привыкли. И стало неожиданно жаль покидать трудную и богатую землю Эфиопии, радушных нилотов в маленьких селениях, ждущих, что после прилета стальных птиц изменится вся их жизнь...

Эфиопский дом

Что бросается прежде всего в глаза, когда попадаешь в незнакомую для себя страну? Я, например, сразу обращаю внимание на дома, культуру быта, одежду, интересуюсь отношениями в семье.

Как же выглядят жилища в эфиопских деревнях? Дома богатых людей строились в основном из камня, блоки скреплялись раствором под названием «чика»: это смесь ила и воды. Крыши крыли рифленым железом или соломой. Постройки, как правило, одноэтажные, хотя иногда встречаются и двухэтажные здания, причем второй этаж окружен верандой, на которую ведет лестница.

Деревенские тукули большей частью имеют круглую форму и строятся из жердей, которые снаружи и изнутри покрываются глиной (или илом). Крыша сооружается отдельно и устанавливается в последнюю очередь. Она имеет коническую форму и делается из прутьев или тростника, которые прочно соединяются друг с другом полосками коры. После этого крыша искусно покрывается соломой. Крыша сильно выступает над стенами, поэтому даже во время проливных дождей в жилище всегда сухо.

Внутренняя часть дома обычно разделяется при помощи ширмы, которая подвешивается на веревках. В одной части, на возвышении, располагается спальня, где стоят кровати или лежанки типа кушеток. Кровати делаются из дерева и травы и покрываются шкурами. В другой части жилища готовят пищу, едят, во время дождей прядут (в сухое время года вся жизнь протекает снаружи). В помещении стоят деревянные стулья. В большинстве хижин имеются один-два деревянных сундука, в которых хозяева держат свои самые ценные вещи. Остальное добро развешивают внутри на крюках или укладывают в ниши в стенах. Очень распространены всевозможные тарелки и миски, а также разнообразная керамическая посуда.

Конечно, сейчас в патриархальный деревенский быт все настойчивее вторгается город со своим современным укладом.

Самым распространенным нарядом в Эфиопии является шамма, которую носят мужчины и женщины разных сословий. По пышности и отделке шаммы с древних времен можно было судить о благосостоянии и общественном положении ее владельца.

Наиболее красивые виды шаммы ткут вручную из местного хлопка. Обычно шаммы отделывают по краям красным или другим цветным шелком, а парадная

Красочны женские наряды разных народностей Эфиопии

одежда украшается широкой каймой, которая вышивается шелковой нитью, причем делается это весьма художественно. Шаммы получаются тонкие, как газовая ткань, хотя они очень большие и теплые.

Повседневные, то есть непраздничные, шаммы ткут из импортного хлопка, и по сравнению с парадными они грубее и толще, хотя тоже красивые. Жители, которые не могут позволить себе тканные вручную шаммы, пользуются длинными накидками из грубого материала.

Шамму, немного напоминающую старинную римскую тогу, набрасывают на плечи, иногда накидывают на голову до бровей, охватывая нижнюю часть лица так, что открытыми остаются только глаза. В знак уважения ее сбрасывают с головы, обнажая лицо, хотя я встречал женщин, которые при нашем появлении закрывались до самых ушей. Иногда одежду оборачивают вокруг талии и с шиком забрасывают один конец на правое плечо. Женщины накидывают свободный конец слева, а мужчины открывают правое плечо. Это выглядит живописно.

Различия в одежде между мужчинами и женщинами очень незначительные. Как правило, одежда, изготовленная из хлопчатобумажных тканей обычно белого цвета, состоит из просторных штанов, затягивающихся на поясе и сужающихся от колена к щиколотке, и свободной рубашки ниже колен.

Женщины носят еще более длинные накидки, которые украшают шелковой тесьмой вокруг шеи и манжет. Такой же тесьмой обшивают края штанов, а на щиколотке штаны застегивают маленькой серебряной или золотой пуговицей. Рукава как мужских, так и женских рубашек от локтя до запястья — в обтяжку. У мужских рубашек — высокие и тугие воротнички — это придает их владельцам опрятный вид.

Эфиопы носят всевозможные головные уборы. Бывает, оборачивают вокруг головы кусок муслиновой ткани. Иногда я видел соломенные шляпы местного производства, еще реже — коричневые шерстяные шапочки с помпонами, несколько напоминающие по форме феску.

В дождливое время года многие надевают черные шерстяные накидки (бурнусы). Когда дождя нет, женщины откидывают свои капюшоны назад, а мужчины — на левое плечо. Кроме того, бурнус еще и знак траура, и для этой цели его надевают представители всех сословий.

Женщины так любят ювелирные украшения, что буквально унизывают себя всевозможными браслетами, кольцами, колье, серьгами и т. д. Украшения имеют очень изящные застежки, и все они настолько небольшие по размеру, что мало кто из европейских женщин сможет надеть на себя местный браслет — такие тонкие запястья у эфиопок.

Мода на женские прически различная. У большинства женщин волосы черные как смоль, иногда длина волос не превышает пяти-шести сантиметров, и лицо выглядит как бы в оправе из вьющихся волн. Многие женщины заплетают волосы в несколько десятков тонких косичек, концы этих косичек соединяют на шее, и все сооружение свободно висит на затылке. Некоторые модницы предпочитают разделять волосы на пробор, взбивая их с боков и делая что-то вроде шиньона на европейский манер. Другие предпочитают брить головы, после того как волосы отрастают до такой длины, что становится неудобно спать, голову вновь обривают.

В ряде районов страны, где прически были весьма сложны, особенно в прежние времена, женщины, укладываясь спать, пользовались специальной деревянной подставкой для шеи (подставка делается из слегка изогнутого куска дерева и достигает в высоту нескольких сантиметров). Некоторые подставки очень тщательно окрашивали или гравировали, однако, несмотря на всю внешнюю привлекательность, вряд ли они доставляли удовольствие своим хозяйкам...

В Эфиопии существует три вида брака. Первый, когда мужчина вводит женщину в свой дом, обеспечивает ее деньгами для хозяйственных нужд и дает минимум на личные расходы. Когда им надоедает совместная жизнь, они расстаются так же легко, как и сошлись. Второй вид брака — гражданский. В этом случае заключается контракт, где оговаривается личное имущество жениха и невесты, а также предусматриваются условия развода, хотя обычно при разводе имущество делится поровну. Третий вид брака — церковный. Обряд сопровождается торжественной религиозной церемонией, что делает брак по-настоящему святым и нерушимым.

Большинство молодежи сочетаются так называемым традиционным, нецерковным браком. Хотя до сих пор родители выбирают своему сыну невесту, учитывая благосостояние, положение ее семьи, но стали уже нередки случаи, когда браки совершаются по желанию молодых.

Обычай сватовства похож на русский. После заключения брачного договора жених дарит невесте кольцо, тестю и теще — подарки, красивую одежду, и молодые считаются обрученными. За время от помолвки до свадьбы невеста готовится к семейной жизни, шьет приданое.

Наконец наступает долгожданный день, и жених с самым уважаемым родственником, друзьями приходит к дому невесты. Вначале их заставляют ждать, затем впускают в дом и подносят угощение. В свою очередь жених также организует угощение для невесты и ее родственников у себя дома.

После свадьбы молодые проводят какое-то время в доме родителей мужа. Но вскоре родственники собирают средства для обзаведения собственным хозяйством, и новая семья начинает самостоятельную жизнь.

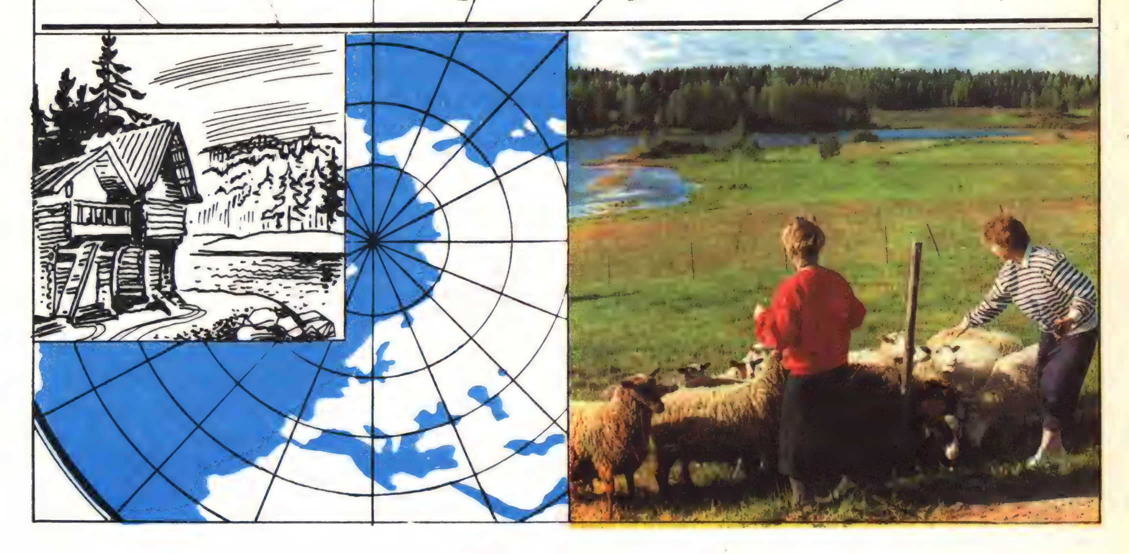
В прежние времена непререкаемым главой семьи всегда был муж. Жена выполняла все его желания, во всем советовалась с ним, включая домашние дела. Женщина считалась частью домашнего имущества, стояла на последнем месте в числе наследников, была лишена права владения скотом. Ее круг интересов ограничивался ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей.

В отдаленных провинциях, особенно в деревнях, обязанности мужчины и женщины четко разграничены. Мужчины отвечают за вспашку поля, за сев, а женщины занимаются сбором урожая. Все общественные работы, такие, как строительство дорог и жилищ, лежат на плечах мужчин. Женщины занимаются приготовлением пищи, и мужчинам не положено принимать участие в этом процессе.

Раздельная жизнь полностью исключает мужчин из общества женщин. Во время первого периода брака связь между супругами очень хрупкая, и новоиспеченные жены часто сбегают из новой семьи. В большинстве случаев, после дополнительных переговоров, они возвращаются к своим мужьям.

Однако после рождения детей, в частности сыновей, ситуация меняется. Большинство женщин в этот период начинает понимать, что их будущее неразрывно связано с родом мужа.

Финляндия
Глаза Суоми

Сирень на бастионах

С потолка, попеременно вспыхивая, молниями бил дневной свет из плафонов в наши сонные глаза. В большой комнате без окон заворочалось, закряхтело человек двадцать, в углу недоуменно приподнялись на раскладушках курчавая голова алжирца и бритая — американца, приютившихся здесь задолго до нашего приезда.

У дверей манипулировал выключателями худенький, жилистый Хейкки в одних спортивных трусах. Пританцовывая, как бойцовый петушок, он подскочил к койке своего приятеля Эркки Роиха, здоровенного шофера, стащил с него простыню и бросил в мусорный бак.

Горничная негритянка, она же и уборщица в здешней дешевенькой гостинице, выдала нам бумажное, одноразовое постельное белье, которое любители комфорта затем прихватывали с собой в рюкзаке, и все последующие ночевки в школах, палатках, церковных приютах стелили эти простыни в «спальники».

— Не видите, засони, уже утро. Вставайте, а то плесну горячим кофе

в постели,— восклицал Хейкки, перемежая финские, русские, немецкие слова, вставляя еще карельские и шведские.

Полиглотом Хейкки Рапо сделала его бурная жизнь, о которой он живо рассказывал на пресс-конференции, куда нас, как заправских путешественников с рюкзаками на спинах, привели после прибытия в Хельсинки. Хейкки встретил нашу группу экспедиции на вокзале в официальной костюмной тройке, с тщательно завязанным темным галстуком, несмотря на июньскую жару, в знак уважения к нам.

Вот и сейчас, выполнив неизменную зарядку, Хейкки облачился в тройку с галстуком и старательно наводил пробор в своей шевелюре.

— Поскольку из этого отеля выдворяют на целый день, а встреча в Центре охраны природы лишь вечером, едем в Суоменлинну,— излагал он программу дня, раздавая всем пластиковые карточки с видом Хельсинки и чайкой на лицевой стороне.— С этим билетом можете кататься по всей столице и даже плавать. Что мы сейчас и проделаем...

От небольшой пристани мы отплыли в Суоменлинну. Оказалось, что это финское название Свеаборга. Хейкки во время нашего плавания рассказал, что эту старинную крепость основали на островах еще шведы для защиты гавани Финляндии. Свеаборг считался самой неприступной крепостью северных стран и назывался даже Северным Гибралтаром, но с 1809 года, когда Финляндия вошла в состав Российской империи в качестве Великого княжества, здесь обосновалась одна из баз Балтийского флота.

Наш маленький пароходик осторожно лавировал между островками с одним-двумя рыбацкими домиками, маяком и гигантскими белоснежными айсбергами автопаромов, круглогодично курсирующих между Финляндией и Швецией.

— На них можно хорошо развлечься, если завелись марки,— кивнул на многопалубный паром стоящий рядом финский студент,— все удобства: бассейн, сауна, рестораны, дансинг, даже парикмахерская с кинотеатром. К тому же беспошлинные магазины...

Свеаборг удивляет и манит с первых шагов.

Сразу у причала нам показали местную достопримечательность: выставочный зал современных художников. А самое необычное в этом деревянном домике было то, что все в нем отреставрировали молодые дизайнеры, которые тут же демонстрировали весьма оригинальные композиции из сверкающих лужиц натуральной нефти, в которые самые любопытные зрители опускали палец, и груд угля, символизирующих нынешнюю урбанизированную жизнь. Эта выставка привлекала на остров посетителей.

Можно было свернуть в тихие улочки, где из цветущих кустов выглядывали оконцами домики. Но Хейкки повернул к полуразрушенным крепостным стенам.

Мы пробирались по развалинам старого форта, заросшего кустарником, поднимались на бункеры, глубоко ушедшие под землю и глядящие оттуда пустыми глазницами амбразур, фотографировались у пушек на фоне цветущей сирени. И меня все время не оставляло ощущение, что Хейкки привез нас в военную крепость не случайно.

Да, у Хейкки Рапо непросто сложилась жизнь. Он с таким чувством вспоминал свою деревушку Лумивара на берегу Ладоги, что слезы умиления выступали на его голубеньких глазках.

— Скоро попаду в места своего детства,— шептал Хейкки,— много скитался

по свету бедный карельский мальчик. Меня призвали в армию, я воевал с вами, но когда немцы не захотели уйти с севера Финляндии, я помогал гнать их из Лапландии. Там я встретил весну 1945-го, нашел подругу и остался жить в Лапландии...

Мы сидели у старых пушек, и глаза Хейкки скользили по заплывшим бункерам. Могучая в прежние времена военная сила дремала в каменистом теле острова. Шведы, русские... Здесь был оплот финской военщины, стоял гитлеровский гарнизон. Сейчас, когда эти остатки военного, разрушительного прошлого ушли в землю, были скрыты зеленым ковром, Хейкки не хотелось вспоминать войну и смерть.

Он повествовал о суровой Лапландии, где учил много лет детей ботанике и любви к лесам и озерам, а теперь руководит организацией друзей защиты природы. Его беспокоит не туманное прошлое, а беды, нависшие сейчас над всем живым, над травами, над землей и водой.

— Масса вопросов и проблем в защите природы. Я только хочу сказать об одной печальной вещи, достаточной, чтобы испортить будущее.— Хейкки Рапо, сняв шапочку с большим козырьком, подставляет солнцу лицо.— Мои друзья, ученые из Рованиеми, столицы Лапландии, больше всего обеспокоены «парниковым эффектом», повышением температуры из-за промышленных выбросов. С повышением температуры усилятся дожди, зима в нашем Рованиеми станет такой же мягкой, как ныне в южном Турку, а озера в южной Финляндии перестанут замерзать. У нас, на севере, начнутся наводнения, а на юге страны — засуха. Плохо придется рыбе, начнут гибнуть на севере леса, зверье. И все эти беды человек накликал сам на себя...

— Ну, Хейкки, слишком мрачная картина. Когда-то это будет...

— Когда? Мои друзья подсчитали, что к 2050 году в странах Северной Европы температура повысится зимой на 6—8, а летом на 4—6°. Осадков у нас будет выпадать больше на 15—30 процентов. Вот, если хотите, цифры.

— Все же нескоро, мы-то не увидим...

— Они не увидят,— показал Рапо на развалины Свеаборга,— мы не увидим, а детям что оставим? Надо думать об их будущем...

Возвращались по холмам, где прямо на лужайках расположились семьи и веселые компании, одна даже с невестой и женихом. Пели, плясали под музыку, и никого это не смущало. Мусор аккуратно убирали в пакеты и уносили с собой. Все чинно, благородно, хотя подчас и громко пели, хохотали, особенно группы школьников.

Спустившись по крутой тропе к морю, мы вспугнули крупных уток. На камнях в лучах довольно холодного солнца даже загорали. Пожалуй, только мы были основательно и тепло одеты в куртки, свитеры, а финны — в открытых майках, шортах и спортивных трусах, удобных и модных для всех. Загорелые, голоногие, они весело махали нам руками с холмов.

Не встречалось по дороге ни смотрителей этой древней крепости, ни полицейских, поддерживающих порядок,— никого. Им просто нечем было тут заниматься при достаточной самодисциплине приезжающих на остров, которые не писали на стенах своих имен, не ворочали стволы у пушек и даже не покушались на полыхающие кусты сирени на бастионах.

Так и запомнился Свеаборг — зеленым, сиреневым островом с уходящими в землю, заросшими крепостными стенами и бункерами...

Финны любовно заботятся о сохранении старых замков и крепостей

У причала в Хельсинкской гавани нас поджидала Лаура. Она прикатила сюда на велосипеде. Оставив его на стоянке, она приглашала всех посетить Центр защиты природы.

Я такой и представлял Лауру Расонен: крупной, с ясными глазами и распущенными по спине длинными волосами цвета спелой пшеницы. Лаура, студентка биофака столичного университета, уже не первый год отправляется на защиту северных лесов к большому озеру Инари. Там строили дорогу для вывоза леса. Но за озером лежат земли саамов, и все, что на них есть — леса, трава, звери — принадлежит саамам больше, чем государству. Лаура с друзьями встала на защиту их прав. Здесь в деревне у озера Инари студенты устроили трудовой лагерь, ездят сюда каждое лето, работают вместе с местными жителями, помогают им во всем.

Беседа в Центре защиты природы затянулась до самого вечера. Мы пили душистый чай из трав и слушали рассказ Терхо Поутанена, секретаря Центрального бюро «Союза охраны природы» о добровольных объединениях, в которых тысячи защитников природы делают полезные дела во всех регионах страны. Мы узнали, как удалось создать национальный парк на севере, как уговаривали владельцев личных участков продать их государственным заповедникам и как трудно бороться с загрязнением предприятиями огромного озера Сайма, по которому наша экспедиция поплывет на больших лодках.

Заповедные тропы

Неприметная тропа все дальше уводила в глубь леса. За спиной стихал шум города, на окраине которого нас ждали местные «охранники природы». Сегодня воскресенье, святой для каждого финна день отдыха, но жители городка вышли встречать нас целыми семьями. Над всеми возвышается широкоплечий молодец в брезентовой куртке с внимательным взглядом из-под шапки русых волос над высоким лбом — лесовод Теро Мюллювирта, чья фамилия переводится поэтично «Мельничный поток». А рядом худощавый, всегда сосредоточенный Вартиайнен с дочерью Тули-Марией. Ненавязчиво внимательный, всегда готовый помочь, увешанный фотокамерами Микко Вартиайнен пройдет с нами весь маршрут. Он юрист, увлекается фотосъемкой, а другие защитники окружающей среды — кинорежиссеры, служащие и рабочие, просто любители природы. Все они члены организации охраны природы Восточной Финляндии, а всего в стране больше дюжины таких регионов.

Примером их полезной деятельности может служить этот заповедный остров

в устье реки Порвоонйоки, на который мы перебираемся по узкому мостику. Еще лет восемь назад здесь продавались участки для лесозаготовителей, а сейчас город владеет большей частью острова, где осталось лишь десятка два домиков, частные земельные владения при которых удалось ограничить. Целиком земли на острове городку купить не по силам — не хватает денег. Сохраняя лес на острове, защитники его проложили экологические тропы: доступная в этих условиях форма общения с природой.

Обо всем этом мы узнали от наших хозяев, пока пробирались по протоптанной тропе, то утопающей в мягчайшем мху, то карабкающейся на валуны. Шедшие впереди почему-то остановились, и большой «Мельничный поток» — Теро неожиданно легко нагнулся и, нежно взяв двумя грубыми пальцами за крылышки стрекозу, пересадил ее с тропинки на соседний куст. Оказывается, кто-то нечаянно наступил на стрекозу, и зоркий глаз Теро обнаружил у нее сломанное крылышко. Меня поразило, что Теро это сделал без всякой рисовки и ложного смущения, очень естественно и буднично — даже с деловым видом. А затем сказал:

— Это птичья тропа. Можно прочитать на табличках, установленных вдоль тропы, какие водятся птицы, выбрать любимую и послушать, полюбоваться ею.

— Пожалуйста, каждый может,— добавил он, словно приглашая нас не терять времени и начать наслаждаться птичьим оркестром.

Все разбрелись. Странная звенящая тишина стояла в островном лесочке, прижатом городом к берегу реки. Внезапно раздался осторожный посвист, потом короткие, летящие, как стрелы, трели, и вот уже в качающихся вершинах, в бегущих облаках, в синем небе звучит и крепнет птичье разноголосье. На зеленой траве присевшие от восторга белоголовые финские девочки, так похожие на наших... Бывает ли когда-нибудь полная идиллия? Вряд ли. Двигаясь вдоль берега к стоянке нашего катера, мы замечаем и желтые иглы у еловых лап, и масляные разводья на воде вокруг нахохлившихся чаек и уток. Кислотные дожди и сточные воды загрязняют реку. Особенно те, что текут из труб предприятий крупнейшей в Финляндии фирмы «Несте».

Мы ждем катер, а Микко Вартиайнен прилежно перечисляет все достопримечательности древнего Порвоо.

Панорама Порвоо развернулась, когда автобус въезжал в город по старинному деревянному мосту. Перед глазами открылся деревянный город, который спускался к кафедральному собору. Слева от моста видна возвышенность Линамаки. Несмотря на многочисленные археологические работы, проводившиеся здесь, древняя история Линамаки еще до конца не изучена. Ученые предполагают, что на возвышенности стояла мощная крепость, о чем свидетельствуют рвы, сохранившиеся и поныне. По всей вероятности, крепость была воздвигнута в начале XIII столетия. Скорее всего она принадлежала крестоносцам. Чтобы защитить крепость от нападений, жители обнесли ее укреплениями. Хотя точных документальных подтверждений нет, считается, что Порвоо получил права города от короля Магнуса Эриксона в 1346 году.

Район гавани, у подножия Линамаки, хранит следы пребывания датчан, неподалеку от гавани есть древнее эстонское кладбище.

Узкие улочки, средневековая архитектура. Старый район Порвоо, ранее не раз подвергавшийся разрушениям и пожарам, сегодня бережно охраняется. Ни одного старинного здания нельзя сносить и даже перестраивать. Особенно любят

Приятно бродить заповедными тропами в лесной тишине

гулять жители и гости по улице неподалеку от гавани, застроенной домами из красного кирпича.

Кафедральный собор, возведенный в начале XV века, возвышается над городом. Рядом с ним находится резиденция епископа и муниципалитет. К епископству Порвоо относятся многие шведскоговорящие общины Финляндии.

Невдалеке от кафедрального собора — Дом поэта. Это почетная резиденция, где в разное время проживали известные шведские и финские поэты, и его не надо путать с одним из красивейших и знаменитых зданий города — домом национального поэта Йохана Людвига Рунеберга, автора гимна.

Нас приглашают в ознакомительное плавание, и Микко принялся усаживать на подветренную сторону подошедшего катера женщин и ребят. Отчаливаем в окружении кавалькады семейных моторных лодок, в основном резиновых. Сразу скажу, что не все в лодках выдерживают резкий встречный ветер, но школьники, весьма легко одетые, не отстают от нас.

Проплываем под деревянным Королевским мостом, когда-то связывавшим Восточную Финляндию и Россию. У моста женщины вовсю стирают белье, но пользуются не химическими порошками, а специальными органическими растворами, не загрязняющими воду и обладающими приятным ароматом.

— Конечно,— качают головами жители Порвоо,— в старые времена речка была чище и разной рыбы в ней водилось больше. Но вот беда — вздумали соорудить на ней плотину, да еще и без рыбопропускных приспособлений. Поэтому и перестала подниматься по реке с моря рыба ценных пород. Ну, конечно, и сток отбросов в речку усилился. Берем из нее воду не для питья и даже не для огородов — чтоб овощи ничего дурного в себя не впитали, а только для полива полей. Да и у рыбы, пойманной в речке, уже не тот вкус.

Выше по течению, километрах в ста, предприятия города Лахти также сбрасывают грязные сточные воды в реку. Чтобы не допустить этого, коммуны двух городов заключили недавно соглашение. Требуют строительства очистных сооружений.

Проплываем мимо укрепленных камнем берегов, на зеленых холмах видны опрятные домики «немецкой слободы», с жителями которой в средневековье активно торговали горожане. Ниже деревни сверкают на солнце косы — крепкие, полуголые мужчины идут полукругом по широкому лугу. Около домов лениво машут крыльями ветряки — обеспечивают каждое хозяйство своим электричеством.

Вроде снова идиллия... если бы не отравление природы заводами «Несте».

— Деревенские отстояли недавно свой ландшафт,— улыбается из-под зюйдвестки наш лоцман.

— Как это?

— Выше деревни строители хотели взорвать скалу: спрямить дорогу, а камень использовать для сооружения моста. Но община не дала, мол, красота вокруг будет не такая.

Обдавая холодными брызгами, наперерез нам проносится метеором резиновая лодка. Невозмутимый глава семьи за рулем, а мать придерживает, чтоб не выпали, радостно орущих ребятишек в оранжевых спасательных жилетах. Они приветствуют нас и машут руками, показывая, что пора возвращаться в город.

Перед вечерними деловыми и музыкальными встречами с хозяевами города Микко заводит нас к своему знакомому рыбаку Теему Коури. Мы поднимаемся вдоль древних складов, вытянувшихся вдоль берега. Чуть повыше — жилые дома. Все они покрашены в традиционный кирпичный цвет — любимый цвет финского хозяина, всегда мечтающего иметь такой дом с кусочком земли. Давно задумали построить подобные дома и Теему с приятелями, целая артель. Они купили несколько строений по соседству недалеко от реки и старательно их реконструируют, чтобы не изменить внешний вид старых домов, не испортить облика улицы.

Мы осматриваем просторный дом, поднимаемся на второй этаж по скрипучей лестнице. Хозяева с гордостью показывают широкие деревянные кровати, удобные шкафчики, полки в кухне и великолепную изразцовую печь.

— Жаль, не увидите дом осенью, в достроенном виде,— сокрушается Коури,— я вокруг посажу цветы, деревья, а дом будет заметен издали — обязательно покрашу в красный цвет. Приезжайте снова, посидим, побеседуем...

Неторопливо шагали мы по узенькой улочке от дома Коури, а он все стоял у ворот, и доброжелательная улыбка освещала его лицо.

Перед поездкой я прочитал у писателя Топелиуса о финнах: «Общими природными чертами этого народа являются внутренняя сила, сдержанность,

Жилые дома финнов покрашены в традиционный кирпичный цвет

настойчивость, привязанность к старому и нежелание нового, твердость в исполнении обязанностей, стремление к свободе, правдивость... Финна можно узнать по замкнутому и осторожному поведению. Ему требуется время для заведения знакомства, но потом он становится преданным другом».

В доме Коури, так добросовестно восстанавливаемом, мне вспомнились другие дома, исторические памятники великого прошлого нашей страны, с которыми совсем не церемонились. Какое же давление пришлось выдержать нашим душам, чтобы так деформировалась историческая память! А семейные узы, а отношение к земле, и вообще к своему делу, а чувство красоты? Все, все это извечно составляло народную суть, но как же это искажено и переломано в современном человеке...

Когда останавливаешься в любом финском городке у ровно подстриженных газонов, тщательно ухоженных садиков, полыхающих красками цветников, невольно припоминаются наши зачастую убогие, заплеванные скверы. А финские опрятные вымытые улицы, а дороги? Не раз я справлялся у шофера автобуса, когда мы свернем на проселочную дорогу — ведь мы же в «глубинке». Он в ответ только кивал головой и показывал вперед. Но дороги всюду были неожиданно одинаковы: безупречно асфальтированные, с двухсторонним движением, с точно разлинованными белыми полосами вдоль и поперек, со

светофорами на перекрестках и с обязательными светильниками по обочинам — тем более в глухих деревенских углах.

И это все у финнов получается только благодаря «твердости в исполнении обязанностей»?

Да, время изменяет многое, даже характер народа. Мы не заметили особой «замкнутости» у наших новых знакомых. Хотя следует сделать скидку на то, что уважаемый Топелиус писал о финнах прошлого столетия. В правильности мысли писателя, что, только хорошо узнав человека, финн «становится преданным другом», мы убеждались на всем протяжении маршрута экспедиции.

Забегая вперед, можно сказать, что Микко Вартиайнен уже приезжал в Москву с новыми предложениями о совместных действиях в защиту природы, с идеями новых экспедиций.

В чем не прав оказался Топелиус, так это в утверждении, что у финнов нет «желания нового». Ведь не случайно Финляндию сейчас называют «европейской Японией».

Экологи в гостях у священника

В Ловисе ночевали в приюте. Здание из серого благородного кирпича стояло на окраине городка, окруженное деревьями, напоминало то ли часовню, то ли молельный дом. Это впечатление усиливало изображение золоченого креста над входом, а под ним надпись: «Приют для моряков». Вероятно, подразумевались моряки, терпящие кораблекрушения и всякие бедствия в житейском море. Внутри — просторно и чисто, кухня, столовая, детская. Найдя в углу груду поролоновых подстилок, мы разбросали их по полу и разложили спальники: ночлег был готов.

— Не желаете ли прогуляться по городу, посмотреть городскую церковь, возможно, застанем там после службы и хозяина приюта,— предложила приветливая молодая женщина, открывшая нам дверь.

Звали ее библейским именем Мария, вполне подходящим для роли самаритянки. Но работает Мария Хювёнен не в приюте, а учительницей в школе. Нас же она опекает как активистка местного объединения сторонников мира. У Марии — широкий круг интересов. Зная отлично английский и шведский языки (это ее специальность), она увлекается историей культуры и литературой. Много путешествует: побывала в Польше и Венгрии, а в Италию ездила на велосипеде. Ее друзья, защитники мира и природы из других стран, также увлекаются такими путешествиями.

Заметив, как мы уважительно присматриваемся к ее крепкой, коренастой фигурке, она откидывает со лба русую челку и заразительно смеется:

— Прошлым летом я ездила в Лапландию на велосипеде — пятьсот километров в одну сторону.

Мария помогает изучать финский язык выходцам с Востока, которым нелегко приспособиться к условиям жизни в северной стране, трудно найти работу. Занимается она и с местными шведами. Как известно, Швеция еще в XII веке подчинила финские земли, обратив население в христианскую веру. Оказавшаяся под шведским господством финская территория называлась «Финляндия и восточные земли», а позже просто Восточная страна. Постоянные войны

5 Зак. 3126 В. А. Лебедев

Это массивное здание кирпичной кладки — старая церковь

Церковь современной архитектуры. Не правда ли, похожа на элеватор

Швеции ложились тяжелым бременем на население Финляндии. Период великодержавия, когда в стране на всех руководящих постах расселись шведские чиновники, упрочил курс на «шведизацию» страны, насаждение шведского языка. Конечно, совместная финско-шведская история, длившаяся многие столетия, оставила свой отпечаток на Финляндии, а шведский язык стал в стране вторым государственным языком. Но сегодня только шесть процентов населения говорит на шведском как на родном.

Однако шведское меньшинство ничуть не ущемляется в правах. Участвует в парламентских выборах и входит в правительство Шведская народная партия, выпускается старейшая в Финляндии газета на шведском языке, основанная после автономии, предоставленной Финляндии в 1809 году царской Россией. В Ловисе также выходит местная газета на шведском языке, имеется городская школа, где преподавание ведется на шведском.

...Идем по парку Эспланады, и Мария задерживается около большого якоря, установленного как памятник.

А рядом — центральная площадь, где видны церковь и ратуша.

Массивное здание церкви прочной кирпичной кладки с двумя шпилями в новом готическом стиле выглядело очень внушительно. Каменные ступени вели к деревянным дверям входа, обрамленного коваными старинными фонарями. Внутри за колоннадой виднелась залитая ярким светом люстр и свечей белоснежная фигура Христа, словно прощающего всех смиренным наклоном головы.

В эту церковь ходят молиться прихожане одного из шестисот приходов евангелическо-лютеранской церкви, к которой принадлежит почти девяносто процентов населения страны. Здесь крестят детей, и все школьники участвуют

в праздничном обряде конфирмации. Здесь прихожане венчаются, и лишь немногие из них заключают гражданский брак. С церковью всю жизнь связано почти все население Финляндии. Кто не может ходить, больные и престарелые, те смотрят и слушают богослужения и молебны по телевидению и радио.

Внутри церкви я заметил специальную «доску объявлений». Там висело расписание работы консультационных кабинетов. Прихожане могут получить совет лично или по телефону по всем вопросам, возникающим в связи с проблемами в семье и житейскими невзгодами. Это немаловажно и для молодых, и для престарелых, тем более если такие советы сопровождаются конкретной помощью.

...Незаметно из бокового притвора вынырнул невысокий полноватый человек и приблизился к нашей группе. Только темная рубашка со стоячим воротником и белой вставкой впереди выдавала служителя церкви. За очками на круглом лице светились внимательные глаза. Доброжелательно пожав нам всем руки, представился — Вели-Матти Хюннинен, председатель объединения сторонников мира в Ловисе. И сразу же пригласил вечером к себе в гости.

Признаться, никто из нас не бывал в гостях у священников. Конечно, выглядит он подкупающе просто, но все же... служитель культа. Поэтому за консультацией мы обратились к Марии. Та только усмехнулась:

— Готовиться надо серьезно, подумайте насчет вечерней одежды: будет холодный вечер и много комаров...

Дом пастора разочаровал. Думая увидеть особняк или хотя бы двухэтажный коттедж за металлической оградой, мы чуть не прошли обычный одноэтажный домик, совершенно не обращающий на себя внимание в ряду других, вытянутых по тихой улочке. Лужайка перед ним была довольно вытоптана, и отгораживали ее от улицы и соседних домов лишь кусты шиповника и сирени. На площадке у крыльца одиноко стоял щит с нарисованной мишенью для метания стрел — поголовное увлечение финнов в последнее время. Веранда была увешана вазонами с цветами и вьющимися растениями. Перед домом нас ждал сам Вели-Матти Хюннинен с супругой в окружении уже собравшихся гостей.

Когда мы все разместились в гостиной, было ощущение некоего торжественного мероприятия: местная общественность принимает иностранных гостей. И если вначале выступающие сбивались на речи, то через полчаса завязалась общая оживленная беседа и обстановка сделалась совсем непринужденной. В ожидании, пока собравшиеся разговорятся, я разглядывал комнату. Благодаря раздвинутым матерчатым ширмам, соединились вместе гостиная и рабочий кабинет хозяина. Шторы на окнах были разрисованы видами финских городов. На стенах — гравюры и пейзажи, под ними простые деревянные полки, забитые книгами на разных языках.

Так как здесь собрались сторонники мира, защитники природы, представители общества советско-финской дружбы, то и темы разговора были общими, волнующими всех. С беспокойством говорили о том, что не все, даже в городском совете, понимают обстановку в мире. При голосовании за проведение в 1990 году Форума мира голоса членов городского совета разделились, были и противники, и воздержавшиеся. Кто-то сказал:

— Мы надеемся, что голосовавшие против все же не фашисты.

Другой засмеялся:

— Один был полицейский...

Затем стали обсуждать подготовку к семинару «Власть путем насилия», на который съедутся видные общественные деятели, ученые со всей страны.

Серьезные опасения внушала всем ухудшившаяся экологическая обстановка в Европе, в Скандинавских странах.

— А тут еще атомная станция под боком создает тревожное настроение у жителей: рабочие-то со станции в городе живут,— рассуждает пожилая женщина — защитница природы,— и население боится заражения почвы и подземных вод.

Утром наша группа посетила АЭС. Прежде всего в глаза бросаются чистота, порядок, отлаженность всего механизма станции, особенно в здании реактора.

Входит разрумянившаяся хозяйка и приглашает всех на лужайку угощаться блинами.

Гостей много, и вокруг жаровни под ярко-красным тентом (на случай дождя, который потом и пошел, ничуть не испортив настроения) толпятся добровольные помощники, уверяющие, что все могут испечь тонкий большой блин на сковороде. Могут-то могут, но у некоторых горе-поваров блины подгорали.

Подходим за очередной порцией блинов, запиваем молоком. После блинов с молоком хозяева затеяли игры и танцы. Собрался небольшой школьный оркестрик с аккордеоном и национальными инструментами. Тут и пошло веселье...

Опускалась ночь, но терпеливые по-фински соседи никак не реагировали на наш шумный блинный пикник. Возможно, из уважения к хозяину — служителю церкви.

Каникулы на птичьих островах

Высокий человек в синем непромокаемом костюме и желтых сапогах загораживал на мосту проезд нашему автобусу, подняв в кулаке, как красный флажок, спортивную шапочку.

— О, нас встречает сам Тимо Ялканен — глава общества охраны природы в Котке,— воскликнул кто-то.

Еще не все успели выйти из автобуса, а Тимо уже спускался широким шагом к быстрой порожистой реке.

— Покажу вам место, где собирались окрестные жители, чтобы спасти свою Кюми,— сообщал на ходу Тимо.— Не зря эту речку ценят во всей округе. С давних времен здесь, за порогами, водились сиг, лосось. Царь Александр III разрешил монахам с острова Валаам отлов рыбы на Кюми, но только для своих потребностей. Видите, до сих пор остались в целости гранитные стенки, с которых монахи забрасывали сетки. А это императорский рыбачий домик — ныне музей, построенный Финляндией Александру III в благодарность за сохранность здешних мест. Вот мы и пришли...

Тимо останавливается у края поляны, где лес отступает от берега... Недавно собралось много людей, в основном из Котки, узнав, что вверху за поворотом стали расчищать русло реки под электростанцию. Общество охраны природы пригласило журналистов из газет и радио — состоялся бурный митинг. Все это попало в прессу.

Понимая, что со строительством электростанции ничего не выйдет, хозяева стали распродавать участки земли по берегам Кюми. Теперь здесь заповедная

территория Лангинкоски. С моря, перепрыгивая пороги, поднимается на нерест лосось. Его разрешается ловить, правда, только на удочку...

Но крупнейший лесной порт страны Котка больше известен заповедником на островах в восточной части Финского залива. Скорее это даже не заповедник, а национальный парк. К островам, разбросанным вдоль побережья на десятки километров, идет наш катер.

Плывем по проливу Руотсинсалми, где во время русско-шведской войны разворачивались морские битвы, в которых сражались сотни боевых кораблей. Опыт этих баталий и заставил соорудить на острове Котка морскую крепость, разрушенную затем английской флотилией. От тех времен остался лишь православный собор святого Николая, купол которого высится в зелени парка, да поросшие кустарником развалины круглого форта Куокоури, виднеющегося от нас справа по борту на островке, похожем на головастика.

С моря особенно заметны следы когда-то прошедшего здесь ледника, мастерски отшлифовавшего камни. На побережье виднеются гигантские каменные глыбы — «поля дьявола», как их называют местные жители. Постепенно из морской глубины выступали островки, они росли, проливы между ними сужались, становясь похожими на каналы. Так образовались шхеры.

Финский берег резко отличается от противоположного, эстонского, изрезанностью и большим количеством островов. Здешний гранит очень ценится в строительстве, именно его возили для набережных и дворцов Петербурга.

В заповедном архипелаге Тимо Ялканен хочет отыскать свой любимый островок, где проводит каникулы и ведет научную работу. Об этом он нам медленно рассказывает по-русски (Тимо учился в России, окончил университет, стал биологом).

А пока мы держим курс на дальний остров Хаапасаари, один из самых больших в архипелаге. У Хаапасаари — богатая история. Люди появились на нем еще в начале тысячелетия. Затем на острова проникают шведы, возникают деревни. Существовала на Хаапасаари с середины XVIII века и русская деревня. Хотя во время войн деревни на островах разорялись, а жителей угоняли в плен, здесь вовсю шла так называемая «дружная торговля». Два берега — финский и эстонский — жили мирно. Эстонцы плавали к островам ловить рыбу, продавали осенью картофель, зерно. Финны привозили на противоположный берег соленую салаку, а покупали водку. Обычно останавливались на ночлег в эстонских семьях. Дружили по многу лет, знакомство часто завершалось родством: увозили на острова невест.

Но Хаапасаари известен не только своим прошлым, но и знаменитыми по всему побережью лоцманами, знающими вдоль и поперек капризные проливы и бухты. Это потомственные моряки, насчитывающие в своей родословной более десятка поколений, бороздивших на судах Балтийское море, когда здесь вдосталь водилось вкуснейшей рыбы да и само море было здоровым, не чета нынешнему. Чтобы поговорить на эти темы, мы и хотим встретиться с моряками-островитянами, здешними защитниками природы.

Уже видна с катера каменная башня на острове — наблюдательный пункт лоцманов, построенный в середине прошлого века. Катер плавно входит в глубоко врезанную в крутой берег бухточку. В спокойной воде отражаются десятки маленьких и больших разноцветных лодок, открытых, с каютами, с мачтами, между которыми осторожно двигается наш бело-голубой красавец катер с красной рубкой.

На зеленом острове выглядывают из-за скал и деревьев белые и желтые домики, а вдоль кромки берега вытянулись кирпичного цвета сарайчики. Там неподвижно стоят, широко расставив ноги, как в качку на корабельной палубе, трое плотных, кряжистых мужчин в куртках и вязаных шапочках. Невозмутимые обветренные до красноты лица, приветливые голубые глаза. Чувствуется, что они давно и терпеливо ждут нашего прибытия. Один из них — капитан Кейо Юрьёля.

«Капитан» — привычная форма обращения к старым морякам, но Кейо на самом деле плавал капитаном. Он вперевалочку ступает по еле заметным следам, выбитым ногами островитян на лбистых гранитах острова. Кейо немногословен и не видит ничего особенного в своей биографии, чтобы ее подробно излагать. Да, лоцманы появились на Хаапасаари давно, еще в начале XVII века. У каждой семьи имелось в бухточке свое судно. Не только ловили рыбу, но и торговали, возили продавать гранит. Но здешнюю однообразную мирную жизнь ломали войны. Разоряли островную деревню и шведы. Особенно туго пришлось в первую мировую войну. Совсем захирела с тех пор торговля, а вторая мировая — добила ее. У многих островитян остались зарубки в памяти от того времени. Опустела деревня, замерла торговля и в магазинчике, выстроенном отцом Кейо еще в 1907 году. Разбомбили их дом, даже на этом островке были жертвы.

— Правда, бомбили не нас,— помолчав, добавляет Кейо и показывает на гранитный откос.

Издали видны остатки военных укреплений: пулеметные гнезда и площадки для орудий. Поблизости памятник погибшим на минах в море, и на нем фамилии местных жителей — совсем не короткий для такого островка поминальный список. С давних пор у жителей поселка было принято, как у всех моряков, хранить память о жертвах моря. Может быть, поэтому в чистенькой, беленой церкви, сооруженной всем миром еще в 1858 году, висит под потолком старательно выполненная модель парусника. Ее удачно пристроили между идущим Иисусом и вышитым по бархату лебедем — гербом острова Хаапасаари.

— На нашем острове все знали друг друга — и все беды переживали вместе, как в одной семье. Сейчас семья сильно поредела, и нам не нужно больше жертв и горя. О войне — ядерной — страшно и подумать. Я говорю не о себе — у меня взрослые дети, уже семеро внуков. Их судьба, судьба поселка волнует. Только летом здесь живет около четырех сотен человек, а зимой если в трех домах наберется с пяток соседей, то это хорошо. Детей не заманить ни магазинчиком, ни морем. «Что нам твое море, говорят».— Кейо делает шаг к обрывистому берегу и пристально смотрит в недвижное морское зеркало, словно желая найти там ответы на мучившие его вопросы.— Я много плавал капитаном, даже доходил до Южной Америки, но больше всего люблю свое Балтийское море. Люблю и знаю, и вижу — не то нынче наше море. Прежде на пять метров дно просматривалось, любой камушек разглядишь, а теперь видно лишь метра на три. А водоросли? Раньше они росли и исчезали, но последние десять лет зеленые разводы плавают все лето вокруг острова. Конечно, нам понятно, что раз море обильно «удобряется» отходами, то и «цветет» оно пуще прежнего. Но рыбакам от этого не легче. Все были потрясены странной болезнью — вымиранием тюленей в Северном море. Впечатление от задыхающихся, умирающих неестественной смертью животных, конечно, ужасное. А разве не жаль нам балтийской рыбы, которой становится все меньше. Рыбаки раньше помалкивали,

не жаловались на убыль рыбы и на ухудшение ее вкуса, а теперь ищут причины у себя дома и, нарушая вежливость, кивают на эстонский берег...

Экологи нашей экспедиции, защитники природы из Котки во главе с Тимом Ялканеном, жители острова Хаапасаари собрались в доме капитана Кейо Юрьёля и, угощаясь ароматной ухой собственного приготовления, уже не первый час обсуждали проблемы Балтики, а слушали их местные школьники.

Это удивительное море с прекрасными пляжами из белейшего песка и крутым изгибом обрывистых берегов, дикими островками, заросшими соснами, будто создано для человека. Оно врезалось так глубоко в Европу, что его водообмен через проливы с океаном затруднен. А воды Северного моря, вливающиеся в Балтику, сильно загрязнены. Чистота балтийской воды определяется речными стоками. Но ведь не секрет, что все семь прибалтийских стран имеют на побережье сотни предприятий, сельскохозяйственные угодья, разветвленную сеть дорог с непрерывным потоком машин и, конечно, флот. И все отходы этой гигантской производственной деятельности сбрасывают в реки и море. Со всей Европы по рекам в Балтику стекают тысячи тонн нефтепродуктов. А аварийные разливы нефти, как это случилось, например, у Клайпеды, когда потерпел катастрофу английский танкер? Тысячи тонн мазута, расплываясь по водной поверхности, залили тогда чистейшие песчаные берега, подводную растительность и всю живность вокруг. А так как катастрофы происходят около берегов, то шельфовым продуктивным зонам наносится наибольший ущерб. Сельдь навечно ушла отсюда.

Чтобы масляная пленка исчезла с поверхности, приходится перекачивать через очистные сооружения тысячи кубометров загрязненной нефтью воды, буквально процеживая ее по многу раз. А пляжи? Если сразу не снять и не вывезти верхний слой, то мазут глубоко уходит в песок. Пернатые, севшие в нефтяное пятно, почти наверняка обречены: слипшееся оперение уже не защищает бедных птиц от холода, вода проникает под перья. Инстинктивно счищая клювом мазут, птицы заглатывают его и погибают от отравления.

Ничуть не лучше для здоровья моря «удобрение» его отходами сельскохозяйственного производства. Азотные и фосфорные соединения благоприятствуют массовому «цветению» простейших водорослей.

Балтийское море двухслойное: наверху — слабосоленый слой воды, внизу — гораздо более плотный, соленый... Поэтому здесь водятся и морские, и пресноводные организмы. При окислении органических остатков разросшихся водорослей, опускающихся в нижний слой, расходуются все запасы кислорода. Ценная рыба, например треска, обитающая в соленом слое, задыхается без кислорода, гибнет все живое, и целые глубинные участки превращаются в мертвые зоны. Замечено, что в последние годы мертвые участки заполняются сероводородом. Такого Балтика не знала за всю свою историю. Море уже не может само защищаться.

За «круглым экологическим столом» в доме капитана вспомнили в первую очередь Хельсинкскую конвенцию по охране Балтийского моря от загрязнения, поддержанную всеми прибалтийскими государствами и международными организациями по изучению морей. Сейчас между государствами-соседями разделены обязанности по контролю за химическим и биологическим состоянием моря.

— Чтобы наши внуки тоже смогли попробовать такую вкусную уху, нам всем, и на том и на этом берегу, надо встать на защиту Балтики — спасти ее,— сказал на прощание капитан Кейо, крепко пожимая нам руки.

Уже когда катер отвалил от причала и вышел из бухточки, Тимо Ялканен усмехнулся и проговорил:

— Рыбаков Хаапасаари, конечно, заботит судьба Балтики, они и сами каждый день сталкиваются с фактами загрязнения моря. Большим откровением для них стало то, что можно, сидя за одним столом с соседями, так открыто говорить неприятные вещи и понимать друг друга...

— Скорее смотрите вправо! Различаете маленький островок? А белые пятна? — вдруг воскликнул Тимо.

Честно говоря, с большим трудом я разглядел в бинокль горбатый островок. Над ним кружили беспокойные птицы, поднятые шумом катера.

Хотя таких островов в заповедном архипелаге много — они вытянулись вдоль побережья на 60 километров и составляют 500 гектаров суши,— но их обитатели редко видят человека. Эти маленькие острова плохо приспособлены для жизни людей, а вот для птиц они — дом родной. Охотиться здесь запрещено, кое-где лишь имеются рыбачьи домики, да приезжают любители грибов и ягод.

Тем временем катер приблизился к Птичьему острову, и наш капитан выключил мотор. Надо сказать, что, несмотря на довольно свободное посещение туристами островов и отсутствие строгих запретных мер, финны бережно относятся к растительности и всему живому на них. Хотя, казалось бы, чего тут особенно беречь? Скалы да перелетные птицы.

Я рассматриваю в бинокль (близко к острову капитан не разрешил подойти, заботясь о покое птиц) гранитные глыбы, слегка поросшие мхом. Вот и вся растительность. На граните застыли неподвижными изваяниями крупные черно-белые птицы. Сюда прилетают из тундры серые гуси, черные кайры, крачки. Много чаек разных видов. Обитает здесь одна разновидность чаек, по-русски ее называют «олуша», численность популяции которой уменьшается. Поэтому финны оберегают покой островов, особенно в период гнездования птиц.

— В прибрежных лесах живет скопа, крупная хищная птица,— рассказал нам Тимо Ялканен.— Она вьет гнезда в раскидистых кронах высоких сосен, чей возраст можно угадать по могучим медным колоннам стволов. Таких деревьев становится все меньше в окружающих лесах, а на молодых соснах скопе гнездиться опасно. Сильный, порывистый ветер ломает их верхушки в бурю, и птенцы гибнут. Вот школьники и стали выбирать старые, еще крепкие деревья и в их ветвях сооружать искусственные гнездовья.

Конечно, так называемая «морская полиция» архипелага тоже не сидит без дела — ловит браконьеров...

Катер тихо относило от Птичьего острова, а вокруг изящно ныряли за добычей крохали, осторожно поглядывая на нас.

Мы проходим между двумя одинаковыми островами. Внезапно Тимо подскакивает к борту и начинает нетерпеливо тыкать рукой влево по ходу катера:

— Во-о-н, видите, появился продолговатый остров. Видите? Да, да, еще лесом порос...

Тимо оборачивается к нам, впервые широкая улыбка сменяет озабоченность на его загорелом лице, и мелкие морщинки лучиками расходятся от глаз, а в голосе радость:

— Это мой остров. «Длинный» называется. На нем уже не первый год я провожу свои каникулы с семьей. Хочется у своих ребят тоже привить бережное чувство к природе. Живем в палатке. Иногда удается уговорить приятеля вместе провести отпуск, он тоже натуралист. Тогда все размещаемся в каюте на его катере, поставленном на якорь у берега. С утра переправляемся на остров. Бродим, наблюдаем, определяем все изменения в природе с прошлого приезда. Начинается моя настоящая жизнь, моя работа...

Тимо отдает своему увлечению всего себя, свои каникулы, и когда сталкивается с чем-то непонятным — едет советоваться к друзьям-биологам в Ленинград (ныне Санкт-Петербург).

— Острова возникли после ледникового периода — совсем молодые. Как появилась на них жизнь, когда? Почему на разных островах — разные животные? Как далеко они пробрались по крошечным клочкам суши в море? Как живут сейчас и что им мешает? — Тимо задает вопросы нам, себе, своему оппоненту.— Этой темой никто не занимался — «Жизнь наземных позвоночных на островах восточной части Финского залива». Я выбрал ее без подсказки, сам.

Тимо ставит ловушки с вечера. Чтобы определить, кто живет и сколько этой живности на острове. Ставит 20 ловушек, а иногда и 100. Смотря по тому, кого ловит и много ли этих существ здесь обитает. Утром Тимо вместе с сыном проверяет ловушки, считает свою добычу. Потом до вечера он лазает по чащобам, высматривает, вынюхивает: распознает следы животных.

Так он определил, что на острове обитают зайцы, белки, темные и рыжие полевки, американские норки, лягушки и летучие мыши. Еще живет на острове лосиная семья. Летом тут вдосталь корма, лосята хорошо растут, а зимой, когда замерзает море, семья уходит на большую землю.

Первый этап работы: нужно узнать, какое животное и где живет. «Сразу не поймал — это еще не значит, что остров пуст, надо искать, ставить новые ловушки,— объясняет Тимо,— островов-то много. Почему на одних живут только мыши, а на других лягушки? Или вот два острова рядом — один пустой, а другой густо заселен. На все вопросы, задаваемые природой, нужно ответить. Для этого необходимы терпение и годы работы».

Обследуя совсем маленький остров с другом-фотографом, Тимо получил много редких снимков ядовитых змей. На острове, кроме гадюк, водились и жабы. Как змеи попали сюда и выжили на голых скалах? Пусть на острове не ступала нога человека, но ведь нелегко было уцелеть змеям в суровые зимы.

Все это надо объяснить вначале себе, а потом в научных статьях, которые Тимо хочет обязательно напечатать. Он-то знает, какой удивительный мир скрывают эти серые невзрачные склалы. Но ему хотелось бы, чтобы все смотрели и поражались необычной жизнью архипелага и полюбили эти гранитные острова...

Они все дальше уплывают от нас — маленькие клочки суши, полные тайн. Серый полог балтийского неба на миг раздвигается, и солнечный свет заливает морскую даль. Там, уносимые ветром, тают и снова появляются над островами белые хлопья птиц.

«И сосны в золотом песке...»

Почему же этот городок с уютной гаванью, распахнутой в далекую синь озера Саймы, вспоминается чаще других и даже его финское название Лаппенранта, которое мы немилосердно коверкали, кажется теперь притягательно ласковым? Может быть, от того, что кое-кто из нас к тому времени потихоньку стал считать дни, оставшиеся до возвращения домой, а здесь к нам отнеслись внимательно, совсем по-родственному. Своих финских хозяев, разобравших нас на постой, мы даже шутливо прозвали за их заботливость «папы» и «мамы».

Высадились мы на старой брусчатой площади. Несмотря на ранний час, нас предупредительно встретили в соседнем магазинчике — в таких наши финские друзья всегда покупали что-нибудь перекусить. Стоило только нашему энергичному предводителю Туве Селинхеймо протянуть хорошенькой продавщице пластиковую кредитную карточку своего отца, уже многократно выручавшую нас как скатерть-самобранка, и в объемистые пакеты укладывались банки кофе и чая, круглые сыры и маленькие колбаски, разрезанные на тончайшие ломтики и упакованные в хрустящую бумагу батоны. Надо признаться, что всегда нашу группу отоваривали быстро и вежливо, приглашая заходить снова. Кстати, даже в крохотных лавочках где-нибудь на хуторах или островах покупки обязательно вручали в целлофановых пакетах, подобных тем, которые продаются у нас,— бесплатная услуга фирмы, если она даже состоит из одной семьи.

Раз уж зашел разговор о сфере обслуживания, то трудно удержаться от похвалы в адрес финского «общепита». Ресторанными обедами нас не баловали, на предприятиях в каждом городе экспедицию кормили в обычных заводских столовых самообслуживания. Работники приходили сюда прямо из цехов, только были они не в засаленных, перепачканных робах, а в отлично сшитых разноцветных комбинезонах. Девушки в белейших фартуках и накрахмаленных наколках на белокурых головках молниеносно выбивали чеки и метали на подносы тарелки с ароматными блюдами. О сладких булочках, тортах и пирожных, желе и кремах, разнообразных напитках говорить не приходится — они были выше всяких похвал...

Чуть ли не впервые за все путешествие в Лаппенранте нас встретило безоблачное небо, и мы, скинув надоевшие штормовки, вышли на разомлевшие от жары улицы. Наш путь лежал к Сайменскому каналу, и по дороге все с удовольствием рассматривали пеструю толпу молодежи, одетой модно, удобно, недорого, спортивно — каждый на свой вкус. Причем вкус был не стереотипный, продиктованный «кич-модой», а соответствующий уровню культуры и своему представлению о красивом и удобном.

Побывав на Сайменском канале и понаблюдав, как в шлюзах вода поднимает и опускает тяжеленные баржи, мы отправились пешком обратно в город. Шли придорожными тропами, заросшими полевыми цветами, забыв, что рядом пульсирует жизнь промышленного центра. Сельскую идиллию дополняли две гладкие лошадки в зеленой низине, жующие траву около тележки. Наверху, на откосе у пригородного шоссе, стоял свежепокрашенный синий киоск, такая гостеприимная избушка на курьих ножках. Поднявшись по склону, мы увидели, что «торговая точка» готова накормить и напоить жаждущих путников. И раньше я обращал внимание, как быстро строят такие павильончики в городах, причем трудятся обычно в выходные дни целыми семьями. Подростки

обязательно помогают старшим, а детишки играют рядом.

Чтобы не стоять в очереди к окошечку киоска, мы подошли к красному столику, где девочка наливала из кувшинов напитки. Взяв по стаканчику кофе и булочку, предложили марки. Но не тут-то было: девочка, отказываясь, смущенно покачала головой. Оказалось, мы попали в день открытия «торговой фирмы», которая привлекает внимание к своему «делу» бесплатным угощением. Семья прикатила со своим товаром на телеге из ближайшей деревни. Готовила яства мать, а дочери торговали. Двое белобрысых мальчишек с вихрами, выкрашенными в разноцветье, в джинсовых курточках с заклепками, почтительно брали бумажные тарелочки с едой из рук своей ровесницы.

На лесных дорогах Финляндии забываешь, что совсем рядом бурлит городская жизнь

Из Лаппенранты уже вечером нас привезли к одинокому дому в лесу. Смолкли моторы машин, и под лапами развесистых елей повисло плотное комариное гуденье. На врытых в землю скамьях за столом сидели мужчины и, лениво отмахиваясь от комаров, что-то обсуждали. Около них высилась темно-зеленая плотная елочка с табличкой у ствола. Дерево посадили певцы хора технической школы города в честь композитора Тойво Куула. Так вот куда мы приехали! Дом любимого финнами автора звучных хоровых произведений и мелодичных песен для сольного исполнения, дом Куула, трагически погибшего в 1918 году.

Одноэтажный дом композитора отличался старомодным изяществом, был неогорожен и открыт всему лесу. Ступени деревянного крыльца под крышей изрядно уже стерлись. Из распахнутой двери неслись знакомые звуки национального гимна Финляндии, сочиненного знаменитым Фредериком Пасиусом, зачинателем музыкальной жизни в Хельсинки, предшественником великого Яна Сибелиуса. Как музыка гимна, так и слова были написаны в середине прошлого века. Под аккомпанемент рояля пели учащиеся.

На встречу с нами финны приехали семьями. И судя по доносящимся ароматным запахам, готовились показать свое кулинарное искусство. Так оно и оказалось. На длинном столе в обеденном зале стояли блюда карельской кухни. До тех пор пока гости все не попробовали, хозяева и даже дети не сели за стол. Мы уплетали тающие во рту пирожки с рисом, без которых не обходится праздничный стол, особенно рождественский, и разглядывали убранство комнаты. Ее стены украшали ворсовые ковры. Это традиционное финское рукоделие, истоки которого уходят в бронзовый век, первым получило широкое признание за пределами страны. Ковры «рюйю» поставлялись в XVII веке в королевский дворец в Стокгольме. В последние годы финские ворсовые ковры стали все больше закупаться на международном рынке, а национальные костюмы из домотканых материалов вновь вошли в моду — их любят надевать по праздникам.

На финских праздниках, где много музыки, танцев и игр, непременно звучат народные инструменты. На ворсовом ковре висело кантеле — старейший финский инструмент, используемый для сопровождения рун (народных песен).

Тем временем концерт у рояля продолжался, пели русские романсы и песни, причем многие из гостей знали и напевали их.

Постоянный декламатор на наших встречах Хейкки Рапо читал стихи писателя периода неоромантизма Алексиса Киви «Страна Суоми»:

Там в тысячах озер всегда
Ночная светится звезда,
Там кантеле звенит струной,
И сосны в золотом песке
Звенят вблизи и вдалеке:
Вот здесь Суоми, край родной!

Меня не покидало странное чувство нереальности происходящего: еще перед глазами крутились суперсовременные машины на предприятии, где мы были днем, а сейчас — молчаливый, темный лес, деревянный дом со старинными люстрами, полный музыки и света, спокойные танцы на узорном паркете...

И вот, разглядывая картины в гостиной, бронзовый барельеф композитора Куула, я прочитал снова название «хоровое общество». Просто в сознании никак не укладывалось, что это не мертвый музей композитора, а насыщенный жизнью центр культуры, очень подходящий национально-романтической окраске творчества Тойво Куула. Хорошее дело предприняли Высшая техническая школа и ее хор, выкупив этот замечательный дом, овеянный старыми культурными традициями, взяв над ними опеку и не закрыв его гостеприимные двери на замок, как это иногда происходит с усадьбами знаменитых творцов...

Еще у входа в дом композитора мы познакомились с семьей Хейккиненов, Вейкко и Туулой, пригласивших нас на ночлег. Так как у хозяев машина отсутствовала, то поехали мы вдвоем с экологом Олегом Чарыевым на старенькой малолитражке, дребезжащей всеми частями. Вез нас Юни Марьюмоки, бывший студент, а ныне безработный, мечтавший снова учиться на философском факультете. Из-за нехватки средств эта мечта пока оставалась недостижимой, так же как и женитьба на юной гимназистке, сидевшей с ним впереди. Но Юни не унывал, приглашая нас на праздники в Финляндию, уверяя, что к тому времени все образуется. В дороге он рисовал увлекательные картины, как скоро в деревнях, на Аландских островах будут праздновать Иванов день, сохранившийся еще с языческих времен. Разведение костров, обрядовые игры, гадание, высокие шесты, украшенные цветами и листьями, в домах обязательно березовые ветки — весь праздник олицетворяет надежду на богатый урожай, благополучие.

При всей вере в грядущее благополучие было заметно, что не только Юни, но и нашим хозяевам Хейккиненам приходится весьма экономно распределять свой семейный бюджет. Их небольшая квартирка в обычном доме стоит миллион марок, недешева и бытовая техника. И квартира, и обстановка, и вообще все в доме куплено в рассрочку. Между тем банковский заем дается под двенадцать процентов, так что в месяц только за квартиру приходится выплачивать более тысячи марок. Недешево стоит содержание Вилли и Женни, которые уже улеглись спать — завтра рано в школу.

Сам Вейкко, служащий городского муниципалитета, занимается социальны-

Наконец-то мы вышли на лодках на просторы озера

ми вопросами. Он рассказал нам, что в Лаппенранте трудно устроиться на работу, а в Хельсинки жить дороже, да и не хочется многим отпускать далеко молодежь из дома. Его жена Туула работает физиотерапевтом в доме инвалидов, так что ей хорошо известна изнанка жизни, бедствия людей, выброшенных из привычной колеи.

— Нелегко рабочим бороться за свои права, особенно на крупных предприятиях,— вступает в разговор молчавший до сих пор лобастый плотный человек, друг наших хозяев, Эркки Каупинен — руководитель местных защитников природы.— Хотим в ближайшее время выпускать свою газету — легче будет ставить острые вопросы, добиваться ответа на них. Моя жена, работающая на заводе концерна «Партек», все время жалуется на сильное загрязнение воздуха. Каждый день взрывы в карьере неподалеку от цехов поднимают горы известковой пыли — никакие маски не спасают. А за вредность не платят.

— Действительно, установленные на финских предприятиях нормы вредных выбросов в окружающую среду учитывают в первую очередь технологические возможности производства, а не их влияние на здоровье рабочих,— добавляет Олег Чарыев,— на ТЭЦ нам сообщили о высоком проценте задержки серы. Казалось бы, хорошее дело. Но в чем тут причина? Очень просто — это выгодно

фирме: серу можно продать. А меры, требующие больших затрат по борьбе с другими загрязнителями окружающей среды, откладываются...

Ранним утром провожать нас отправилась вся семья, а Вилли и Женни помогали нам тащить рюкзаки.

На набережной гавани, у поставленного на вечный причал парусника «Принцесса Арманда», переделанного в пивной бар, собирались провожающие. Вейкко обещал прислать свежий номер новой газеты с описанием всех экологических бед, а Женни совала мне в карман какое-то свое любимое лакомство на палочке. Сияло солнце, все трогательно прощались, не хватало только духового оркестра, хотя кто-то вдали играл на аккордеоне. В жарких брезентовых куртках мы поодиночке пробирались сквозь нарядную толпу глазеющих и садились в длинные сигарообразные лодки. Пока гребцы разобрались с веслами, нашу красивую коричневого дерева лодку отнесло, на радость публике, на середину гавани к сверкающему фонтану, который окатил нас водой. Но вот уключины заскрипели, и две узкие лодки вынеслись из гавани.

Впереди открылись просторы Сайменского озера.

В поисках сайменской нерпы

Цветастая набережная Лаппенранты с толпами разодетых по-летнему людей скрылась за елями, как только мы проскочили горловину бухточки. Красноносые узкие лодки режут водную гладь. Так и хочется добавить — «бескрайнюю», но это будет неточно: озерный горизонт ограничивают постоянно возникающие на пути лесистые острова.

Гребцы приноровились друг к другу — перестали обдавать соседей веером брызг. Мерно вздымаются семь пар весел, роняя прозрачные капли, и враз ударяют о воду, сгибаются взмокшие спины.

Опасаясь дождя, я натянул на себя непромокаемую одежду, а теперь мучаюсь от жары, ухитряюсь сбрасывать свое обмундирование частями: спасательный жилет, ветровка, сапоги летят на дно лодки. Последней упала лыжная шапочка — пот заливает глаза.

Поначалу две наши лодки пытались опередить друг друга под командное уханье рулевых, потом притихли, плавно двигаясь в кильватер меж бакенами, пропуская шустрые катера. Идем мимо островов, где на скалистых берегах притулились, как гнезда, пестрые домики. Таких дачек для отдыха и рыбалки — тысячи в Финляндии. Именно на островах своих многочисленных озер любят уединяться финны, снимая напряжение городского ритма.

Подустали руки, горят натруженные ладони, кажется, гребем целую вечность, хотя солнце еще в зените. Наконец передняя лодка сворачивает к одному из островков, где хлопочут люди. Как нельзя кстати оказались на острове хозяева одинокого домика. Пожилая пара вежливо предложила напиться и совсем неожиданно угостила арбузом — первой ягодой, опробованной здесь нами. Вообще, большинство фруктов и овощей на этой северной земле — привозные.

Перекусив, мы разлеглись на камнях, оглядывая серую поверхность воды самого большого финского озера Сайма, распахнувшегося на четыре с лишним тысячи квадратных километров. Но это озеро известно не только размерами, но и знаменитой сайменской нерпой, этим сохранившимся после ледникового периода

У радушных хозяев домиков на островах мы всегда встречали теплый прием

реликтовым животным. Ее изображение украшает эмблему «Союза охраны природы Финляндии»...

Вглядываюсь в озерную рябь, стараясь подметить на ней хоть какое-либо движение, всплеск, выдавший бы присутствие таинственного животного (ни один человек в экспедиции сайменскую нерпу в глаза не видел). Но тут даже бинокль бессилен. Тем временем наши экологи объясняют происхождение этого эндемика. Прислушиваюсь к их разговору.

— Почему только в Сайменском озере? У нас тоже такие тюлени обитают в закрытых водоемах: Каспий, Байкал, Ладога...

— Но каким образом тюлень забрался так далеко на юг, как он попал в Байкал, как приспособился к жизни в пресном озере?

— Когда-то предполагали, что в древности море простиралось до самого юга Сибири, потом стало отступать, а тюлени остались в Байкале. Сейчас считается, что в Каспий и Байкал нерпа попала с севера, привыкла к местным условиям и даже к пресной байкальской воде.

— Если байкальская и каспийская нерпы — это отдельные виды, то ладожская и сайменская являются подвидом североморской кольчатой нерпы, названной так по кольцевому узору темных пятен на шкуре.

— Все знают, что этим летом североморской кольчатой нерпе нанесла страшный урон эпидемия непонятной болезни. Подозревают, что это чумка. Вспыхнула она и на Байкале, хотя там и раньше-то было менее ста тысяч особей. А сколько всего сайменской нерпы?

— Гораздо меньше, ее в 60-е годы было около пяти тысяч, а как дело обстоит сейчас, узнаем позже от финских защитников природы.

Привал окончен, раздается команда:

— По лодкам...

Спускаемся к кромке берега, сталкиваем лодки в озеро и запрыгиваем сами, рассаживаясь на скамейках.

— Весла на воду... И... Взяли... раз...

Хотя на Сайменском озере тысячи островов, тот, к которому ходко идут наши лодки, пожалуй, самый известный в Лаппенранте. Во всяком случае, все молодые люди в разговоре с нами поднимали большой палец:

— О, остров Пейвио — там очень хорошо.

На этом острове — молодежный палаточный лагерь. Пертти Сиилахти, секретарь регионального отделения общества охраны природы, пояснил:

— Ездят туда все желающие — подростки, молодежь, с разными взглядами и вкусами. Оплачивают пребывание на острове и содержат базу многие городские организации. Можно там провести «уик-энд», а если хочешь — весь отпуск. Купанье, рыбалка, грибы — разве соскучишься?

Когда после полудня дно нашей лодки прошелестело по камышу и нос уткнулся в берег «острова желаний», конец веревки, брошенной нами, неожиданно ловко принял грузный человек с седым ежиком волос. К нашей радости, длинный день плавания окончился, и мы, как бывалые моряки, с достоинством ступили на берег. Но когда встречавший мужчина лукаво глянул на нас и добрейшее его лицо расплылось в улыбке, вся напускная наша серьезность пропала и мы по очереди представились хозяину базы — Хейкки Кукконену. Большой и неторопливый, в подтяжках поверх ковбойки, он вышагивал впереди нас, обстоятельно показывая свое хозяйство.

Втащив рюкзаки в желтый домик, обшитый досками, и пройдя по идеально вымытым половицам, мы вступили в горницу с нарами для ночлега. Но в таких домиках жили только в холодные и ненастные дни. Обычно летом молодежь располагалась на лоне природы — стационарные растянутые палатки виднелись за окном.

Попав в уютную кухоньку со сверкающими кастрюлями и сковородками, вилками и ложками-поварешками, с набором специй в ярких коробочках, девушки уже не могли оторваться от газовой плиты и стали готовить себе кофе.

Пока жена Кукконена вместе с нашими дежурными занимались обедом в вытянутом здании столовой, рассчитанной на максимальное количество гостей острова, мы с Хейкки вышли в промытый дождем лес.

Деревья подступали к самым зданиям, окружали палатки. Кроме строений — никаких признаков постоянного пребывания человека на острове не ощущалось. Аккуратные тропы, заросшие мхом скалы. Поражало отсутствие валяющихся сучьев, гниющих деревьев — лес был идеально чистым. Все убиралось и складывалось в поленницы, а выбракованные деревья спиливали на дрова. Сразу вспомнились груды отходов и мусора у наших туристских лагерей и баз в той же Карелии.

Финны очень бережно относятся к своим лесам:
при заготовке древесины у них не пропадает ни одной щепки

Возле сельских домов я не раз замечал небольшие машины непонятного для меня назначения. Теперь Хейкки подошел к такой же машине, стоящей за поленницей дров, с охапкой стволов и сучьев. Свою добычу он заложил в широкий раструб, нажал какую-то кнопку, и из чрева машины послышались смачный хруст и треск, будто прожорливое чудовище перемалывало кости мощными челюстями. Не прошло и минуты, как из жестяного рукава «древорубки» посыпались аккуратные полешки, одно к одному.

Бережно укладывая дрова, Хейкки поднял одно полено, вдыхая смолистый запах.

— Мой отец понимал толк в дереве,— промолвил он, любуясь узором свежего среза.— Строил такие лодки, как у вас, и других размеров. Помню, оставляли меня маленького дома, а сами отправлялись в лес искать хорошую ель. Ведь наши леса больше еловые. Уходили зимой, в четверг или пятницу. Примета такая есть: в зимние дни, в конце недели, лучше всего выбирать дерево на лодку.

Видели бы, какие по весне у нашего дома расписные лодки качались на озере: двухслойные и четырехслойные (это по количеству досок на борту). Натягивай паруса, жди попутного ветра — и в плавание. Строились большие лодки. Когда

надолго за рыбой уходили, семью брали и живность домашнюю прихватывали для пропитания. Но это давно было...

Хейкки Кукконен умолкает, достает из кармана жестяную коробочку и тщательно набивает трубку, уминая табак большим пальцем. Ароматное облачко повисает в вечернем воздухе, сквозь которое лицо Кукконена выглядит умиротворенным.

И я решаюсь задать давно мучающий меня вопрос:

— Хейкки, а вы или дед с отцом встречали каких-либо интересных животных, путешествуя по здешним местам?

— Ну, смотря кого — ворону всегда увидишь, куда ни поедешь,— ворчливо шутит Хейкки.— Из крупных зверей у нас водятся рысь да медведь. Еще в моем детстве рыси опасались, я сам встречался с ней однажды в соседнем лесу, но сильно поубавилось этого зверья: вначале охотились, потом пораспугали во время войн — первой и второй. На медведя ходил мой отец, а сейчас их в стране всего около пяти сотен, хотя ежегодно отстреливают несколько десятков. Я не охочусь, не могу убивать животных, да еще такую умницу, как медведь. До медведей ли тут, когда червякам не дают покоя. По нашему радио слышал: выращиваем и продаем на экспорт дождевых червей. Вот так-то... Какой уж там медведь...

Почему же Хейкки ни словом не обмолвился о нерпе? Сам живет на Сайме и ничего не слышал и не видел? Не может того быть.

Хейкки молчит и двигается вперевалочку по тропинке среди валунов по высокому берегу над озером, где в воде купается солнце.

— Не будет завтра погоды, ой, не будет,— бурчит Хейкки,— ладно уж, костер проверим и сплаваем...

Так сам Кукконен дал согласие пройтись на лодке к малым островам, которых отсюда не видно. Просто пройтись и посмотреть, может, кого и встретим...

Для вечернего костра место выбрано на скалистой площадке у самой кромки воды. Около груды дров приткнулось тяжелое ведерко. В нем специи для ухи, банка клубничного конфитюра и кастрюля с тестом — для блинов. Сковородка стояла на таганке между камнями — место постоянного кострища.

— Кто же этот добрый волшебник? — кивнул я на припасы.

— Волшебница. Моя хозяйка здесь побывала,— удовлетворенный полным порядком, произнес Хейкки.— Вон и сауна греется...

Действительно, от сарайчика у дальних мостков, видневшихся на воде, тянуло березовым дымком.

— Обойдутся без нас. Поехали,—Хейкки решительно повернул к лодкам.

Нашлись желающие погрести, и через минуту наша «Карелия» заскользила по гладкой водной поверхности. То ли всем хотелось побыстрее попасть на неизвестный остров, то ли гребцы подобрались посильнее, но лодка просто летела в легком тумане, опустившемся на озеро. Шли бесшумно, поэтому слышен был шелест утиных крыльев над головами, а перед неожиданно возникшим островком даже не вспугнули пару лебедей у берега.

Я все вглядывался в переливы воды и тумана, ожидая встретить нерпу. Ведь где-то там, в озерных глубинах, быстро движется ее темный силуэт, легко рассекая толщу вод. Но тщетно — последняя надежда оставалась на остров.

Тихо пристали к овальному островку, на котором, по словам Хейкки,

Сайменское озеро

сохранилось ледниковое озерцо. Разбрелись по берегу, все оглядели, но безуспешно — следов нерпы и в помине не было...

«Где же сайменская нерпа?» — с этого начался разговор у вечернего костра на острове Пейвио, встретившего нас блинами.

Невеселую историю о нерпе, да и о судьбе самого озера Сайма поведал всегда предельно собранный и информированный, с цепким взглядом серых глаз на худощавом загорелом лице лесовод Пертти Сиилахти, примкнувший к экспедиции в Лаппенранте:

— Пора сайменскую нерпу заносить в Красную книгу, как, впрочем, и соседку с Ладоги — плохо им живется. Посудите сами: озеро Сайма, несмотря на свою величину, стало шумным и сильно загрязненным. Мало того, что все дачники на островах обзавелись моторными лодками — от них жуткий рев, пятна от бензина и масел на воде, воздух отравляется газами — по озеру еще ходят крупные транспорты с нефтью, удобрениями. А если какой-либо из них перевернется или случится другая катастрофа? Все живое будет отравлено моментально — озеро-то хоть велико, но очень мелководное. Вокруг Саймы выросло слишком много предприятий, которые забирают огромное количество воды. Поэтому произошло понижение уровня озера.

Вода, пожалуй, оказалась самой уязвимой частью природы. Любой сброс

отходов предприятий обязательно попадает в озеро — больше некуда.

Ядовитое кольцо все больше сужается вокруг региона обитания нерпы. Загрязнение воды приводит к тому, что самки не могут рожать, сокращается численность нерпы.

Вроде бы можно нерпу переселить в северную часть Сайменского озера, где нет предприятий. Но воды там тоже отравлены — слишком много выпадает кислотных дождей, в основном из-за работы ТЭЦ.

— Мы не встретили в эту экспедицию нерпу,— объясняет Пертти,— потому что она ушла на дальние маленькие острова с чистыми берегами. Только в конце 80-х годов наш «Союз охраны природы» смог выкупить эти острова, где находятся места обитания нерпы. Она нуждается в охране, так как, по нашим подсчетам, осталось всего 160 особей. Очень хочется, чтобы уменьшение количества сайменской нерпы приостановилось и стала повышаться рождаемость. Так что не беда, что мы ее не увидели и не нарушили ее покой...

Неровное пламя костра отбрасывает блики на недвижную воду озера, в которой угадываются быстрые темные тени. Что, если рыбы выплыли на свет? Невольно вспоминается, что биохимики предложили использовать звуки, издаваемые рыбами, для определения степени загрязнения воды. В нечистой воде рыбы «покашливают» и «хрипят». Чем вода ядовитее от отбросов, непригоднее для обитания живого, тем резче и громче «хрипы».

Вокруг стоит полная тишина, разлитая над ночной Саймой. Ни звука. Может быть, рыбы, приплыв на свет костра, вопиют изо всех сил, а мы их не слышим?..

Пламя над водопадом

Лодки-лебеди все махали своими красными крыльями, а горизонты Саймы терялись в бескрайней голубизне. Впереди манила к себе Иматра. Внезапно пропал с утра Эркки Роиха и также внезапно явился на допотопном буксирчике, тянущем за собой баржу. Она производила неотразимое впечатление своими добротными формами и носила роковое имя «Красивая Вера» (есть такая душевная песня у финнов). Моряки знают, что, если появляется женщина, жди несчастья. Так оно и случилось. При посадке плохо положили трап с причала на баржу, и он под моей тяжестью скользнул по борту. Не успел я охнуть, как пошел вниз вместе с трапом. Плавать бы мне под баржей, если бы могучая рука Эркки не ухватилась за мой рюкзак. Вот что значит реакция старого спортсмена. Роиха заткнет за пояс любого молодого: он и гонщик, и на каноэ до сих пор выступает на чемпионатах страны. Эркки заядлый спортсмен, особенно допекает физическими нагрузками щуплого школьника Антти Лавикайнена. Стараясь подражать своему отцу-геологу, Антти записался в экспедицию.

Сейчас Антти пиликает что-то грустное на губной гармошке.

Наш странный караван плавает по бесконечному зеркалу Саймы среди отражающихся облаков и хвойных островов. И на память приходит мотив старой песни, возникают полузабытые строки: «Долго будет Карелия сниться... остроконечные елей ресницы над голубыми глазами озер...»

Глохнет движок буксирчика. Поспешно шнуруем на себе спасательные жилеты. За бело-голубой цвет мы их зовем «ооновские». Жилеты такие изящные и легкие, что вряд ли они удержат человека на воде, зато в непогоду эти верные спутники защищали нас от ветра и дождя.

Экологи исследуют загрязненность воды

Снова команда: «По лодкам».

Сверкают красные лопасти, кипит вода, и незаметно впереди возникает широкая полоска земли. Она все ближе, мы уже различаем причалы, катера, и кто-то недоверчиво восклицает: «Иматра!» Навстречу нам выскакивает моторка и цепляет к своей корме лодку с рюкзаками. На причал помогают выбираться шумные люди, прибежавшие от большого деревянного дома. Из кухни доносится стук посуды и дразнящие запахи ужина. Рядом у воды ждет сауна. Может быть, эта радушная встреча потому так запомнилась, что мы прибыли в последний город на финской земле?

Собираемся на просторной веранде и беседуем. Кто только ни пожаловал сюда на чашку чая! Лена Урполайнен-Овайнено, элегантная женщина в причудливой шляпке, городской депутат от партии «зеленых», строго спрашивает у Вадима Бурлака, президента нашего Клуба путешествий:

— Есть ли результаты вашей деятельности?

И Вадим подробно перечисляет все экспедиции клуба, говорит о встречах на предприятиях и в школах, с учеными и общественностью. Представитель здешнего «Союза сторонников мира» Аймо Калонен обсуждает с экологом Рейно Супиеном совместные выступления в Иматре. А городской специалист по окружающей среде Илпо Силакоски, увлекшись описанием угнетения хвойных

пород от двуокиси серы, размахивает руками над нами, показывая, как ветры гонят вредные газы, образующиеся при сжигании мазута в котельных на различных предприятиях.

— Такие вредные ветры, по нашим наблюдениям,— убежденно говорит он,— дуют из Светогорска, с вашей стороны.

Вступают в разговор защитники природы и журналисты из Лаппенранты.

— Допустим, мы добиваемся более строгих законов по контролю над загрязнением окружающей среды для предприятий. Им нужно строить новые очистные сооружения, но это очень дорого. Иногда поглощает львиную долю прибыли. Значит — невыгодно. Тогда владельцы начинают сокращать с предприятий рабочих. Возникает социальная проблема.

— Во всех конфликтных случаях очень помогает вмешательство прессы, общественности. Проводим семинары, «круглые столы» с депутатами, с предпринимателями. Используются результаты государственных лабораторий по контролю за окружающей средой. Опираясь на этот опыт, разрабатываются новые законы охраны природы.

Много хлопот Лаппенранте доставляет целлюлозно-бумажный комбинат, имеющий химическое производство, выпускающий сотни тысяч тонн бумаги и целлюлозы в год и загрязняющий озеро Сайма.

Вопрос о загрязнении предприятием воды и воздуха обсуждался на конференции защитников природы вместе с депутатами и специалистами. Но представители администрации ЦБК побоялись явиться на суд общественности. Тогда выступили с резкими статьями газеты. История получила широкую огласку, и на следующую встречу пришла делегация химиков. Под нажимом общественности комбинат пустил новые очистные сооружения, благодаря чему загрязнение воды снизилось на 30 процентов. Предприятие выплатило нынче большую компенсацию государству на содержание лабораторий по изучению состава воды, и каждый год в Сайму будет выпускаться молодь рыбы за счет комбината.

...С утра решили переправить через плотину на Вуоксе наши «церковные» лодки. Издавна верующие переправлялись на подобных лодках с островов на богослужения в городские церкви. Отсюда и название.

Пока плыли по Вуоксе, надышались отравы: ветер гнал со стороны ЦБК тошнотворные запахи. Они шли волнами, разной степени концентрации. Это от них по берегам желтеют ели. И вода здесь другого цвета — маслянистая, даже весла, казалось, в ней медленнее двигались.

Подогнали лодки к электростанции, думая, что придется тут помаяться, перетаскивая их волоком. Но вдруг, откуда ни возьмись, легковушка с прицепом — с приспособлением для перевозки лодок. Мы подхватили «Карелию», положили нос на каток, зацепили его тросом, а затем заработала маленькая лебедочка. Вся процедура заняла несколько минут.

Эта нехитрая операция выручила нас: мы не опоздали к пуску знаменитого иматринского водопада, который был перекрыт плотиной в 1929 году при сооружении ГЭС. Поднимались мы к водопаду по дорожкам Коронного парка, самого старого заповедника в Финляндии, созданного по указу Николая I. Теперь водопад пускают летом только несколько раз в неделю.

Толпы людей ожидают этого зрелища на отвесных скалах по берегам.

Я пробрался на высокую площадку и увидел над городом желто-черную

гриву дыма. Даже пламя посверкивало в окнах корпуса металлургического завода. Этакий молох, в чреве которого ревет нестерпимо яркое сатанинское пламя и течет лава расплавленного металла.

— Завод старый, приспособлений для очистки выбросов нет,— рассказывал нам Пекка Холдупайнен, профсоюзный активист.— Тонкая легкая пыль, содержащая соединения железа, разносится на большие расстояния, перелетая, конечно, и через границу.

О строительстве новых очистных сооружений особенно заставляют задумываться аварийные сбросы. Такие сбросы эмульсии в Вуоксу сильно вредят реке — дохнет рыба, а грязная вода попадает на нашу сторону. Теперь, вняв призывам общественности, администрация завода устанавливает очистное оборудование.

...До пуска водопада остались секунды. Все взгляды прикованы к старому руслу, напоминающему гигантский каньон, ложе которого усеяно огромными валунами. Внезапно вырвался единый вздох — высоко за мостом возникло белое пушистое облачко. Оно кисеей скользнуло вниз по руслу, заполняя все ложе и приближаясь к нам. Растекаясь тонким слоем, поток воды стремительно ширился и катился неудержимо вперед. Все бурлило, кипело, бешено крутились стволы деревьев, с глухим рокотом перекатывались по дну камни, взлетали клочья пены от могучих ударов воды о берег. Водопад гремел и рвался из берегов.

— Стихия! — уважительно произносит стоящий рядом мелиоратор Евгений Зыбин,— 800 кубов в секунду! Раньше, когда финны, не предупреждая нас, делали сброс воды из Саймы — это был губительный удар по берегам Вуоксы.

Зыбин — профессионал в этом деле, он член комиссии по использованию пограничной водной систе-

Пуск знаменитого Иматринского водопада

Мост через Вуоксу у Иматры

мы. По решению этой комиссии были закрыты особо вредные производства по ту и другую сторону границы. Ведь вся грязная вода попадает по Вуоксе в Ладогу.

В прежние времена по пограничным рекам проходил молевой сплав леса — теперь это запрещено. Известно, что от разложения древесины образуются фенолы, отравляющие все живое в воде. Поэтому совместная комиссия регулирует водные ресурсы, имеет график сбросов, планирует их.

При сбросах воды учитываются самые неожиданные обстоятельства. Зимой, например, сбрасывать воду просто опасно. Может так понизиться уровень Саймы, что озеро промерзнет до дна и погибнут тюлени. Ну а если зима снежная? При таянии снегов уровень воды в озере резко повысится, и бурный паводок сметет все на своем пути. При этом, конечно, надо учитывать — солнечная ли весна, тогда много испаряется воды и сброс можно сделать меньше. Из поля зрения не должна ускользать ни одна деталь. Например, на Вуоксе всегда масса любителей подледного лова, а при зимнем сбросе вода покрывает лед. Значит, следует позаботиться и о рыбаках. Когда финны просят, наша сторона старается пропустить больше воды, но при этом, конечно, все же размывается сложившееся русло Вуоксы, происходит подмыв берегов. А если мы не примем сброс из Саймы, то у финнов в верховьях Вуоксы начнется настоящее наводнение: поплывут домики, стога и баньки. Вот почему комиссия разрабатывала правила и сроки сбросов, как говорится, на все случаи жизни.

...Тихо шелестят последние струи воды по каменистому старому руслу водопада — сброс кончился. Мы выходим из Коронного парка, чтобы отправиться на загородную дачу, где состоится прощальная встреча с членами общества «Дружба».

Это был не просто один из лучших вечеров, проведенных с хорошими друзьями. На берегу лесного озера мы с изумлением убеждались, что умное и полезное дело — «мероприятие», как у нас говорится,— можно проводить с такой продуманностью и теплотой.

Сразу же в небольшом буфете мы перекусили, выпили чаю и кофе и отправились в концертный зал, где беседовали о серьезных проблемах и читали стихи; кто желал — танцевал, пел.

У дома спортсмены-любители и их дети бросали стрелки в мишень и катались на катере или водных велосипедах.

Тем временем у самого берега между специальными кирпичными стенками разжигали костер... в большом котле. Пока ждали углей для приготовления таинственного блюда, любители попариться отправились в сауну.

В честь этого финского обряда хочется слагать оды Именно оды — во множественном числе. Потому что, где бы ни останавливались, обязательно рядом, как по волшебству, оказывалась сауна. Мы парились в маленьких закутках в жилых домах и «урбанизированных» саунах, в небольших личных сарайчиках и уютных домиках на берегах Саймы или Балтики. Иногда на банных полках лежали полотенца, шапочки и даже коврики для сидения, а часто — только шайки для обливания. Но что было всегда — это купание с мостков в холоднющей озерной или речной воде.

Ничего удивительного, что сауна заняла в жизни финна такое большое место. Ведь это признак здорового образа жизни, признак духовного здоровья. В сауну ходят семьями, с детьми. Сауна проявляет и подчеркивает доверие, уважение, дружбу между людьми.

На котел с жаркими углями уже положили решетку и поджаривали колбаски. И, покачиваясь на качелях, все ладно пели песни — русские и финские.

Солнце опускалось за озеро, и темными силуэтами над ним вставали тростники и деревья, и скользили по нему далекие лодочные тени.

Ветер над Вуоксой

За плотиной мы еще издали увидели, как в заводи нас терпеливо дожидаются, как верные подруги, две длинные лодки. Толпились провожающие и корреспонденты, но, честно говоря, нам было не до интервью — просто стало очень грустно...

Лодки красными стрелами вынеслись на речную стремнину и ходко пошли вниз по течению. Разминулись с баржей, груженной золотистыми стволами — русский лес везут для переработки в финскую бумагу. Чем дальше, тем больше запущены берега: виднеются кучи металлолома и целые свалки мусора.

— Смотрите, дымы-то какие разноцветные,— тихо говорят сзади. И правда — небо располосовано дымными цветными шлейфами. Вначале они шли к Иматре, потом ветер развернул их в нашу сторону. К Светогорску.

Снова вспомнились справедливые слова финских экологов: «Иматра и Светогорск — единое экологическое целое, нужно бороться сообща за чистоту окружающей среды».

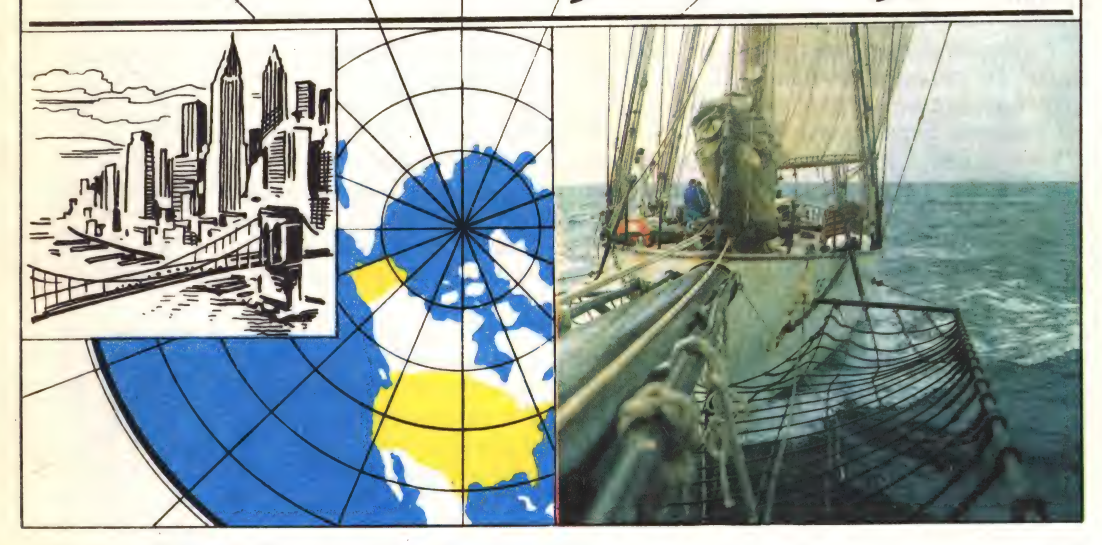
Вскипает под веслами текучая вода. Что-то несет она к Светогорску и дальше — в Ладогу? Хоть и добились там закрытия старого Приозерского ЦБК, но ни для кого не секрет, что десятки других предприятий сбрасывают в Ладожское озеро свои сточные воды. Да и сам Светогорский комбинат, куда нас влечет Вуокса, тоже не без греха. За последние годы не один раз комбинат производил выбросы в Вуоксу, загрязняя реку своими стоками на километры — все это попадает и в Ладогу, пагубно действуя на ее воды. А ведь какой красоты и полезности озеро губим!

...Близится конец нашего пути: впереди реку перегораживают боны. Финские пограничники специально установили их по нашей просьбе, чтобы преграждать дорогу мусору, плывущему по Вуоксе. Так и получилась преграда, очищающая воду перед плотиной Светогорской ГЭС.

Носы лодок утыкаются в «плавучую границу», нас втягивают на зацементированную дорожку улыбающиеся финские пограничники и вежливо сопровождают «коридором мира» к пограничным столбам. А там уже машут руками люди в зеленых фуражках. Всегда бы так переходить границу!

Я оглядываюсь на сиротливо приткнувшиеся у бонов лодки, сослужившие хорошую службу нужнейшему делу сбережения воды и земли. Действительно, в наше время охрана природы не должна знать границ.

США-Россия
Все мы в одной лодке

В этом плавании через Атлантический океан, организованном американской группой «Русско-американский парус» и российским клубом «Путешествия в защиту мира и природы», впервые участвовала русско-американская команда, впервые люди разных национальностей, школьники, студенты, ученые шли под парусами через океан под лозунгом «Все мы в одной лодке», объединенные единой идеей спасения мира и природы. Впервые встретившись на небольшой голландской шхуне «Те Вега» («Прекрасная звезда»), интернациональная команда выдержала в течение сорока с лишним дней плавание через океан и два моря, все штормы и невзгоды, отстояв почти сотню вахт, и прибыла из Нью-Йорка в Санкт-Петербург. Люди разных убеждений нашли общий язык по главным вопросам борьбы за мир и жизнь на земле, вместе проводили во время плавания экологические исследования, доказав, что нынешняя молодежь способна жить в мире и трудиться на его благо.

Живая статуя на перекрестке

Вылезаю из носового люка на палубу и стою ослепленный июньским солнцем, отраженным сотнями окон небоскребов, нависших над портом. Оглушает

и возбуждает гвалт цветастой разодетой толпы, заполнившей площадь, причалы, открытые кафе на вторых этажах магазинов и ресторанов. Два из них — «Царевич» и «Гласность» — устраивали нам грандиозный праздник с исполнением русских и украинских песен и плясок.

Русско-американское плавание на шхуне «Те Вега» субсидируют десятки американских фирм и общественных организаций, борющихся за мир и сохранение окружающей среды. Их представители, хозяева, у которых мы останавливались на ночлег, родственники и друзья членов команды — все пришли нас проводить в плавание через океан.

— Отдать концы! — командует капитан, голландец Нилс Линдайер (шхуна плавает под флагом Нидерландов).

Капитан Нилс Линдайер прокладывает на карте курс шхуны «Те Вега» («Прекрасная звезда») через Атлантику

«Те Вега» медленно отрывается от стенки пирса, и берег взрывается криками и песнями, усиленными мегафонами, прощально машет платками и шляпами. Кое-кто вытирает слезы: уплывают дети в далекое путешествие.

Шхуна осторожно маневрирует между двумя причалами и малым ходом идет по течению Гудзона. Минут через двадцать снова команда:

— Поднять грот!

Все на палубе бросаются к фалам и начинают рывками тянуть веревку. Потом поднимаем фок, и белые паруса шхуны все быстрее удаляются от причалов нью-йоркского порта.

Позади остались шумные встречи в маленьких американских городках, дискуссии в ООН и в штаб-квартире организации «Чистая вода», веселые базарчики во время «общественных» ленчей, когда хозяева угощали нас кушаньями собственного приготовления. И разговоры, разговоры... Мне показалась символической одна встреча на Южной улице, неподалеку от морского порта.

Передо мной, на перекрестке нью-йоркских улиц, возвышалась... статуя Свободы. Да, та самая. Я протолкался поближе, чтобы как следует рассмотреть необычную уличную скульптуру. Как и полагалось для статуи Свободы, ее голову украшал венок, а высоко поднятая рука сжимала факел с бронзовым язычком пламени. Тяжелые складки платья-хитона ниспадали с постамента. Я задрал голову, и совершенно неожиданно мой взгляд встретился с блестящими глазами статуи. Какое-то мгновение мы вглядывались друг в друга, затем веки статуи слегка дрогнули и она отвела взгляд. Статуя была, несомненно, живая!

Одежда, лицо, гладкая прическа с тяжелым узлом волос, обнаженные

руки — все было покрыто краской под старую бронзу, все закрашено, вплоть до изящных туфелек и постамента из фанерных ящиков, обтянутых материей. Женщина изображала статую, вероятно, с самого утра — дно коробки у ее ног покрывали центы и долларовые бумажки. Был полдень, и краска стаяла на шее, обнажив белую кожу с голубыми жилками. Сквозь бронзу проступило человеческое тело, и напряженно смотрели усталые глаза...

Не раз вспоминалась мне встреча с живой статуей во время нашей поездки по Восточному побережью. Помимо официальных мероприятий, нам удалось поближе познакомиться с американцами разных взглядов, от квакеров до «зеленых», побывать в их семьях, лучше узнать тех, кто поплывет через океан. В живом общении и откровенных беседах, подчас неожиданных, приоткрывалась жизнь людей — весьма непохожих на привычный стереотип американца с телеэкрана или газетной полосы.

Голубое и зеленое

В калейдоскопе первых впечатлений от Нью-Йорка и других городов Восточного побережья, по которым мы лихо катили на арендованном американцами автобусе, путались лица и имена новых спутников, но... только не Джейка. Он выделялся в толпе, как айсберг в океане.

В разноязыкой сутолоке на расплавленном от жары нью-йоркском тротуаре, где глаз мечется от лопающихся под напором вещей витрин к разодетым по панк- и рок-моде диковинным фигурам, Джейка нельзя было все равно не заметить.

Не сгибаясь под грузом двух рюкзаков, он мерно вышагивал на длинных ногах, не отвлекаясь ни на секунду на пестрое мельтешенье вокруг, лишь с добродушным снисхождением поглядывая из-под соломенной шляпы сельского жителя, чтобы, не дай Бог, не задеть кого-либо ненароком.

Его наряд не претерпевал изменений на всем протяжении нашей сухопутной поездки. Если все прихорашивались, готовясь к встрече с чопорным по-столичному Капитолием, то Джейк невозмутимо спускался по ступенькам автобуса в неизменной клетчатой рубашке и шортах, меняя их прохладными вечерами на джинсы и свитер. Лишь на шхуне «Те Вега» после нашего отплытия из нью-йоркского морского порта Джейк украсил свои узкие ковбойские бедра кожаным ремнем с ножнами для ножа и шила да соломенную шляпу менял в непогоду на беретик, чтобы удобнее было набрасывать на голову капюшон штормовки. Он даже ухитрялся лазать по вантам в том же самом наряде, в котором разгуливал по Вашингтону.

В столице нас с Джейком впервые свела ночевка в пригородном двухэтажном домике, куда мы прибыли на машине Бет Груп прямо из осмотренного нами Капитолия. Когда втащили на второй этаж в небольшую кухоньку пакеты с фруктами к ужину, выяснилось, что мы попали в дом, который снимают четверо молодых служащих, сочетающих работу с учебой.

— Такой большой дом содержать для одного дорого да и зачем? — улыбнулась Бет. — Вот и живем коммуной, так дешевле и веселее.

Для сна нам отвели полупустой холл внизу, и тут я понял, зачем Джейк таскает всюду свои рюкзаки. Из большого он вытянул спальный мешок, из маленького — туалетные принадлежности и стал основательно устраиваться на ночлег.

Также заботливо он вил свое гнездо на шхуне, в форпике — носовой каюте: вешал полотенца, раскладывал на полочке какие-то пузырьки и тюбики с кремами. Наши койки были рядом, и у Джейка всегда можно было одолжить все что угодно: от блокнота до резинового клея. Спал раздетым под одной простыней, несмотря на холод и сырость.

Наблюдая за ним, я подумал, что такого бывалого человека надо держаться, с ним не пропадешь. «Охотник или путешественник, не иначе»,— решил я.

Оказалось, как всегда в жизни, все сложнее. Джейк Ньюхауз (многозначительная фамилия, не правда ли — «новый дом», по-русски) не однажды во время плавания доставал из-под подушки целлофанированный альбомчик с фото и подолгу рассказывал о себе, философски рассуждая о близких, о природе, о необходимости отстоять мир на земле.

В первый же вечер в Вашингтоне, заметив мое повышенное внимание к жизни «коммунаров», Джейк заявил:

— Я тоже живу в коммуне,— затем лукаво усмехнулся и добавил,— у нас в доме собрались молодые служащие, студенты и их дети — нам очень хорошо вместе...

Имя свое — «Риверран» — дом получил по названию протекающей в полукилометре речки, которое Джейк мне перевел, как «Бег реки». Лет пятнадцать назад запущенную ферму в лесной стороне штата Нью-Гэмпшир с куском земли и лесом приобрел один веселый человек, но вдруг надумал пуститься в кругосветное плавание и продал ее, чтобы построить яхту, и в итоге отправился по той же речке Риверран на каноэ.

После него партнерами по найму стали художники Сюзанна Кинг и Питер Грануччи. Питеру хотелось жить на природе, где ему лучше всего удавались пейзажи и портреты. Под студию-мастерскую он купил соседский сарай и перенес его поближе к дому. После того как его картины получили награды на выставках в Бостоне и Нью-Йорке, у него оказалось множество заказов. Питер пишет свои картины целыми днями и еще успевает обучать в студии молодых художников.

Сюзанна Кинг до встречи с Питером золотила рамы, изготовляла багет, а теперь также построила студию на берегу речки и много рисует. Она специально написала картину перед плаванием «Те Веги» и все полученные деньги от продажи литографий вложила в это путешествие.

В Нью-Йорк Сюзанна приехала проводить Джейка. Светлоглазая, русоволосая, она участвовала в приборке на шхуне, старалась, чем могла, помочь путешественникам.

Так принято в доме-коммуне, где живут в согласии очень разные люди. Ведь содержать такую ферму не под силу двум художникам, и «Риверран», как терем-теремок, набит жильцами, которые все вместе выплачивают аренду за дом.

Джейка в путешествие собирали тоже всей коммуной. Особенно отличился Джеймс Хоуш, чудак даже в представлении «коммунаров», из любви к одиночеству переселившийся из общего дома в маленькое лесное бунгало. Он подарил Джейку шапочку, собственноручно связанную из «шерсти мира» — половину ниток он заказал в России, а вторую половину составила американская шерсть — получилась великолепная «миротворческая» шапочка.

Больше всего Джейка потрясло, что ему персонально был посвящен ежегодный «коммунарский» праздник весны. Пришли друзья и знакомые со всей

округи со своими угощениями. Устроили ярмарку-продажу разных поделок и, конечно, картин и рисунков, выручка от торговли которыми предназначалась в фонд Ньюхауза. Окончился этот фестиваль народными песнями и танцами.

Музыкальную часть подготовили жильцы-студенты, приверженные стилю «кантри». Деби Рейни не только обучается музыке в колледже, но и сама преподает искусство, теорию музыки в детской школе. Ее главный тезис: «Развивать воображение у детей, убиваемое современными компьютерными играми, прививать им любовь к природе». Мишель Минегаз и Ричард Грумбайн — прекрасные музыканты, состоящие в организации «Земля — на первом месте». Но в центре внимания на празднике, конечно, вместе с Джейком был шотландец Крис Малкольм, или «Крис из шатра», так как он построил отдельную спальню из досок, весьма напоминающую юрту.

Все эти ребята поют в одном университетском хоре в ближайшем городке Кин. А как они танцуют! Джейк просто обалдел, когда встретил здесь знатоков танцев «кантри», которые до сих пор пляшут в его родных Аллеганских горах.

Зрители ходуном заходили от восторга, когда высокие, красивые танцоры попарно выстроились в две линии и ударили каблуками об пол.

А что было, когда Лукас (сын художника Питера) сел за рояль, а Джессика (дочь пианистки Деби) взяла в руки флейту, и остальные дети, съехавшиеся сюда на праздник в честь Джейка, тоже не ударили в грязь лицом.

— В городе воображение детей подавляется всякой чепухой по телевидению,— излагает Джейк свое «моралите»,— из нашего дома их просто не вытащишь — только на природе и в труде может вырасти здоровый человек.

Как ни странно, в «Риверране» нравится всем детям, а их немало. Они с удовольствием проводят здесь целое лето или зиму. И привлекает их, что уж совсем невероятно, не только свобода, но и возможность выбрать занятие по душе. А работы здесь хоть отбавляй — «коммунары» обслуживают себя сами. Таков принцип проживания в «Риверране».

Не случайно «коммунары» выбрали для своей жизни дом над рекой: пейзажи, на которых отдыхает глаз, лучший воздух и вода в мире; с ночного неба смотрят звезды, и нет слепящего света автомобильных фар; и тишина, абсолютная тишина, что нынче дороже золота.

«Коммунары» содержат кур и коз. Кто любит покопаться в земле — пожалуйста, свои огороды и цветники. Здесь выращивают «чистый» продукт, без использования химических препаратов.

Закупка продуктов — не проблема. Мясо и консервы приобретаются в знакомых магазинчиках оптом и загружаются в холодильники — чтобы месяц не думать о питании, а кроме того, так дешевле получается.

Подчас дети не выдерживают однообразия в питании — «Опять надоевшие бобы!» — и расклеивают протестующие листовки на всех стенах. Тогда устраивается сладкий детский день, обычно это бывает в среду. Каждый покупает себе то, что больше всего любит. Джейк обожает мороженое.

Когда у причала в Нью-Йорке в трюмы шхуны загрузили синие коробки с мороженым (подарок фирмы), Джейк не успокоился, пока все оно не исчезло в прожорливом чреве команды.

Каждое второе воскресенье «коммунары» собираются для обсуждения всех проблем, делятся своими бедами и радостями, разгораются и дискуссии: о защите мира и окружающей среды; об одиночестве и наркомании; о местном

самоуправлении и традициях аборигенов. Это я припомнил лишь некоторые темы, на самом деле их больше.

Вообще, в доме «Риверран» не скучают. Здесь четкий график домашних работ: видно сразу, кто и когда моет посуду, кто пылесосит, а кто косилкой ровняет газон.

Только Джейка Ньюхауза нет в этом списке. Он один не платит за жилье и питание. Почему? У Джейка — золотые руки. Он и на шхуне «Те Вега» был и за механика и за боцмана. Ему доступно все: моментально подберет нужный болт или гайку, зашьет парус, разведет краску любого оттенка. Правда, когда Джейк заклеил мои прорвавшиеся кроссовки, в его чистых и наивных глазах мелькнула тень недоумения: мол, как ты не можешь сам сделать такую чепуху.

В доме-коммуне три дня в неделю Джейк «вкалывает» за еду и жилье в прямом смысле. Он заготавливает и рубит дрова, благо к старой ферме прирезан участок леса под сто гектаров. Из леса бревна привозит на грузовике сосед. Дров на зиму только припасай: две кухни в доме, на газовых плитах хозяйки готовят еду, а обязанность Джейка отапливать дом. Нелегко в холодные дни натаскать дров на четыре печи. Но зато какая задумчивая истома овладевает по вечерам у огня, как приятно время от времени шевелить кочергой головешки и чувствовать живое тепло чугунной печи...

В долгое наше плавание через океан Джейк Ньюхауз частенько доставал альбомчик с дорогими его сердцу снимками, с удовольствием вспоминал свою коммуну и ждал встречи с ней.

Я сочувственно кивал головой и как-то спросил:

— Джейк, но у тебя есть ферма. Разве не хочется вернуться в родной дом?

...Джейк помнит тот день, кода он уходил с родной фермы в предгорьях Аллеганских гор, к югу от озера Эри. Отец с матерью смотрели с крыльца ему вслед, и никто из них не думал, что теперь старший сын, опора в большом хозяйстве, будет лишь изредка навещать свой дом. Джейк уходил в иную жизнь по дороге, где каждый камень был знаком ему с малых лет. На ней он падал и ушибался, когда гонял мяч с кузенами, по ней отец отвел его первый раз в школу, здесь он провожал девушку с соседней фермы.

— Дорога вымощена местным камнем вон с того карьера,— и узловатая ладонь отца тыкала в сторону ближайшего горного склона,— камни таскал твой прадед-шотландец, а довел дорогу до шоссе дед-голландец, чью фамилию ты носишь. Сто лет назад сюда приехали переселенцы, за несколько поколений укрепилась община. Мы привыкли с соседями дружить и помогать друг другу в трудную пору. В этой земле лежат твои предки — все честные люди и работники. Будь таким же...

Живым примером для Джейка стал отец, которого смолоду в округе звали «сын природы». Его обычным присловьем было: «доить и рубить». Земля, ферма были его любовью, а не просто надоедной обязанностью, средством к существованию. Никто из соседей не удивился, что он с охотой отправился на войну — чувство опасности, грозящей его ферме, послало его на фронт. Побывав в Англии и Франции, став радистом, он не соблазнился приглашениями пойти на завод, в фирму, хотя промышленность переживала тогда бум. Отец вернулся в свои горы.

Все знакомые удивлялись, что отец не расширяет земельный надел, не увеличивает ферму, не вводит новую технологию, что тогда было модно. На их

ферме как было сорок пять коров, так и осталось. Но зато это была лучшая по надоям и качеству молока ферма в округе. Отец всех коров знал по кличкам и сам управлялся по хозяйству, никого не хотел нанимать. Конечно, трудилась вся семья. Задавать корм коровам, убирать навоз, доить — это было Джейку привычно с детства. Мать умела делать все по хозяйству, а когда отец уезжал на охоту, она спокойно садилась на трактор.

Но, конечно, выпадали и светлые, праздничные дни. Джейк особенно любил вместе с матерью варить кленовый сироп. Он с отцом надрубал кору клена, вставлял трубочку, и через день-другой ведро было полно сока. А пока сок потихоньку капал из трубочки в ведро, Джейк заготовлял дрова для печи. Только мать в совершенстве владела секретом приготовления кленового сиропа. Надо было кипятить сок в меру, чтобы сироп не был жидким и не загустел. Если же делать сахар, то тоже нужно было следить, чтобы он не превратился в камень. А какой заманчивый аромат плыл по дому!

Домашний кленовый сироп полюбился Джейку навсегда. Даже на шхуну он прихватил несколько пластмассовых кувшинчиков этого знаменитого американского сиропа, правда, купив его в супермаркете.

— Семья наша не из бедных, но все постоянно трудились, и я привык к тяжелому фермерскому труду и с тех пор уважаю любого мастерового,— Джейк стоит на палубе и бережно трогает широченными ладонями в рубцах от судовых снастей полированные бока мачты.— Меня с детства приучили уметь заработать на себя и экономно жить. Еще больше я стал с сочувствием относиться к трудящемуся человеку, когда прочел книгу Уэндела Берри «Расселение Америки». Он выступает против всяких торгашей и корпораций, которые раньше распродавали золото и меха, а сейчас — оружие и наркотики. Берри призывает беречь землю, деревья, птиц, которые созданы для блага разумного проживания людей. Его принцип: «Быть верным земле и честным». Такими были мои родители.

Мать Джейка была протестантка, и он ходил с ней каждое воскресенье в церковь. Но уже подростком его больше тянуло бродить по горам, смотреть и понимать все происходящее в природе. Когда ему исполнилось девятнадцать лет, встал вопрос о службе в армии. Он перечитывал библейские заповеди, и христианская мораль, единение с природой отвращали его от насилия над человеческой натурой, подчинения и армейской казенщины. А тут еще все большее возмущение вызывала вьетнамская война.

Сумятица души требовала какого-то прояснения, выхода, и Джейк, несмотря на свою привязанность к физическому труду, решил учиться дальше, в чем его поддержала семья.

Он хорошо учился и мог выбрать колледж любого направления. Но повысить свой культурный уровень его подтолкнуло решение кузенов. Все они были представителями здорового поколения начала 50-х, за которыми установилось название «бэби-бум». Вместе танцевали и занимались спортивными играми, вместе записались на отделение искусства в институт технологии. Джейк смог выдержать в институте лишь первый год. Деревенскому парню было не по себе в ежедневной городской сутолоке. Если на ферме соседи любили встречаться, подолгу и со вкусом обсуждали все новости, то здесь он чувствовал себя чужим и никому не нужным, хотя и завел кое-какие знакомства. Бросил он учебу в один прекрасный день, когда случайно попал навстречу тысячному студенче-

скому потоку и никто не обратил на него внимания, даже знакомые, никто не посмотрел в глаза. Кроме того, он понял, что призвание художника (Джейк хотел им стать) требует всех сил, полной отдачи, а он тогда был не готов к этому.

Как «совестный оппонент», в связи с нежеланием служить в армии, Джейк поступил на гуманитарные курсы в другой колледж. Но вот отменили закон о воинской повинности, и он, проучившись около года, уходит простым рабочим на мебельную фабрику. Однообразный труд вскоре надоедает Джейку, и он с другом отца заводит маленькую мастерскую, где столярничает и начинает ремонтировать и строить новые дома.

За свою бродячую жизнь Джейк приобрел много профессий и, возможно, в будущем стал бы благополучным владельцем небольшого собственного дела, если бы не случай.

Если бы Джейка спросили, хочет ли он быть моряком, пожалуй, он бы задумался. Хотя, став слесарем, он занимался мелким ремонтом на яхтах, набираясь опыта. Устроившись работать на известной в Балтиморе яхте «Леди Мэриленд» (потом Джейк будет с гордостью показывать ее нашей команде), он однажды прочитал рекламу курсов под названием, которое можно было перевести как «По дороге наружу». Есть такой английский морской термин, обозначающий путь судна из гавани в открытый океан. Не долго думая, он отправился по объявлению на побережье штата Мэн.

Курсы предлагали самый широкий набор приключений для всех желающих обоего пола от шестнадцати лет и старше, лишь бы более-менее позволяло здоровье. Общая физическая тренировка с играми и снарядами могучему Джейку, естественно, была ни к чему. Заинтересовали другие испытания: «соло» — новичок остается на несколько дней совсем один, с запасом продуктов, где пожелает: в горах, в песках, на болоте или на острове, чтобы подумать о Вселенной и своем месте в ней; походы и путешествия, морские, на лодках, пешком, от трех дней до нескольких месяцев; разные виды марафона — бег, велосипед, лыжи.

Джейк выбрал путешествие на яхте и не пожалел. Он учился вязать морские узлы, управляться со снастями, поднимать паруса и прокладывать курс судна. Он дежурил на камбузе и с удовольствием нырял в ледяную воду.

Джейк овладевал морским делом, а когда почувствовал, что кое-что умеет, отправился в Ньюпорт, где нашел хозяина яхты, желающего перегнать ее во Флориду.

— Умеешь ли ты ходить по компасу? — задал единственный вопрос хозяин, скользнув взглядом по рослому Джейку, и нанял его на работу.

Это было волшебное плавание, когда им удавалось почти каждый день ловить ветер, когда ночевали на незнакомых пристанях, где из закоулков доносилась чудесная музыка, а по утрам приходили рисовать яхту художники. Дни были солнечные, ночи теплые. Джейк нежился под солнцем на палубе, и неторопливые мысли перекатывались в его голове. Он начинал понимать, что сам может в жизни выбирать дело по душе.

Во Флориде он нанимался перегонять яхты в разные порты, пока не устроился на одно судно, где школьников учили парусному делу. Здесь он задержался почти на два года: понравилось бескорыстие общины, которая учила молодежь не только морскому делу, но и воспитывала трудолюбие и ответственность. Судно это было старой постройки, деревянное, традиционной

6 Зак. 3126 В. А. Лебедев

оснастки, даже на паруса пошла настоящая парусина, а не синтетика.

Джейк чувствовал, что морские приключения все больше захватывают его, и, блаженствуя как-то на пляже Мартиники, решил: «Баста, надо вернуться снова в университет, посмотреть, что происходит с миром».

Он выбирает в штате Кентукки небольшой, но известный колледж Береа, где студенты могли вечерами работать, оплачивая только проживание и еду, а учились бесплатно. Поэтому тут было много иностранцев. Джейк с любопытством присматривается к африканцам и студентам из Азии, их быту, привычкам, увлекается восточной философией.

Здесь же его нашло письмо из штата Мэн с приглашением на работу инструктором на те самые курсы, где он уже побывал. С тех пор Джейк Ньюхауз возобновляет ежегодно контракт со школой на острове Ураганов и плавает три месяца вдоль побережья, поднимаясь иногда вверх по рекам. За эти годы он стал профессионалом, настоящим «морским волком».

— Зачем это тебе, Джейк, такая хлопотная работенка: опасно, да еще за юнцов отвечать? — провоцирую я его в один из свободных вечеров в форпике на «Те Веге».

Джейк недоуменно чешет свою отросшую за плавание донкихотскую бороденку, снова лезет в свой малый рюкзак и вытаскивает пачку писем.

— Это от них, зеленых моих питомцев,— улыбается Джейк,— выражают восторги и благодарят. Хочешь посмотреть?

Я перебираю листки, исписанные быстрым почерком и напечатанные на машинке, адресованные инструктору Ньюхаузу.

Карен Бекер из Флориды: «Надоело ездить в подростковые лагеря, частные и общественные, хотя они разного профиля: культурные, спортивные и т. д. Там занудная обстановка и все что-либо тебе советуют. А на острове Ураганов я была свободна и самостоятельна. Плавать под парусами — это не шутка. Я научилась терпеть и работать».

Все пишут, что осточертели суета, комфорт, однообразная жизнь, механическая работа. Теперь у них в памяти остались спуск по рекам на каяках, зимние походы на лыжах и снегоступах. Ребята похудели, перестали бояться холода и воды, могут залезть на скалы и провести ночь в одиночку в лесу. Кроме того, занимаются полезным трудом: очищают лес от мусора, следят за чистотой на острове.

Джордж Ньюбауэр, директор клубов для подростков, сообщает, как изменились ребята после плавания: «Они отдохнули и загорели, а ведь дети из бедных семей не знали таких удовольствий. Главное — некоторые бросают курить, пить, принимать наркотики. Причем курсы твои, Джейк, обходятся гораздо дешевле, чем стационарное лечение».

Мать наркомана из штата Миссури благодарит за сына, употреблявшего со школы кокаин, как, впрочем, 70 процентов детей в поселке Канзас. Парень отказался теперь от наркотиков и поступил на работу.

Лано Уэб из Вермонта: «Морское путешествие многому научило, очень нас сблизило. Я начал ценить труд других, уважать свою семью. Мы с ребятами влюблены в океан».

Пока я перебираю письма, Джейк рассказывает, как зародилось движение «По дороге наружу».

Считается, что оно существует уже четверть века. Но это только в Америке,

на побережье штата Мэн. Настоящий его основатель Курт Хайнц, немецкий учитель, сидевший при фашизме в тюрьме и бежавший в Шотландию. Там он организовал школу для обучения плаванию, правилам безопасности на море для молодых матросов. Он считал, что образование подобных школ, приучающих молодежь к труду, самостоятельности, пробуждающих у них активность, товарищество, спасет новые поколения от пороков современного общества: бездействия, наркотиков, преступности. Он всегда был за равенство и справедливость. Однажды, когда его пригласили на соревнование по бегу двух шотландских школ, Хайнц заметил, что дети одной команды босые. В этой школе учились дети бедняков. «Пусть все снимут туфли — условия соревнования должны быть одинаковы для бедных и богатых,— распорядился он,— мы все равны от рождения...»

— На острове Ураганов новыми программами руководит Роберт Роу — очень достойный человек, прошедший суровую школу жизни, а ныне активный борец за мир. Роу дал деньги и на экспедицию «Те Веги». Он заботится о программах для людей, потерпевших крушение в безумной гонке современной жизни. Морские приключения Роберт рассматривает как терапию для излечения стрессов, шока, психических расстройств. В центре внимания — трудные подростки, особенно состоящие под надзором полиции или находящиеся в предварительном заключении. Им очень помогают, например, путешествия на каноэ по болотам на полном самообслуживании, конечно, под присмотром инструкторов. Это самая эффективная и дешевая программа (требующая намного меньше денег, чем тратят на заключенных в тюрьмах) для воспитания молодых ребят. Правда, девушек, жаждущих приключений, с каждым днем все больше и больше. Ты говоришь об опасностях. А на улице большого города их меньше? За весь период существования школы погиб только один мальчишка, на реке, по собственной неосторожности. Служба безопасности у нас отменная. Я сам состою в контрольных группах, когда ребятам дается самостоятельное задание.

Джейк умолкает, вчитывается в строки писем ребят, которым он помог найти путь к здоровой, увлекательной жизни, а иногда и спас от преступлений. Я чувствую, что он уже выходит из бухты острова Ураганов на яхте с юной командой, отзывчивой на каждое приказание своего капитана.

— Поднять паруса! — командует с мостика Джейк. И белогрудая яхта взмывает на гребень океанской волны...

В одном из американских журналов путешествий я нашел заметку с портретом Ньюхауза, которая заканчивалась так: «В окружении дикой природы, на море человек становится лучше, поэтому я плаваю здесь с подростками. Вечный океан и берег штата Мэн — одно из самых прекрасных мест на планете. Важно уберечь нашу землю от разрушений и гибели». Эта заметка писалась в то время, когда Джейк в конце 80-х годов принял решение окончить университетский курс по вопросам окружающей среды и стать магистром в Антиоке в штате Нью-Гэмпшир.

С тех пор он поселился в доме-коммуне «Риверран», а для поездок в Антиок купил за тысячу долларов старый «фольксваген», похожий на маленького жука. Вскоре первый собственный автомобиль сослужил хорошую службу, когда Джейк выбрал в университете программу сохранения почвы и стал составлять карты защищенных земель по предложению «Общества для защиты лесов штата Нью-Гэмпшир».

Интересна история этого общества, организованного еще в первой половине XIX столетия местными бизнесменами для защиты своих владений от стихийных бедствий, наводнений и пожаров.

Сейчас штат делится на несколько самоуправляемых районов-графств, объединяющих города, деревни, леса.

И Джейк на своем «лимузине» стал петлять по дорогам этих графств, чтобы нанести на «защитные» карты исторические места, красивые деревни, где сохранились национальные традиции, а также богатые почвы, редкие пущи, деревья и растения, родники с питьевой водой и даже болота.

Джейк составил карту исторических памятников и природных заповедников. Его воодушевляла мысль, что именно на защиту таких редких мест конгрессом штата выделена приличная сумма денег. Но в то же время вскоре он убедился, что осуществлению хорошего дела мешают местные бизнесмены, владельцы предприятий, которым не выгодна защита окружающей среды, если это вредит их деловым интересам.

Так Джейк стал понимать, кто друг, а кто враг природы, и в нем крепнет убеждение, что многие вопросы по сохранению земли, воды и воздуха надо решать в районе на местном уровне. В этом деле каждый человек должен проявить активность.

Ньюхаузы все умели делать сами, своими руками, и Джейк в скором времени организует предприятие по переработке твердых отходов. Он настолько гордится своим первым предпринимательским шагом, что хранит в фотоальбомчике собственную фотографию, где в позе победителя на фоне горы консервных банок держит в руках лопату.

В это же время Джейк вступает в международную лигу «Протестующих против войны», старейшую организацию пацифистов. Все близкое сердцу Ньюхауз носит в своем рюкзаке. Оттуда же он извлек значок и наклейки с изображением двух рук, ломающих винтовку,— эмблему антивоенной организации. Они хранились вместе с антимилитаристской картой, составленной самим Джейком.

Секрет Джейка, как он узнал, что «Центру за мир» в штате Массачусетс требуется платный работник, но он вовремя прибыл туда на своем «жуке». Вначале ему поручали составлять письма, листовки, затем он занялся газетой, а отличился Джейк в компании, разоблачающей антисоветские идеи известного фильма «Америка», выдержанного в духе «холодной войны». Джейк и сторонники мира выступали с правдивыми фильмами типа телемостов и лекциями людей, побывавших в России.

Только после этого он приступил к составлению карты штата Массачусетс, где со свойственной ему добросовестностью запечатлел все компании, имеющие контракты с ядерной промышленностью. Особым знаком Джейк помечал предприятия, заключившие контракты на сумму свыше 200 тысяч долларов. Хотя конгрессмены этого штата считаются самыми либеральными, выступают за мир, но по карте Ньюхауза вышло, что Массачусетс является третьим штатом в стране по ядерному производству. Это Джейк не преминул изложить в отдельной брошюре, которую также прихватил с собой в плавание.

Пожалуй, антивоенное выступление Джейка Ньюхауза на шхуне было самым впечатляющим.

...Книжечку стихов Катлин Тенпас «Ферма на холмах» Джейк не раз листал

в свободную минуту в нашем кубрике. Может быть, эту кузину провожал Джейк в юности по каменной дороге на соседнюю ферму, где она и сейчас живет с родителями? Катлин пишет о своем деревенском детстве, о холмистых полях, где она держала на ладони золотистые зерна и заблудилась в «полевых тоннелях кукурузы». Есть у нее стихотворение о старухе, пекущей хлеб, чей выцветший свитер знают все много лет, у которой умер муж и некому поправить упавший забор и вспахать землю. Увядание. Тяготы труда земледельца. Но в городе жизнь дороже. Разорение. И хочется стать рыбой и уплыть из этого тоскливого мира.

Возможно, это поэтический мир и только? Уже в конце плавания я снова спросил Джейка, не хочет ли вернуться он в предгорья Аллеганов.

— Конечно, там моя земля, мои корни. Отец уже умер, матери стало тяжело, часть фермы она продала. Рядом живет бабушка, тетки — все будут рады моему приезду.— Джейк покачал головой и жестко отвел рукой свои же доводы.— Но что там буду делать я?

В родных местах проблема не с защитой природы, а с поисками работы. Два года назад Ньюхауз заходил в свой бывший колледж и говорил об охране окружающей среды с директором.

— Я обрадовался бы строительству любого предприятия, лишь бы выпускникам предложили работу,— говорил тот.

В США многие районы, конечно, богатеют, а некоторые, в том числе и родина Ньюхауза, являются «карманами бедности». Здесь часть хозяйств разорилась, мелкие фермеры обанкротились, рушится фермерская система жизни.

Переселение в родные места прервет связи Джейка с его деятельностью по защите мира и природы, с работой по воспитанию подростков на острове Ураганов.

В Новой Англии, где выше плотность населения, его образованность, Джейку и его друзьям легче осуществлять свои идеи по улучшению окружающего мира, защите природы.

— Я мечтаю о своей земле, хочу построить дом,— весело говорит Джейк.— Но исполнятся ли мои мечты? Коммуна «Риверран» тоже прекрасна для жизни: вокруг нетронутые леса, сохранились дикие звери, но главное — собрались хорошие люди, близкие мне по духу.

Когда на шхуне «Те Вега» объявили вечер поэзии, я заметил, как Джейк тщательно готовится к нему: надел свежую рубашку, побрился, освежился. Очень торжественный, он направился в кают-компанию и, дождавшись затишья, прочел любимое свое стихотворение. Этими строками мне бы хотелось закончить свой рассказ о близком мне человеке — Джейке Ньюхаузе.

«Идеалы, как звезды. Тебе не удастся до них дотронуться. Но, как моряк в океанской пустыне, выбираешь их маяками и, стремясь к их свету, достигнешь своей цели».

Мой друг — Финнеган

С Синтией Коннорс, участницей маршей мира, мы познакомились ранним утром на маленькой нью-йоркской радиостанции, где записывался импровизированный концерт участников плавания. Узнав, что я работаю в журнале, Синтия пригласила меня в гости, пообещав интересную встречу. До

ее дома в Гринич-Виллидж мы добрались с пересадками и вылезли на автобусной остановке поблизости от жилища Синтии. Улочка, на которой мы оказались, показалась мне похожей на парижскую. Старенькие тротуары и невысокие дома с водосточными трубами; всюду цветы в окнах домиков и витринах многочисленных лавочек, торговавших всем: от свежей сдобы до сигарет и галантерейной мелочи. С Синтией раскланивались знакомые.

Толкнув тяжелые двери, мы вошли в прохладный подъезд. По широкой лестнице спускались двое смуглых юношей в белых майках и шортах, шлепая сабо по ступеням.

— Мои новые жильцы, пошли прогуляться,— кивнула хозяйка на молодых людей и распахнула дверь в свою квартиру.

Три комнатки (одну Синтия сдавала), в гостиной — продавленный диван и разнокалиберные стулья, но у стены, конечно, стоял телевизор с видеоприставкой и проигрыватель с набором пластинок. Обязательный для американских домов кондиционер отсутствовал, и лопасти вентилятора вяло гоняли по комнате липкий от жары и пыли воздух.

В небольшой кухоньке Синтия гремела посудой, сетовала на дороговизну продуктов и вообще жизни:

— Хотя у меня постоянное место, обслуживаю компьютеры, приходится сдавать одну комнату рабочим — иммигрантам из Испании.

Пока Синтия мыла фрукты, я подошел к раскрытому окну и сквозь прозрачную занавесь увидел крохотный балкончик, на котором пестрели венчики цветов и зелень.

— Синтия! Да у вас целый сад...

— О! Этот огородик — моя гордость. Такое удовольствие выращивать самой салаты. У меня зелень растет без всякой химии,— довольная похвалой, Синтия вышла из кухни с сочными ломтями арбуза на блюде.

В этот момент дверь в квартиру с лязгом распахнулась и кто-то побежал, громыхая сапогами по коридору.

То, что вихрем ворвалось в комнату, потрясло меня не менее, чем персонажи фильмов Хичкока. Поначалу я просто оторопел от массы звуковых и зрительных впечатлений: грохочут кованые, с ременными застежками, обитые спереди полосками жести, высокие сапоги; бряцают на поясе цепи, завязанные узлом сзади; звенят металлические браслеты на тонких запястьях; прыгают кожаные бусы с прикрученными проволокой самоцветами на тощей груди; скрипит кожаная куртка с пелеринкой, ниспадающей с одного плеча, вся в заклепках и значках.

Странное существо, театрально скидывает куртку, которая летучей мышью приземляется на пол, выхватывает блюдо из рук Синтии и бросается ей на грудь.

Сзади я вижу только выбритый черный затылок с оставленной посередине обесцвеченной до белизны щеткой волос, наподобие гребня на шлеме римского легионера. Наконец, голова незнакомца поворачивается и большие мерцающие глаза под белесыми бровями пытливо меня осматривают.

— Финнеган, брат мужа моей сестры,— представляет Синтия, делает паузу и добавляет,— поэт, оканчивает школу.

Финнеган тихонько кладет мне на руку длинные пальцы и ведет в соседнюю комнату. Он уверенно усаживается у компьютера, нажимает на клавиши, вызывая из памяти машины на экран строчки своих стихов. Отпечатанный текст,

вместе со словарем, он кладет передо мной, и мы начинаем переводить. Когда я что-то не понимаю, Финнеган возмущенно трясет головой и перед моими глазами прыгают разнокалиберные сережки в его ушах, а если он доволен, то награждает меня чистосердечной улыбкой.

«Господи, и не жаль так уродовать свое бренное тело, куда же смотрели его бедные отец и мать. И где они, и есть ли они?!» — подобные мысли проносятся в моей уставшей голове, а из гостиной накатывается волнами выматывающая душу музыка — любимая мелодия Финнегана.

Поэт, любящий тяжелый рок. Он печатается в журналах для подростков, мечтает о собственной книжке. Его стихи невозможно пересказывать: в них плач над загубленной жизнью человека, которого жуют машины, заглатывает город, протест против загрязнения среды, загубленных лесов и рек. Печальные стихи.

Так же неожиданно, как появился, Финнеган собирается уходить. Нежно попрощавшись с хозяйкой, он захотел показать свою школу, в которой учился, а по дороге завел меня на биржу. Да, знаменитую нью-йоркскую биржу, куда по билетику нас пропустил черный служитель. Я смотрел с галереи на финансовую преисподнюю, где вместо чертей метались маклеры между телеэкранами, на которых прыгали цифры показателей курса акций.

Поникший Финнеган грустно созерцал человеческий муравейник и тихо читал свои стихи...

Школа номер 137 находилась в восточном районе Манхаттана. Проходя мимо винной лавки, мы видели ссору мужчин, громко ругавшихся по-испански.

— Кто только ни живет в этом районе,— горько усмехнулся Финнеган,— португальцы, испанцы, китайцы, негры. Расисты заглядывают и в школу. Видишь, посадили охранника, чтобы охранял школьников.

Плотный мужчина за школьными дверьми скользнул по нам цепким взглядом.

— Правда, он смотрит еще, чтобы не пронесли наркотики или оружие,— добавил Финнеган.— Бывает, в школах ребята, накурившись до одури, начинают стрелять...

Синтия наверняка сюда позвонила, и нас ждали. Особенно приветливо встретила нас Элен Трой, ее дочь балерина побывала на Украине. Элен, как и ее веселый класс, нисколько не удивилась облику поэта, к которому, вероятно, привыкла. Ничего не скажешь — американцу и в голову не придет осудить тебя за внешний вид или даже косо взглянуть, конечно, если речь идет не об особых случаях — свадьбе или официальных приемах.

Школьники старательно исполнили для нас испанский танец «фламенко», яростно вращая глазами и топая каблуками, и задали массу вопросов, начиная от погоды в Сибири и кончая политикой. Но дело вовсе не в том, о чем они спрашивали. Меня поразили раскованность их поведения, открытость и доброта, самостоятельность и смелость суждений. Ребят никто не готовил к встрече, не подсказывал вопросы (часто по-детски наивные). Им предложили интересную игру в общение, и они с удовольствием приняли правила этой игры и увлеклись ею. Их никто не организовывал, никто не давил своим взрослым авторитетом — Элен Трой стояла в сторонке с доброй, чуть снисходительной улыбкой на лице. Деловито, с чисто американским практицизмом ребята говорили о своих будущих профессиях, знали, кто сколько зарабатывает. Финнеган прочел самое простое свое стихотворение — о траве и солнце — и спросил, не хочет ли кто

стать поэтом. Класс промолчал. Пожалуй, Финнегану суждено остаться пока единственным поэтом этой школы...

Встреча в заливе Чесапик

Не успели въехать в Балтимор, как перед автобусом выплыла гигантская белогрудая шхуна — картина на стене старого дома. Улицы вымерли от жары, казалось, все жители этого миллионного города спустились к морю. Так оно и было: гул толпы висит над набережной, над торговым комплексом «Харбор-плейс», в стеклах павильонов плавится солнце, а под крышей кипит бешеная купля-продажа в ста с лишним магазинах, где можно приобрести любые фрукты и овощи, всякую рыбу и, конечно, свежих голубых крабов из Чесапикского залива. Мы погружаемся в поток людей, над которым висят воздушные красные шары-сердца, а в руках у каждого — мороженое: ореховое, клубничное, шоколадное и других неизвестных мне сортов. Да, есть чем привлечь теперь в Балтимор туристов — недаром сооружение комплекса «Харбор-плейс» обошлось в 20 миллионов долларов.

Мы перебираемся на яхту где нас ожидает Дженифер Ламб — одна из немногих женщин — капитанов парусных судов, пригласившая нас на прогулку по Чесапикскому заливу.

Отходим на моторе от пирса, и пока проплывают мимо здания порта, Дженифер рассказывает, как городские власти, перестраивая город, находят применение старым зданиям на берегу. На бывших пустырях построили стадионы с прекрасными полями, где каждое лето проводится более десяти этнических фестивалей, в том числе украинские и чешские, которые совпадают по времени с городской ярмаркой. На эти празднества собираются гости со всей страны.

Если в прошлом веке Балтимор процветал, как главный морской центр торговли в Чесапикском заливе, то в нашем столетии он постепенно приходил в упадок, особенно это стало заметно в 50-е годы. Тогда-то городские власти и принялись за реконструкцию района внутренней гавани, которая обошлась в 300 миллионов долларов, и за восстановление старых кирпичных домов в прилегающих к порту жилых кварталах. Полуразрушенные дома XIX века продавались жителям по цене не свыше той, которую город затратил бы на восстановление. Некоторые здания шли даже по доллару за штуку — лишь бы покупатель взялся за их строительство.

После обновления в Балтимор перебрались многие фирмы, предприятия, увеличилось его население. За осуществление проектов реконструкции город получил множество национальных и международных наград.

— Вы расспрашивали о клипере «Гордость Балтимора»,— обращается ко мне Дженифер,— я работала на нем помощником капитана. К тому времени мне уже довелось поплавать на яхтах разных классов, но клипер — это что-то совсем иное. Высокие мачты, большие паруса. В прошлом веке подлинный клипер «Гордость Балтимора» возил пряности из дальних стран, сторожил вход в гавань. На паруснике хочется уплыть подальше в океан от житейских забот, мелкой суеты. Теряется вдали берег, и остаешься наедине с бесконечными волнами и солнцем. Я становлюсь сама собой, ни от кого не завишу. Поэтому

всегда стремилась получить лицензию капитана и вот стала им несколько лет назад.

Ветер переменился, Дженифер занялась парусами, в разговор вступила Джулия Бродертон, помощник капитана на нашей «Те Веге»:

— Я связала свою жизнь с морем после плавания на «Бригантине». Из Квебека мы отправились на этой старой лодке на Мартинику и в Бермудском треугольнике попали в ураган. Лодка прыгала по волнам, как заводная, и скоро ветхий корпус дал течь. Я была простым матросом, и капитан послал меня с другими ребятами убирать паруса. Это помогло мало — волны захлестывали лодку. Тогда капитан, много раз бывавший в подобных переделках, крикнул: «Лейте масло!» И мы стали лить масло около бортов, чтобы утихомирить волны. Как мы не потонули — сама не пойму. Но одноглазого капитана — его почему-то звали «шкипер» — я запомнила на всю жизнь.

У каждого из собравшихся на яхте был свой первый учитель в морском деле и любимая лодка. У Дженифер отец был капитаном, плавал на военных кораблях, а ее жених — моряк торгового флота; Джулия выросла на небольшой речке с забавным названием «Пять миль» и начала плавать на отцовской лодке. Когда окончила университет, стала преподавать историю в городке Глостер, неподалеку от Бостона, и там познакомилась с Дейвом Брауном, по уши влюбленным в море. Дейв вместе с Джулией отправился в плавание на шхуне «Те Вега» в качестве механика. И днем и ночью он пропадал в машинном отделении, урывая от работы несколько часов на сон, и вечно опаздывал к обеду. Зато завтракал подчас в одиночестве — все еще спали, а он сидел в перемазанной мазутом майке, со спутанной шевелюрой и наслаждался чашкой кофе. Он любил вспоминать, как впервые увидел «Те Вегу»:

— Я тогда плавал на моторном рыболовном судне. Начинало штормить, и я вышел на палубу. Когда на волне показалась шхуна, я просто не поверил глазам. Она шла под всеми парусами, накренясь на бок, черпая бортом воду, а люди на палубе что-то радостно кричали и махали руками. Это было просто наваждение. Тогда я решил, что обязательно наймусь на эту шхуну.

В заливе Чесапик Дейв признался нам, что его самой первой и любимой была шхуна «Эдвейчер» — «Приключение», которая стоит у причала в родном Глостере.

— История возрождения Балтимора напомнила мне иной сюжет — с Глостером — первым рыбацким поселком на севере Америки, сейчас незаслуженно забытым. Лет сто назад он был центром рыболовства Нового Света,— заявил Дейв, выжидательно глянув на нас. Но все молчали, и он продолжил: — В большой гавани, хорошо защищенной от непогоды, родилась двухмачтовая шхуна типа «Те Веги», и много лет такие шхуны строили неподалеку, в городке Эссекс.

Когда изобрели мотор и парусники начали уходить в прошлое, рыбное дело стало хиреть в Глостере и развиваться в таких городах, как Бостон, где строились морозильники и железная дорога. Многие рыбаки и судостроители потеряли работу, изменились методы рыбной ловли — на смену парусникам пришли моторные лодки.

А в последние годы возникла новая проблема. Поднялась цена на землю около океана. Глостер стал превращаться в «спальный город» (всего-то 60 километров от Бостона и никаких рыбных запахов) и заселяться чужаками.

Между прочим, это типичное явление для городков на побережье. Старые жители, патриоты, объединяются, чтобы сохранить лицо своих городов, их историю. Так появилась идея спасти шхуну «Приключение».

Нам с Джулией уже знакома история этой старой рыболовной шхуны, построенной около шестидесяти лет назад. Совсем недавно она снова пришвартовалась в глостерской гавани и, судя по ее потрепанному виду, навсегда. Жители Глостера приходили к причалу и сожалеюще разглядывали судно, будоражащее ностальгические чувства.

Тогда-то и родилась смелая идея восстановить шхуну. На первый взгляд идея казалась нереальной — шхуна была просто старой развалиной. Но в городе еще не перевелись опытные корабелы, у которых хватило мужества взяться за ремонт. К ним сразу прибились мальчишки, а затем уже на судно повалили все — рыбаки, домохозяйки, врачи. Каждый день прибавлялось все больше добровольных помощников. Жителей поддерживала надежда, что славная история Глостера сохранится для потомков. Среди энтузиастов выделялся своим мастерством по машинной части Дейв Браун, ставший одним из трех платных служащих, работающих на судне и отвечающих за его безопасность.

На шхуне «Приключение» любят бывать школьники, и Дейв заводит их буквально во все уголки, рассказывая ее историю.

— Я не бросил работу на своей шхуне в Глостере, просто взял отпуск и поплыл через океан,— смеется Дейв.— На «Те Веге» мне нравится возиться не только с машиной, но и с ребятами. Вы знаете, что здесь была школа для детей с нарушенной координацией движения? Морское путешествие помогает им поправить здоровье. Честное слово, я не понимаю, как люди могут обходиться без этой морской шири. Здесь другой воздух, другое настроение. Но я всегда возвращаюсь в родной Глостер — там мой дом с Джулией.

Наша яхта разворачивается на глади Чесапикского залива и берет курс к виднеющимся вдали небоскребам Балтимора. У руля о чем-то задумалась капитан Дженифер. Возможно, о новом плавании. Я знаю, что она окончила медицинский колледж и занимается реабилитацией детей-инвалидов, временно потерявших трудоспособность. Теперь она собирается отправиться на большом медицинском судне в южные широты, останавливаться у островов и лечить людей, спасать их от эпидемий и смерти.

Дженифер и ее друзья очень любят людей и всегда помогают им, не расставаясь с белыми парусами в бескрайнем океане.

Неутомимая Хелен из «Сьерра-клаб»

Где-то путешествует сейчас всегда неунывающая Хелен Рид? Кто знает. Последнюю открытку я получил от нее из Финляндии. Туда она отправилась, даже не передохнув после перехода нашей шхуны через океан. Той же осенью хотела навестить дочь и сына, работающих на Аляске. На шхуне Хелен плыла бесплатно, как переводчик. Знакомясь в Нью-Йорке, она вручила мне визитку, которая выглядела весьма внушительно. На ней была изображена пишущая машинка и микрофон, а текст пояснял, что Хелен Т. Рид является членом многих переводческих ассоциаций и знает русский, немецкий, испанский, польский и другие языки. Между прочим, я вначале не догадывался, что инициал «Т» полностью расшифровывался весьма обычной русской фамилией «Тарасова».

Откуда такая фамилия и знание многих языков? Богатая событиями жизнь Елены Петровны (так я ее называл), дочери русских эмигрантов, а ныне энергичной американки из штата Северная Каролина, и есть ответ на эти вопросы.

— Меня манила Европа, тем более учиться языкам там было дешевле. Остановилась вначале у дальних родственников в Цюрихе, где выучила немецкий. И тут,— Елена Петровна взмахивает руками,— я отправилась в Испанию — ведь мне было всего восемнадцать лет — так хотелось побывать в стране Дон Кихота и коррид. Конечно, в Европе я изучила языки, но надо было возвращаться домой в Кливленд и заканчивать университет.

О, у нас свободно меняют профессию, так же как и место жительства. Это позволяет попробовать свои силы в разных областях, и в науке и на производстве. А мне помогло удачное сочетание: знание экономики и языков. Просто повезло в жизни,— рассказывает Елена Петровна.

Хелен Рид много рассказывала о своем доме в Ашвилле, как она управляется с автомобилем, возится на участке с цветами. Пытаюсь представить ее одну — дети все разъехались — в пустых комнатах, за уборкой, разглядывающей фото своих близких,— и не могу, настолько это не вяжется с энергичной, жизнерадостной Еленой Петровной.

После того как она сама вызвалась участвовать в путешествии на шхуне «Те Вега», в местной газете появилась статья о ее жизни, с портретом.

— На следующее утро я проснулась знаменитой, со мной раскланивались даже на улице, и я поняла, как трудно быть кинозвездой,— шутит Елена Петровна,— хотя я в беседе с корреспондентом нажимала на свой опыт морских путешествий (давным-давно я плыла из Европы в Америку на теплоходе), но он поведал о моей деятельности в «Сьерра-клаб» — старейшей (ей скоро 100 лет) американской организации по защите окружающей среды.

Клуб «Сьерра» ведет много программ в защиту природы («альпийская» программа, действия против загрязнения рек и другие), но особенно известной, как в США, так и у нас, стала кампания клуба в защиту сохранения Аляски.

— Аляскинский суровый край — не только собственность штата, но достояние всей Америки. Были проведены общественные отчеты нефтяных компаний. Я сама ездила на такое слушание в соседний штат, где общественность потребовала строгого контроля за деятельностью компаний под лозунгом: «Аляскинская нефть только для страны, а не на продажу». Сейчас клуб «Сьерра» борется против строительства плотины в каньоне Колорадо и Аризоны. Под давлением общественности министерству пришлось сделать заявление, что «ничего строить они не собирались». Значит, какой-то толк от нашей деятельности все же получается,— с удовлетворением говорит Елена Петровна.

...Видя мой интерес к быту американцев, Елена Петровна еще в Нью-Йорке предложила съездить в гости к сыну Андрею или ее знакомым. Но только где-то на пути к Балтимору удалось осуществить эту затею.

Нас пригласил на ночлег в свой загородный коттедж Джон Тордела. По асфальтовой дорожке мы подкатили к дверям гаража, находящегося внизу двухэтажного дома. Джон нажал кнопку на дистанционном управлении — двери медленно разъехались, и машина вкатилась внутрь. Из гаража сразу вошли в дом. Весьма удобно, не правда ли?

В кухне, где царствовала хозяйка Милдред, недавно вернувшаяся от живущей в городе дочери-студентки, полстены занимал огромный шкаф-холодильник, откуда мы потом доставали замороженные фрукты.

Наверху гостиная с телевизором и камином и две спальни с ванными комнатами. Обстановка достаточно старомодная (да и телевизор не последней марки). Когда Джон переоделся в клетчатую рубашку и пригласил пройти вместе с ним вниз, я подумал, что в подвале нечто сногсшибательное: бар или тир. Но там была просто мастерская, наполненная всевозможными станками, инструментами, развешанными по стенам. Строгай, пили, режь, паяй — пожалуйста. Джон обтесал рубанком доску и показал, как стружки и опилки сами ссыпаются в специально сделанный под столом ящик.

— Естественно, все дорожает,— сетовал Джон, пока мы поднимались в отведенную мне спальню.— Повысился налог на землю. Так что жить нелегко. Мой сосед продал дом и подался в город, купив там квартиру. Есть и такой выход...

В спальне Джон подвинул к приземистому столу тяжелый стул, словно приглашая садиться писать.

— Мебель в доме сам сделал,— довольная улыбка осветила лицо хозяина.

...Проснувшись рано, я распахнул окно. Еще стояла предутренняя дымка над коротко подстриженной зеленью газонов, а в кустах, усыпанных цветами, порхали птицы. Лишь их щебетание нарушало тишину. «Хорошее это дело — жить в таких коттеджах,— подумалось мне,— тем более если есть занятие и навещают дети и внуки».

Школа под парусами

С Памелой Уорт я познакомился на шхуне «Те Вега». Свыше месяца, в дождь и ветер, несли мы с ней дневные и ночные вахты, а разговорились случайно, когда во время качки Памела подвернула ногу и у нее невольно оказалось больше свободного времени.

— Памела,— спрашиваю я,— как же ты попала на шхуну и решилась пересечь океан?

— Как все здесь. Ты член ассоциации «Спасем мир и природу», а я связалась с клубом «Русско-американский парус» и внесла свой взнос за это путешествие. Правда, «свой взнос» не совсем точно: меня собирали в плавание все друзья Морского учебного центра. Как, ты не знаешь о Нью-Хейвенском центре со школой-шхуной? Тогда слушай...

И в свободное от моих дневных и ночных вахт время Памела выложила историю Морского центра со всеми подробностями его создания. Во время рассказа она оживлялась, чертила схемы, рисовала, ее выразительные итальянские глаза (отец из Италии) полыхали от воодушевления, а не так давно Памела прислала мне из Нью-Хейвена срочной почтой объемистый пакет с фотографиями своего родного детища. Ибо Памела Уорт — директор школы-шхуны в городе Нью-Хейвен, штат Коннектикут.

О том, чтобы попасть в Морской центр, тем более поплавать на шхуне, мечтают все нью-хейвенские мальчишки и девчонки. А с некоторого времени — и ребята из пригородных школ. Но тем приходится платить за курс обучения, так как они не граждане города.

Дело в том, что многие маленькие американские городки теряют своих жителей, которые переселяются в пригород, в коттеджи: подальше от социальных и расовых конфликтов, поближе к природе. Так случилось, что в богатом штате Коннектикут одним из самых бедных городов оказался Нью-Хейвен. Чем привлечь людей обратно? Энтузиасты из яхт-клуба решили возродить старые традиции морского города: здесь раньше процветало судостроение, прибрежная торговля, рыбаки промышляли ловлей лангустов. Кроме проблем культуры, истории, вызывали озабоченность у местных патриотов и экологические вопросы: сильная загрязненность залива, на котором расположен Нью-Хейвен, тем более что неподалеку текли в Гудзон промышленные сбросы из такого гиганта, как Нью-Йорк.

С чего начать? Решили проводить занятия на шхуне и купили в штате Мэн рыболовное судно: старинное, с деревянной резьбой, латунными деталями.

Вот эта-то шхуна и привлекла к себе внимание подростков со всего города. Кто же из них не мечтал постоять за штурвалом настоящего морского судна? Вскоре она уже не могла вместить всех желающих. Пришлось приобрести новую, более вместительную шхуну. С апреля по ноябрь проводятся занятия на воде — почти двести дней в году. Тысячи школьников прошли обучение морским наукам, истории мореплавания, навигации. Кто же эти юные моряки?

Особенно мне запомнился рассказ Памелы об Эрике Бароне — настоящем «пятнадцатилетнем капитане» из Нью-Хейвена. Уже не раз замечала Памела в гавани рослого, широкоплечего подростка, который прохаживался вдоль берега залива, посматривая на шхуну. Она сама подошла к нему и пригласила прийти с матерью. Несмотря на занятость на текстильной фабрике Джуди Бароне с сыном стали частыми гостями в Морском центре. Они делали все, что было необходимо для учебного центра, как это и положено у американцев, увлеченных своим делом.

К тому времени уже строились на берегу два здания, в которых потом разместились классные комнаты, библиотека, лаборатории. В них осуществляется система контроля за составом морской воды, проводятся многочисленные биологические эксперименты, например школьники принимают активное участие вместе со студентами факультета изучения окружающей среды университета штата Коннектикут в культивировании моллюсков. Ребята вместе с учеными хотят доказать, что в их заливе возможно разведение моллюсков.

Особенно по душе Эрику Бароне пришлась идея преобразовать баржу, брошенную владельцами, в столярную мастерскую. Сказано — сделано: с помощью техники ребята и взрослые вытащили баржу из воды на берег. В ней они сами будут строить морские лодки.

Прошло время, и однажды ранним утром на борту великолепной белой шхуны Эрика вместе с другими ребятами приветствовал капитан Вендел Коррей.

Свежий ветер дул с берега, и подростки вместе с командой стали поднимать парус. Кто остался у штурвала, кто отправился в камбуз, а несколько человек начали готовить сети, чтобы поймать рыбу для ухи.

Обдирая руки, тащили потом тяжелые сети с добычей. Первый улов был не из богатых: морские водоросли, губки, несколько крабов и множество мелких медуз. Девчонки хватали скользких прозрачных медуз, выбрасывали их за борт и требовательно кричали: «Мы хотим рыбы!»

Совсем другое настроение стало у ребят, когда в сети попалась рыба. Улов

был помещен в контейнеры с соленой водой, все стали рассматривать добычу. «Смотрите, какая голубая рыбина»,— восклицал один мальчишка. «А это что за чудо-юдо?» — вторил другой.

— Знаете, какая разница между летней и зимней камбалами? — спросила биолог Лин Аронольд.— У зимней камбалы глаза с правой стороны, а у летней — с левой.

Открытия следовали одно за другим, особенно когда ребят начали обучать управлению шхуной. Эрик Бароне ловко вязал морские узлы, определял направление ветра, драил палубу, и капитан Коррей, ткнув в него всегда незажженной трубкой (он бросил курить), с одобрением произнес: «Прирожденный моряк».

А потом был сильный ветер и волна перекатывалась через палубу, а Эрику было хоть бы что — его даже не укачивало. В голове проносились сцены из книг Лондона и Стивенсона, которые они читали на берегу.

Когда подходили к берегу, спустили на воду моторку и едва не потеряли руль, который еле удалось выловить веслом. Словом, приключений после первого плавания было хоть отбавляй.

За лето ребята успели собрать морской гербарий, коллекцию морских животных — лучше узнали, у какого замечательного океана они живут. А узнав глубже историю морской торговли своего города с другими портами, еще больше полюбили свой Нью-Хейвен, дав слово беречь красоту берега и залива, защищать хрупкий мир природы.

Памела, рассказывая о Морском учебном центре в Нью-Хейвене, единственной пока морской школе-шхуне в США, получившей специальную американскую премию за успехи в обучении подростков, особенно просила меня передать нашим ребятам, что на шхуне в одной команде плавают школьники всех национальностей, всех цветов кожи.

— Наш девиз — «Все мы в одной лодке»,— убежденно говорила Памела Уорт, директор школы-шхуны,— и мы должны все дружно поднимать паруса, ловить ветер, прокладывать маршрут — иначе не доплывем до берега.

Океанская купель

После шумных встреч на Восточном побережье и нью-йоркских пышных проводов казалось, что мы попали в места обетованные. Тихое покачивание шхуны, солнечные блики на воде, свежий ветерок — все погружало в блаженную истому. Греясь на теплой палубе, американцы смотрели в сторону родного берега. Рыжебородый Мэтт протянул мне бинокль и показал на белевшие вдали двухэтажные домики, напротив которых мы бросили якорь в Гудзоновом заливе.

— Узнаешь поселок Сэнди-Хук? — спрашивает он.

Как же не узнать эту Песчаную косу — самую северную оконечность штата Нью-Джерси, где еще лет двести назад обосновались военные казармы с батереей береговой обороны. Всего три дня назад мы бродили между покинутых офицерами колониальных домиков и в одном из них нас принимал Джек Чолтон, президент клуба «Чистая вода», чьи отделения разбросаны по всему побережью. После рассказа президента о схватках защитников природы с могущественными компаниями, отравляющими океан (кстати, они уже заплатили только в последнее время штраф свыше миллиона долларов за

загрязнение речек, стекающих в залив), Мэтт признался, что его карьера моряка и эколога началась еще в школьные годы на судне, также называвшемся «Чистая вода».

— Пожалуй, от этого судна и пошло название всей организации,— заключил Мэтт Виттен.— Помнишь, в Нью-Йорке мы ходили на концерт певца Пита Сиггера? Так вот, лет двадцать назад он со своими друзьями решил бороться за возрождение Гудзона: насобирал за выступления денег и построил нечто вроде старинного шлюпа, которые в прошлом веке возили грузы по реке. Ведь Гудзон — удивительная река. В ее устье миль на сто с лишним смешивается морская и пресная вода, и в ней водятся вкуснейшая речная рыба и раки. Вернее, когда-то обитала эта живность, а потом на берегах появились заводы, и их сточные воды прямиком попадали в реку. Вкус оставшейся рыбы соответствовал всем известным химическим элементам. Так было, пока шлюп «Чистая вода» не стал ежегодно курсировать по реке, останавливаясь у всех городков, где есть пристани. Я плавал на нем и могу лично подтвердить, что это дело стоящее: за все годы на судне перебывали тысячи юношей и девушек, а сколько выступлений, концертов, праздников... В каникулы действовала передвижная экологическая школа для подростков. Словом, заводы уже давно строят очистные сооружения, и сейчас престижное дело — возводить коттеджи на берегу, где еще недавно ютилась в домиках беднота. Правда, теперь ей и земля вдоль Гудзона, к сожалению, не по карману...

Мэтт еще много тогда рассказывал о своих приключениях на Гудзоне, но сейчас, глядя, как ловко он вяжет морские узлы, я в ожидании совместного путешествия, вспомнил одну его фразу: «Мы на судне жили большой семьей, сплоченной любовью к Гудзону, и каждый паренек работал за себя и учился новому у другого — это закон команды...»

Наша стоянка против Сэнди-Хук — последняя перед плаванием через Атлантику. На палубе выстроилась вся команда, и щуплый, похожий на подростка капитан Нилс Линдайер, приведший «Те Вегу» из Голландии, наставляет нас, как держаться во время авралов и тревоги. Но вот его монотонные поучения прерываются громкими сигналами. По всему судну слышны длинные гудки, что означает «Пожар». Кто надевает сверкающий серебром огнеупорный костюм, кто хватает лопатки и ломы, а я бросаюсь к фок-мачте. Тут мое место в ожидании команды: «Убрать паруса!»

— Без паники! Все на свои места,— кричит в мегафон Нилс.

Но дело плохо. Огонь охватывает нижнюю палубу. Снова звучат тревожные гудки и слышен приказ капитана: «Покинуть судно!»

Мы бросаемся к укрепленной на палубе красной бочке «Викинг» (на каждую вахту, а всего их на шхуне три,— по бочке со спасательным плотом), перерезаем веревки и из бочки достаем самонадувающийся (автоматически наполняется газом) резиновый плот-палатку «Лайфрафт». Одна из девушек тащит к нему синий мешок с аварийным запасом еды, воды, медикаментов, там же находятся удочки и даже специальный прибор, подающий сигналы самолетам. Но в обычной одежде на плоту в океане делать нечего: ждет явная гибель от переохлаждения, даже летом. Поэтому, чертыхаясь, залезаем в утепленные красные костюмы с желтыми рукавицами. В карманах проверяем свисток, порошок против акул, накидываем на голову шлем-капюшон, и через тонкую трубку каждый надувает свой воротник (на случай, не дай Бог, автономного плавания).

Удары колокола-рынды и молодецкая возня на шхуне не могли не обратить на себя внимание проходящих катеров. А тут еще раздались короткие отрывистые гудки: «У-у-у-у-у...», оповещающие, что кто-то «выпал» за борт. Так и есть: на волнах поплавком прыгает белая пластмассовая канистра, отгоняемая от судна порывами ветра.

В этой «героической спасаловке» наша вахта «А» выходит на первые роли. Один изображает из себя нечто вроде памятника с вытянутой рукой в направлении канистры; другой с яростью набрасывается на спасательный круг, и, применив гигантские усилия, срывает его и кидает в набежавшую волну; я же извлекаю из-под брезента буй с автомигалкой и звуковым сигналом и не спеша волоку его к борту, в полной уверенности, что такую дорогую игрушку никто не решится выбросить за борт. Откуда-то оленьими прыжками примчались Мэтт и Хортон (с нашим вахтенным начальником Хортоном Биби-Сентр мы еще познакомимся поближе) и стали поспешно спускать катер на воду. Я думал, катер погонится за неповоротливой канистрой, но, как бережливые хозяева, спасатели стали извлекать выброшенный по неосторожности круг, который в дальнейшем может нас не раз выручить. И тут слышу радостный вопль:

— По правому борту нас торпедирует неизвестный катер!

Действительно, прямо на шхуну мчится на бешеной скорости белый катер с высоко задранным носом. Кто-то успевает разглядеть опознавательные знаки на его борту и почтительно докладывает:

— Морской патруль!

Катер моментально гасит скорость и подходит к борту шхуны. «Ага,— соображаю я,— при выходе из нью-йоркского порта досмотра не было — теперь спохватились». Но судя по тому, как приветливо машут два молодых парня из рубки, настроение у них не агрессивное.

— Увидели красивый парусник, оживление на палубе — и подошли,— улыбается широкоплечий блондин с короткой стрижкой,— может, помощь какая нужна?

Звать этого парня с круглой симпатичной физиономией Сэм, а фамилия — Тулько, явно не английского происхождения.

— Бабушка с Украины,— поясняет Сэм.

Эти бравые ребята с одного из четырех постов береговой охраны в Сэнди-Хук. Отвечают за вход в гавань — огромную отмель, изрезанную узкими каналами и утыканную маяками-близнецами, забитую сотнями крупных и малых судов.

— К нам поступают ежегодно по две тысячи призывов о помощи,— говорит черноволосый Фрэнсис Скай.— В основном это лодки, которые заблудились или сели на мель. Хотя Джордж Вашингтон создал береговую охрану для борьбы с контрабандистами, сейчас нам попадаются только браконьеры. Главная беда — загрязнение Гудзона, в том числе и с проходящих судов. Береговая охрана считает, что добиться успеха можно, только ужесточив законы.

На прощанье Фрэнсис дарит свой складной нож в зеленом футляре и приглашает покататься на катере наших девушек. Мы с завистью смотрим вслед бурунам, которые оставляют два могучих двигателя, и начинаем готовить шхуну к отплытию.

Выбираем брашпилем цепи, поднимаем якоря и еще раз вспоминаем Фрэнсиса: еле отмываем из шланга цепи и якоря от мазута со дна Гудзонова залива.

Скоро заступаем на вахту. Наш высокий голубоглазый начальник Хортон, поглаживая шкиперскую бородку, объясняет скользящий график вахт. Словом, каждый день время дневных и ночных вахт будет меняться. Мы еще не знаем, что затратим на переход через Атлантику больше времени, чем предполагали, и ежедневные и еженощные вахты сольются в единую Большую Океанскую Вахту. Вроде и нехитрое дело: шесть часов днем да четыре ночью, вот и сутки прочь. На носу — смотри, рулевой — штурвал крути, а в камбузе как сыр в масле катайся. Но когда сам отстоишь на палубе десятки вахт, да не в тропиках, а на леденящем ветру, когда в качку выворачивает наизнанку и каждые полчаса тянет к борту — тогда начинаешь понемногу чувствовать, что такое моряцкая жизнь. Нет, не всегда небо казалось с овчинку, разное было, сейчас-то с берега все видится в этаком симпатичном свете, вообще, есть что вспомнить, особенно если первый раз на паруснике.

...Узкий лучик фонарика пляшет в темноте нашего форпика — носовой каюты, где ворочаются и похрапывают восемь душ, забывшись в коротком сне после очередной вахты. Кто-то легонько трясет за плечо, тихо бормоча в ухо:

— Твоя вахта. Пора!

Щелкаю выключателем над головой и смотрю через узкий проход: там недвижно покоится Виктор Якименко (в носовом кубрике нас двое из вахты «А»). Виктор дает мне фору, у него весь ритуал ночного одевания выверен до мелочей. Пока я мечусь в проходе, отыскивая свои сапоги и рокон (рыбаки называют эту малоудобную прорезиненную куртку с капюшоном и штаны на лямках ласково и выразительно — «непромоканец») в куче мокрой одежды, он успевает помыться и собраться. Как бывалый альпинист и яхтсмен, Виктор сушит одежду после дождливых вахт на себе, даже носки. Тем более что в промозглые туманные дни в форпике зуб на зуб не попадает, а в шерстяном костюме спать одно удовольствие — тепло и удобно. Но рекорд для книги Гиннеса поставил все же наш сосед-американец, махнув рукой на все условности, он спал не только в верхней одежде, но даже не давая себе труда скинуть ботинки.

Держа в одной руке отыскавшиеся наконец-то сапоги, я другой отжимаю защелку на дверях машинного отделения: в коридор врывается шум двигателя вместе с коктейлем из ароматов масел и мазута. Эти устойчивые запахи въелись во все мои свитера и рубашки, побывавшие на просушке в машинном отделении, и до сих пор мне не разрешают держать в квартире упоительно мягкие, теплые ватные штаны, которые спасли меня от радикулита в Атлантике.

Чувствуя, что опаздываю на перекличку, сгребаю под мышку «непромоканец» и кидаюсь к лесенке в штурманскую рубку. Так и есть — неумолимый Хортон уже выкликивает «намба ту». Это мой номер.

— Здесь! — кричу я, забираясь с одеждой в рубку и на ходу застегивая помочи.

— На нос вместе с Кэт Кон,— коротко бросает наш вахтенный начальник.

— Йес, сэр! — топаю я резиновыми сапогами, прикладывая два пальца к лыжной шапочке с помпоном.

Чувствую, Хортон смягчается (ему очень нравится прилежность и исполнительность, впрочем, как и всем американцам). Улыбаясь, он помогает мне надеть спасательный жилет и страховочный пояс, а на руку прикрепляет на липучке фонарик-мигалку. И все эти достижения спасательной зарубежной техники

напяливаются на мой родной отечественный «непромоканец» апельсинового цвета. Жаль, не осталось у меня снимка на память в этих яхтенно-рыцарских доспехах.

Не успеваем вывалиться из дверей рубки в непроглядную темень, как Кэт заботливо цепляет карабин моей страховки к штормовым леерам, протянутым вдоль палубных надстроек. Волна, правда, не так уж высока, чтобы смыть с палубы. Она пока еще кипит в иллюминаторах и заплескивает пенную верхушку к нашим ногам. Спотыкаясь, добираемся до фок-мачты, у подножия которой устраивается Кэт, прислонившись к бухте веревок и пристегнув к ним свой карабин, чтобы не унесло. Начинается ночная вахта, которую попросту называют «собачьей».

Пытаюсь продвинуться поближе к носу, где лучше обзор. Слава Богу, что паруса на бушприте опущены, хотя беспокойный Хортон может в любую минуту отдать приказ: «Поднять стаксель!» Он постоянно борется за скорость шхуны, впрочем, как и другие помощники капитана.

Бывает, часами вокруг непроглядная ночь и клубящаяся масса воды — и не за что зацепиться глазу. А тут будто на заказ впереди появляется огонек. Кэт бросается докладывать об этом Хортону, по-ковбойски расставляя ноги, чтобы не упасть (она занимается всеми мыслимыми для женщин видами спорта, даже футболом).

Мотается справа налево огонек неизвестного судна вместе с носом нашей шхуны, пока не превращается в светлый квадрат. Постепенно восстает из тьмы силуэт сухогруза с яркими огнями. И вот медленно проплывает сияющий мир, наполненный человеческой жизнью, и еще более одинокой и заброшенной в океане кажется наша «Те Вега», где на палубе чернеют фигурки рулевого да впередсмотрящего. Вокруг судна колышется, смыкается рать волн, угрожающе шевелится необозримая масса воды. И мы совсем одни в океане.

Впередсмотрящим хорошо быть поутру, когда горизонт теряется в нежной дымке и морская гладь светится легкой голубизной от плавающего где-то в облаках чуть видного солнца. Под его лучами постепенно приоткрывается неторопливая жизнь океана. Скользят в воздушных потоках чайки, бесстрашно подлетая к парусам, но садятся редко, хотя мы их встречали и посередине океана. Где они отдыхают, ночуют — непонятно. Однажды над шхуной разыгрался настоящий вестерн, когда черный фрегат, будто молнии подобный, падал сверху на чаек, распугивая их, и долго гонялся за одной птицей, которая ловко ныряла около наших снастей, пока фрегат не утомился и не улетел прочь. Навещали нас буревестники и долго сопровождали невиданные мною дотоле северные олуши с белым туловищем и грудкой. Они парили над волнами, с любопытством поворачивая к нам желтые клювы. Наверное, пытались разгадать, что нужно такому странному сооружению в их исконных владениях.

Глаза привыкают к однообразной череде волн, и можно запросто пропустить плывущее мимо бревно или доску. Но тут волновая симметрия явно нарушилась вертикальной плоскостью.

— Киты! Смотрите! Вот они, вот,— послышался голос с кормы. И все, кто не спал, повыскакивали на палубу.

Свинцовую рябь волн резали большие черные плавники, и изредка вздымались над поверхностью лоснящиеся туши. «Косатки!» — мелькнуло в голове.

До этого у носа резвились дельфины, проныривая под шхуной и вспенивая воду сильными хвостами то справа, то слева. Может быть, косатки гнали это дельфинье стадо?

Одна из косаток подплыла совсем близко к борту и, перевернувшись белым брюхом вверх, нежилась на воде, не отставая от судна.

Неожиданно за спиной пропели дуэтом, довольно гнусаво:

— Ротация! Ротация!

Что означало «смену караула». Наступил мой черед становиться за штурвал.

Хотя в сумраке уже стали проступать очертания судовых надстроек, но нечего было и думать об ориентации по горизонту. Кокон тумана так спеленал шхуну, что даже ее нос утопал в белесом молоке. А тут еще резкие порывы ветра приносили дождевые заряды.

С помощью секстанта всегда можно определить местонахождение судна в океане

На мостик взобралась Эйнджи Борден, чтобы помогать мне держаться правильного курса. Большой компас удобно располагался перед штурвалом на высокой деревянной тумбе, в круглом туловище которой была ввинчена лампочка для подсветки. Но струи дождя хлестали по стеклу, качали компас и не давали разглядеть риски градусов. Отыскивая направление стрелки компаса, Эйнджи произнесла в адрес разверзнувшегося неба серию нелестных морских выражений: о погоде, похожей на концерт «кошек и собак», о ветре, который «дует, как воняет» и набросал «камней в паруса».

— Отклонился от курса на десять градусов — крути штурвал вправо,— путая русские слова с английскими, выкрикнула Эйнджи и даже показала, в какую сторону поворачивать, ухватившись своей маленькой, но сильной рукой за рукоятку штурвала.

Эйнджи «свойский парень, что надо». Приветливая улыбка не сходит с ее добродушного курносого лица, освещенного искренним взглядом голубых глаз из-под русой челки. Как сейчас, вижу ее на палубе в черной майке с надписью «Тасмания», в бермудах, подпоясанных сыромятным ремешком с чехлом для ножа и шила, азартно напевающей по-русски «По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там» и притопывающей в такт песне грубым башмаком. Ей нравилось, когда я ее называл «Эйнджи — храбрый капитан». Это мечта ее жизни.

— В школе учительница жаловалась на меня: «Смышленая девчонка, но сорванец»,— рассказывает Эйнджи,— я больше дралась с мальчишками, чем учила уроки. Но все же пришлось поучиться в университете в Бостоне. Родители хотели видеть во мне чинную преподавательницу английской литературы.

В нью-йоркском порту Эйнджи познакомила меня с прибывшими из

Миннесоты отцом и матерью, очень прилично одетой пожилой парой (она в белых перчатках, он — в шляпе и при галстуке), которые с недоумением и жалостью смотрели на нашу разношерстную команду. Свою младшую дочь они привыкли провожать в дальние края. Эйнджи плавала на Фиджи и полтора года жила в Австралии, преподавала там на курсах вождения яхты.

— На меня нападает тоска от размеренной жизни в доме родителей,— признается Эйнджи,— я поставила в жизни цель стать капитаном на трехмачтовом барке, а колледж дает мне право быть директором школы, в которую наберу брошенных детей, подростков с неустроенной судьбой. Создам «плавучую школу».

Рассказ на «палубном семинаре» о народной дипломатии Эйнджи закончила стихотворной строчкой: «Давай не оглядывайся на других — ты будь первым!» Это ее девиз.

Как-то после вахты она показала мне видеофильм о легендарном среди американских «парусников» капитане Ирвине Джонсоне, плававшем по всем океанам на разных судах и обошедшем семь раз вокруг света. Помощником у него была жена, которую Ирвин выбрал из своих учеников на шхуне «Кочующая птица». Кадры фильма, снимавшегося в разные годы жизни Джонсона, показывают его феноменальную физическую подготовку и смелость. Готовясь к плаваниям, он балансировал на головокружительной высоте на балках, лазал по телеграфным столбам как кошка, а забравшись на верхушку, подолгу стоял там на голове. Кадры запечатлели его коронный номер: он ныряет с палубы, зажав в руке шкот, и тащится за судном в воде, держась одной рукой за эту веревку, закрепленную у мачты.

И сейчас на мостике, вероятно, чтобы подбодрить меня, Эйнджи рассказывает очередной подвиг капитана Джонсона, а я силюсь угадать в бледном свете лампочки — верен ли курс: «Уан, зеро, зеро», как проверяет время от времени Хортон, то есть курс — 100 градусов. Шхуна рыскает по курсу.

Отполированные многими поколениями рулевых ручки штурвала с неохотой подаются влево, но зато тяжелый круг охотно раскручивается вправо. Чтобы держать верный курс, все время жму туго поддающийся штурвал в левую сторону.

В какой-то миг наступает знакомое каждому рулевому непередаваемое состояние почти полной слитности со штурвалом, со шхуной, со скрипом снастей, с хлопаньем парусины. Поймаешь ветер — и тугие, крутогрудые паруса легко несут шхуну вперед, птицей летит она по воде, чуть не черпая бортом пенящиеся гребни волн.

Мне кажется, хорошо счастливое состояние рулевого передают строчки из стихотворения Максимилиана Волошина «Плавание», которые я списал из дневника яхтсмена Лени Дубровина, моего соседа по форпику:

«С кормы возвышенной, держась за руль рукой, я вижу, как пляшет палуба, как влажною парчою сверкают груды вод, а дальше сквозь переплет снастей: пустынный окоем, плеск срезанной волны, тугие скрипы мачты, журчанье под кормой и неподвижный парус...»

Но сейчас не до поэзии. Шхуна, как норовистая лошадь, то на миг застывает на гребне волны, то ухает вниз, то взмывает, карабкается снова на встречную волну. Временами она совсем ложится на левый борт, вздрагивая всем корпусом под ударами волн, и тогда штурвал буквально наваливается на грудь, и тут уж

не до правильного курса, а молишь Бога, чтобы удержаться на ногах и не кувыркнуться с палубы.

Дождь все сильнее и резче бьет в лицо, заливая глаза, мешая смотреть на расплывающийся циферблат компаса. Сильный порыв ветра сбивает капюшон куртки, холодные струи стекают по телу, как-то попадают в сапоги, и ты уже с покорным смирением сносишь издевательства природы, махнув на все рукой, лишь до боли в глазах всматриваешься в качающийся компас, стараясь не сбиться с курса.

После такой вахты, как ни странно, не сразу и засыпаешь под влажноватым одеялом. Вначале чертова круговерть впечатлений в голове, потом начинаешь приспосабливаться к качке, которая в носовой каюте чувствительна до невозможности. У тебя под щекой по железному корпусу стекает, булькая и журча, вода. Кажется, что идет вселенская стирка. Когда нос шхуны взлетает на волну, ноги задираются вверх, а голова упирается в переборку. Нужно изо всех сил держаться на руках, чтобы не разбить голову. Несмотря на все эти экзотические позы, усталость берет свое. В полудреме кажется, что ты не в койке, а брошен в пучину вод в утлой лодчонке, которую волны швыряют, как хотят. В первое время организм сдавал, дурнота подступала к горлу, и приходилось опрометью кидаться на палубу, переламываться через леера. Какие тут правила безопасности и страховки, когда судорога сводит все нутро и мышцы живота прижимаются к позвоночнику!

Но главный закон моря, как, впрочем, и жизни,— терпение. Как говорят морские волки: «День-два, и прикачаешься». Оказывается, эта весьма ощутимая качка была вестником настоящей беды: мы попали в циклон.

Общая тревога по судну, как всегда это и бывает, застала нас врасплох, впрочем, как и сам шторм. На нижней палубе бросало на стенки, и на голову сыпались с коек, как из рога изобилия, самые неожиданные предметы, вроде сигарет, книг, монет и целого ассортимента принадлежностей для бритья. По неопытности я напялил поверх ватных штанов еще «непромоканец», поэтому, еле выбравшись по железной лесенке на уходящую из-под ног верхнюю палубу, особого геройства проявить не мог. Оценив с одного взгляда мои тяжелые доспехи, Хортон обронил единственное слово:

— Держись!

В смысле: «Не вывались хотя бы за борт». Во время шторма я неуклонно следовал этому совету.

Оглянувшись, я не узнал океана, который еще день или два назад являл собой безмятежно-синюю поверхность, где с барашков волн взлетали ласточками стаи летучих рыб, спасаясь от прожорливых преследователей. Теперь вода кипела вровень с бортами.

На палубе был полный аврал. Все крепили шлюпки, копошились с концами, протягивая их для безопасности вдоль бортов и прищелкиваясь к ним карабинами.

Капитан Нилс, встав вместо рулевого на мостике, с безумной скоростью крутил штурвал — менял курс шхуны, выполняя какие-то непонятные маневры.

Громкий хлопок над головой заставил меня непроизвольно пригнуться, а потом взглянуть вверх на фок-мачту. Серая громада паруса, только что вздувавшаяся от ветра, опала, рассеченная, словно мечом. На лопнувший парус ветер набросился с неистовой силой, с треском отрывая длинные лоскутья,

которые подраненными чайками вились над морем. Это несчастье пробудило у всех небывалую энергию.

— Смайнать фок! — прокричал Хортон.

Слова начальника — закон для подчиненных, и мы, судорожно вцепившись в фал, дико «ухая», начали стравливать его через «утку». То ли тянули слишком старательно, то ли еще что случилось, но наверху фок-мачты отлетел кусок краспицы — верхней перекладины, которая когда-то была наверняка крепче и на ней могли даже вешать бунтарей или пиратов.

Тем временем море совсем взбесилось, волны не только заплескивали через борт, но и стали перекатываться через палубу. Сапоги у меня уже были полны ледяной воды, струйки которой запросто пробились под хваленый «непромоканец».

Эти секунды расслабленности могли обойтись мне весьма дорого. Палуба внезапно ушла из-под ног, надо мной взлетел в воздух, держа конец шкота в руках, Саша Петров, механик и любимец публики. Как цирковой акробат, он вовремя успел отпустить веревку и приземлился, скорее приводнился, на все четыре конечности. В то же мгновение большое оранжевое тело, кажется, здоровяка Димы Мартынова, таранило меня, и мы в обнимку заскользили по палубе к леерам.

Судьбе было угодно, чтоб мы все же зацепились за лодки, штабелем сложенные и привязанные у борта. И тут, как ни странно, у меня в голове мелькнула мысль не о том, что мы могли вывалиться за борт, а представилась жутко нудная процедура спасения. «Черт побери,— подумалось мне,— при такой качке не только плот не развернешь, но даже и в костюм не влезешь, если, не дай Бог, что случится».

В этот момент на рулевого посыпались обломки дерева — это при попытке убрать грот обломился конец гафеля, поддерживающего верхний край паруса.

Почему все эти беды свалились на наши бедные головушки в первый же шторм — не знаю. То ли маневры были неловкие, подставили паруса слишком отважно под шквальный ветер, то ли его напора не выдержала древняя парусина. На палубе все по-прежнему деятельно суетились, хотя спустить второй рваный парус было не так-то просто: путался отломанный кусок гафеля. Зацепившись карабином за веревку, я подвалил к гладкому стволу мачты подсобить Саше Котякову, для которого подобные переделки были не в диковинку. И тут наконец-то я нашел свое место. Худенький Саша, словно белка, вскарабкался мне на плечи, чтобы удобнее было складывать рваный парус. Тяжелое, разбухшее от воды, вытянувшееся вдоль гика (нижняя балка) тело паруса рвалось из рук, не давало себя скрутить веревками, словно мечтая вновь взмыть в вышину.

Краем глаза я заметил, как бушприт нырнул в гору воды, и в сетке под ним барахтается кто-то из команды, пытаясь привязать стаксель. И всюду я видел вездесущего Хортона в белой рубахе, порванной на плече, который кузнечиком скакал по палубе, залезал на мачты, как дикий кот, что-то привязывал, распутывал и всем отдавал дельные приказания.

А у меня в голове зацепилась и вертелась почему-то одна фраза, как старая патефонная пластинка, застрявшая на одном месте: «Лишь бы не гикнуться, лишь не гикнуться...»

Тем временем «Те Вега», наша «Прекрасная звезда», с трудом пробиралась

сквозь вздыбившиеся вокруг волны с кипящими гребнями. Шхуна то взлетала на водяную гору и тихо падала в распахнутую бездну, то осторожно пробиралась по краю волны, то плавно скользила по гребню.

Если бы кто-либо взглянул на шхуну сверху из облаков, то был бы поражен и зачарован нашим безумным серфингом по волнам океана.

Потрепанная после шторма «Те Вега», с порванными, опущенными парусами и поломанными снастями, вызывавшая у нас чувство беспокойства и жалости, тихо шлепала на моторе к берегам Канады, где под Галифаксом, столицей Новой Шотландии, нас готовы были приютить.

По прибытии в рыбацкий городок Луненбург капитан Нилс, побывав на берегу, довольно бодро заявил:

— Паруса починят, а гафель вытешут из ствола канадской ели Дугласа.

Так все и произошло: за американские доллары ремонт сделали быстро и надежно. А пока мы в гавани «чистили перышки», на борту разыгралась «камбузная» драма, вернее ее финал, так как история эта началась дня через два после отплытия из Нью-Йорка.

Узнал я о ней в свое ночное дежурство по камбузу. Коков на судне было трое: американка Лара, наша Таня и немка Кристина.

С Кристиной, журналисткой из Гамбурга, мы были душа в душу. Думая, что я дежурю с ней, я заглянул на камбуз, где все блистало чистотой, и легкомысленно отправился в форпик, чтобы подремать полчасика, так как готовка завтрака начиналась не скоро.

Но не успел я приклонить голову к подушке, как сильная рука потянула меня за куртку, и сквозь легкий сон я узнал тревожный голос Хортона:

— Вова! Ты заболел?

Оказывается, Лара нежданно-негаданно нагрянула на камбуз и, не найдя «кухонного мужика», подняла скандал. Вот в промежутках между чисткой картошки (между прочим, там я научился счищать кожуру жесткой щеткой) и вытаскиванием на палубу баков с мусором (выбрасывали за борт только пищевые отходы) грозная Лара соизволила довести до моего сведения, что смены сдвинуты из-за болезни «вашей Тани». Сама «железная Лара», представившаяся при знакомстве, как судовой профессиональный кок, и лазавшая по вантам не хуже «этих мужчин», считала морскую болезнь обычным симулянтством. Конечно, это было не так.

Если укачивало здоровенных вахтенных на палубе, то на камбузе девушке, да еще не плававшей раньше, выдержать было трудно.

Мое дежурство тоже попало на сильную болтанку. Под презрительным взглядом Лары я с остервенением тер жирные баки и кастрюли, но все испытания были впереди. Кто-то уронил бачок с оливковым маслом, и линолеум в кают-компании превратился в настоящий каток. От качки падали с полок пластмассовые тарелки и чашки, а со столов, несмотря на бортики и специальные скатерти-сеточки, вылетали миски с кашей.

Сняв кроссовки, чтобы не «загреметь», я скользил в шерстяных носках по полу с подносом в руках, как заправский конькобежец, с единственной мыслью не выплеснуть содержимое на головы едоков. А потом еще нужно было таскать горячий чай и кофе с печеньем продрогшей вахте наверх, в штурманскую.

В качку и думать-то о еде было тошно, а на камбузе от одних жирных, острых запахов вывернет наружу. Вот наша Таня и не выдержала, лежала пластом.

Через каждый час замеряем температуру океанской воды

Так, «в подвешенном состоянии», приходится чистить и закрашивать пораженные ржавчиной части корпуса шхуны

Вначале американцы отмалчивались, а на стоянке в Канаде пригласили Таню на разговор в каюту капитана. Причем обставили все с американской деловитостью, современно: засняли заседание ареопага видеокамерой и показали народу. Мол, решайте сами, кто прав, а кто виноват. Главные вопросы: сможет ли Таня продолжать путь? Надо ли ее снимать с судна и отправлять домой?

Собирались не раз, споры велись до хрипоты, благо на стоянке было много свободного времени. Для нашей группы возникала еще проблема: с кем, как и на какие средства отправлять, хотя американцы вызывались помочь.

Но, пожалуй, сильнейший аргумент за отправку выдвинул врач Дейв Джонсон: «Кто знает, насколько «морская болезнь» опасна для здоровья Тани при длительном шторме, особенно в экстремальной ситуации, например, если придется покидать судно?» Дейв настоящий профессионал. Он, работая врачом-травматологом в небольшой больнице в штате Мэн, вступил в Медицинскую ассоциацию помощи в диких местах и уже несколько лет обучает на курсах начальным медицинским знаниям людей, отправляющихся в глухие углы, где нет больниц. Например, всех, кто живет в районах национальных парков в США, или членов общества помощи во время стихийных бедствий, которые спасают потерпевших от землетрясений и других катастроф. Словом, Дейву можно было верить.

И все же мы сочли возможным оставить Таню до конца плавания. Ответственность за это решение мужественно взял на себя Грегори (так звали американцы нашего руководителя Гришу Темкина). Хотя рациональные американцы, возможно, были более объективны в этом вопросе,

но мы пожалели Таню, поверили ей, а она твердо заявила, что выдержит все трудности и будет работать на камбузе.

И как ни удивительно, мы с Таней выиграли этот спор, правда, стоит признать, что в шторм шхуна больше не попадала.

На камбузе после отплытия от берегов Канады закипело соревнование. Надо заметить, что ассортимент продуктов, которыми нас бесплатно снабдили разные фирмы, был не особенно богат. Мясо, рыбу — экономили; фрукты быстро кончились, а всякие пориджи (каши), корнфлексы (кукурузные хлопья) и чечевичные похлебки, обильно посыпаемые специями, русскому человеку быстро приедаются. И готовые вспыхнуть «потемкинские» бунты были быстро погашены Таниными борщами и блинами. Если Лара пекла пиццу, то Таня удивляла всех пирогами с капустой, а против лозаньи выставлялась тушеная индейка и т. д. Конечно, всем поварихам помогали в готовке «группы поддержки». Так этот «камбузный» спор оживил однообразную жизнь на шхуне.

Вообще, спокойное море и неторопливое плавание высвободили у команды массу неиспользованной энергии. Американцы, выдвинув лозунг: «Мы на шхуне не для отдыха, а для совместной работы», предложили массу новых тем для семинаров, на которые ряд выдающихся наших яхтсменов надо было заманивать апельсинами и яблоками (их раздавали на «палубных семинарах» вместо полдника).

На одном из семинаров о научных изысканиях на борту шхуны поведал Эндрю, студент-первокурсник технологического института, брат руководительницы американской группы Надин Блох. Надин, как член клуба «Чистая вода» и яростная сторонница всяких экологических изысканий, набрала в плавание разных приборов, а занимался с ними в нашей вахте Эндрю, привлекая к своей работе всех по очереди.

Самым нудным, на мой взгляд, было замерять температуру воды океана, потому что каждые полчаса, днем ли, ночью, требовалось забрасывать пластмассовое ведерко на веревке за борт для забора очередной ее порции. Утренний же ритуал начинался с подъема вытянутого цилиндра с натянутыми нейлоновыми нитями и стеклянной банкой — «туман-коллектора» — приспособления для улавливания загрязнений из тумана. Теперь на мою долю остается последний научный эксперимент, весьма нехитрый. Бодренько напевая: «А я еду, а я еду за туманом», разматываю длинный нейлоновый сачок, укрепленный на рамке, со стеклянной банкой, привинченной в суженном конце, и забрасываю его в море.

— Ловись, рыбка, большая и маленькая!

Тем временем Эндрю устанавливает закрытую металлическую коробку — прибор, фиксирующий загрязненность воздуха. Фильтры из него потом прячем в холодильник. Но, пожалуй, наиболее сложное — это выявление хлорофилла, для чего Эндрю перекачивает морскую воду маленьким насосиком в колбу, а затем запаковывает фильтры с осадками в пластиковые пакетики.

На «научной вахте» нужно не забывать и о наружном наблюдении. Садимся на носу у разных бортов с биноклями, чтобы попытаться определить виды всякой живности. У нас в журнале чего только не понаписано: и птицы, и акулы, и киты. Сейчас вокруг шхуны ныряют только чайки.

На океан можно смотреть часами. Он разворачивается перед тобой бесконечной панорамой вод: то свинцово-хмурый под низкими тучами, то

плещущий веселыми волнами в сверканье солнца. Необъятный океан. Сколько же надо было накопить человечеству всякой дряни, чтобы запакостить такую громадину. Простится ли это когда-нибудь людям?

Даже не верится, что за кормой половина пути. Люди повеселели, сложились какие-то компании, уже кажется, что не будет больше ни штормов, ни поломок. На доске объявлений около камбуза призыв: «Каждый раздет или разодет, как хочет и как может». Будет карнавал (за исключением, конечно, вахты).

На палубе уже кружат Эйнджи в рыжей шапке с хвостом — кот Базилио; Кэт — на швабре — баба-яга; Лара в ярком галстуке и при усиках изображает жулика; Хортон, конечно, одноногий пират на костылях, а с ним Люда Лазарева — Красная Шапочка.

Гремит музыка, показывают отснятый днем видеофильм о страшной участи «шланга» — бездельника Нила, который выпадает за борт,— порок наказан. Хотя у Нила Боровски, американского школьника, хорошего рулевого,— все успехи еще впереди.

На шхуне огни и веселье, а кругом бесконечный ночной океан. Он тихо убаюкивает этот маленький человеческий ковчег — единственный на тысячи миль водяной пустыни. И жалостливо вздыхает океан, взирая на освещенную скорлупку темным глазом, как Моби Дик...

Через несколько дней с мостика послышался отчаянный вопль:

— Лайт! Свет!

И сразу же за ним, уже с носа, раздался торжествующий возглас, знакомый по романам Жюля Верна:

— Ленд! Земля!

В северной зыбкой мути вначале увидели прерывистые сигналы маяка, а потом над горизонтом беловатую полоску: облако; гористый берег? Кто знает...

Теплая ночь. Ребята проснулись, вышли на палубу, заулыбались, подобрели... Нелегко прожить целый месяц вместе незнакомым людям на тесном суденышке, но невзгоды, работа, общая цель объединяют разные характеры и национальности...

Только к утру отчетливо разглядели берега. Прошли Гебриды, входим в пролив с сильным течением между Шотландией и Оркнейскими островами. В самом узком месте пролива вода аж вскипает, бурлит за кормой, видны гладкие проплешины на поверхности от столкновения потоков. И тут выскакивают, как поплавки, черные шары — блестящие головы тюленей, похожие на собачьи. Они нежатся в стремительном течении, а скорее всего ловят рыбу в узком месте пролива.

Следующие дни идем окруженные непроницаемо-зыбкой стеной тумана. Только дня два спустя пробиваются горячие лучи солнца, чье тепло особенно чувствуется после холодного перехода через океан. Много встречных судов, появляются бакены с красными и зелеными флажками, проплываем мимо высокого рыжеватого берега со столбиком маяка. Мыс Скаген.

А дальше в проливе, как на бойком проспекте, идут суда, лодки и важно шествуют многоэтажные паромы. Впереди неподвижная громада таинственного замка Кронборг, прославленного Шекспиром в «Гамлете», и огни набережной Копенгагена — недосягаемая для нас и заманчивая жизнь.

Утром входим в спокойное по-домашнему Балтийское море, и капитан Нилс объявляет всеобщую приборку.

Хортон доверяет мне счищать потеки ржавчины снаружи бортов. Вначале было удобно балансировать на канате у носа, а затем пришлось лазать, сгибаясь в три погибели, под леерами, даже голова затекала от наклонов. Тут-то я и брызнул слегка в глаз раствором медного купороса, которым снимал ржавчину. Хортон моментально принес пресной воды промыть глаз и заботливо увел на мостик чистить латунные части, что тоже непыльная работенка.

— Видишь надпись,— показывает Хортон на картушку компаса,— делала датская фирма «Ивер С. Вэлбах и К°», основанная в 1755 году. А построена «Те Вега» на заводе Круппа шестьдесят лет назад. Старушка молодец, может до 15 узлов делать. Знаешь, я с двенадцати лет хожу под парусом, не могу без моря. Вот и сейчас сбежал из своего вашингтонского офиса и, конечно, от долгов...

Хортон коротко похохатывает, смешно шевелит выгоревшими рыжими бровями и, насмеявшись, задумчиво говорит:

— Хорошо бы Тихий пересечь. А? С веселой и отважной командой. Как думаешь?

НАШ КОРАБЛЬ — ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ

Надеюсь, что, прочитав эту книгу, ты, мой юный друг, лучше узнал многие страны в Азии, Африке, Европе и Америке. Возможно, «затерянный мир» природы некоторых стран станет тебе интереснее и понятнее. Ты словно побывал в больших, наполненных шумной жизнью городах, затерянных в джунглях или саванне поселениях, ближе познакомился с жизнью их обитателей.

Пожалуй, самое разнообразное в нашем пестром мире — это жизнь людей разных народов, привлекающая внимание путешественников и ученых во все времена.

Можно считать задачу этой книги выполненной, если в тебе пробудилось уважение к обычаям и трудовым традициям других народов, появилось желание еще глубже и полнее изучить их нравы, особенности национального характера, узнать, как они строят жилища, пашут и ткут, одеваются и отдыхают.

Все народы Земли плывут на одном большом корабле — нашей планете, поэтому нужно знать и уважать друг друга, чтобы сохранить мир и жизнь.

А возможно, ты захотел увидеть все своими глазами, в тебе пробудилась жажда путешествий. Это очень хорошо. Только нужно помнить, что многие люди, осуществляя свои детские и юношеские мечты о путешествиях, становятся географами, геологами, экологами, моряками не только для удовлетворения своей любознательности, но и для познания природы, объяснения ее законов, сохранения и использования ее богатств на благо человека.

И еще, в заключение, хочется напомнить тебе, дорогой друг,— если ты не только мечтаешь о странствиях, а твердо решил претворять свои мечты в жизнь,— что путешествия — это большая наука, требующая основательной физической, психологической и научной подготовки.

Ты помнишь, дорогой читатель, как герой известного романа Даниэля Дефо потерпел кораблекрушение и его выбросило на необитаемый остров? Робинзон с помощью своего спутника Пятницы смог не только выжить, но и обустроить остров, «вжиться» в природу, не причиняя ей вреда. Как этого умения не хватает сегодня человечеству, загрязнившему среду своего обитания!

А как будет вести себя современный молодой человек, оказавшись в ситуации Робинзона? Хватит ли у него мужества, умения, выдержки и выносливости для жизни на необитаемом острове?

В последние годы у нас в стране и за рубежом организованы специальные «школы выживания», готовящие юношей и девушек к трудностям будущих странствий.

Искренне желаю тебе, дорогой читатель, закалить себя и подготовить к трудным испытаниям, приобрести побольше полезных знаний, основательно изучить науки о Земле и отправиться в Большое Путешествие вместе со своими друзьями.

Содержание

Учебное издание

Лебедев Владимир Александрович

СОГРЕТЫЕ СОЛНЦЕМ

Зав. редакцией *Л. И. Елховская*
Редактор *М. В. Зарвирова*
Младший редактор *Е. В. Коркина*
Художник *Б. С. Вехтер*
Художественный редактор *Е. А. Михайлови*
Технический редактор *Н. Т. Рудникова*
Корректор *Л. П. Батакова*

ИБ № 14287

Сдано в набор 31.10.91. Подписано к печати 29.06.92. Формат 70×90 1/16. Бум. офсетная № 1. Гарнит. литературная. Печать офсетная. Усл.печ. л. 14,04+0,29 ф. Усл.кр.-отт. 57,10. Уч.-изд. л. 15,27+0,48 ф. Тираж 36000 экз. Заказ 3126.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Министерства печати и информации Российской Федерации. 127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации, 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

В 1993—1995 гг. в издательстве «Просвещение» планируется к выпуску следующая литература по географии для учащихся

Войткевич Г. В., Вронский В. А.
Очерки эволюции биосферы (1994)

Дроздов Н. Н.
Заповедники пяти континентов (1995)

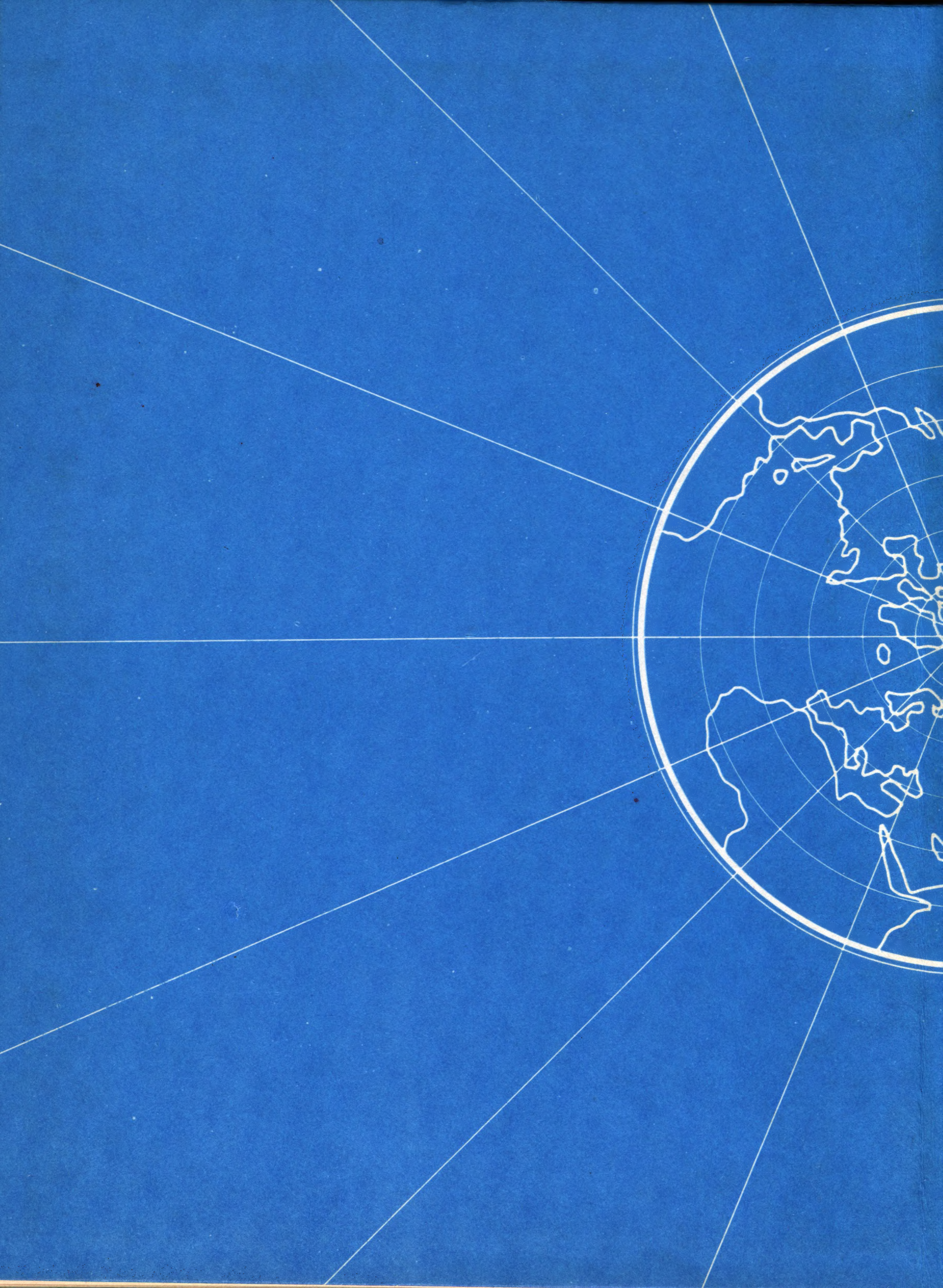
Залогин Б. С.
Океаны (1993)

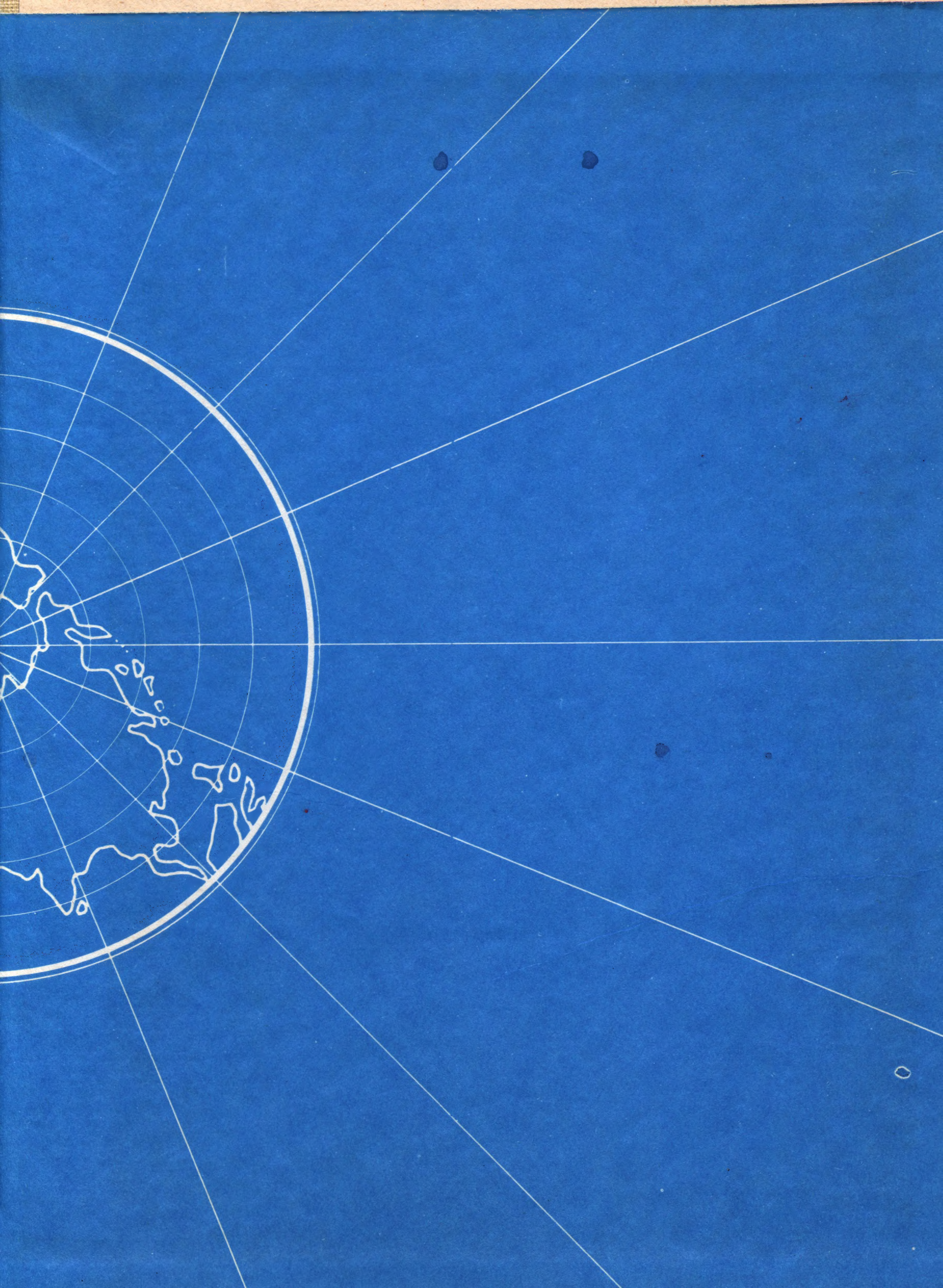
Здорик Т. Б.
Приоткрой малахитовую шкатулку (1994)

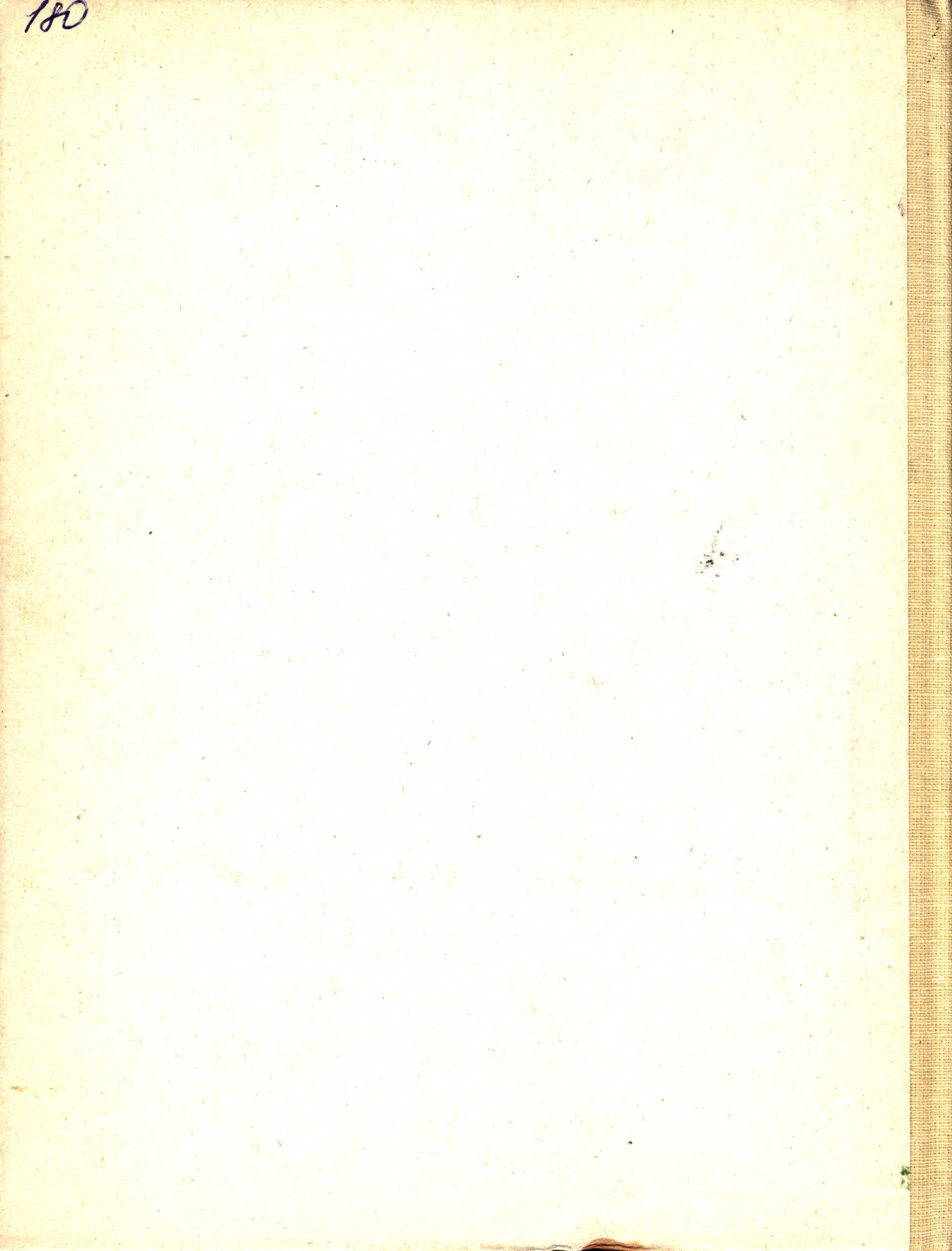
Кулинич Г. С.
О чем рассказывают камни (1995)

Муранов А. П.
Волшебный и грозный мир природы (1993)

Супруненко П. П., Супруненко Ю. П.
Среди вечных снегов (1993)

180

В. А. Лебедев Согретые солнцем